

Ли Мён Бак

ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ

Вместо предисловия к изданию на русском языке

Причина ухода из "Хендэ"

Решение, принятое в Согвипо
Ультиматум почетного президента
Если это будет провал, то я разорюсь
Три попытки остановить
Логика преданности
Последняя задача в "Хендэ"
Уйти бескорыстно
Давайте работать вместе

Мои учителя — это бедность и Мать

Примеры отца
Военный самолет одним летним утром
Ребенок с длинными руками
Не смей брать еды у других
Конфликт из-за поступления в старшую школу
Мальчик, который зимой носил соломенную шляпу
Побег из дома и молитва
Из бедного района Поханга в трущобы Итэвона
Помощник, которого я случайно обрел в магазине старых книг на Чонгечоне
С таким здоровьем в армию не берут
Попытка деревенщины
Зачинщик забастовки 3 июня
Тюрьма Содэмун, в которой я родился заново
Мать

Покорять вершины в работе

Не задерживаться с поступлением на работу
Строительство — это созидание
Конфликт между начальником и только что принятым сотрудником
Происшествие в Таиланде
Значит, ты один все деньги прикарманил?
Макияж делайте ночью
Указание аппарата президента, раздавленное бульдозером
Просьба супруги директора
Как же такая крупная компания, как наша, может заниматься продажей домов?

Тридцатипятилетний директор

[Плачь, сколько хочешь](#)

[Ты будешь директором](#)

[Конкуренция](#)

[Работающий за зарплату директор и сын президента корпорации](#)

[Бум на квартиры "Хендэ" в районе Апкуджонг](#)

[Нанесенная рана и обратный ход](#)

[Последняя встреча с президентом Пак Чон Хи](#)

[Сильный в обход не пойдет](#)

[Непростой человек](#)

[Плакать кровавыми слезами](#)

[Новое военное правительство и председатель федерации корейских промышленников](#)

[Абсурдное поражение в тендере](#)

[По всему миру](#)

[Мэр Багдада Вахаб и выход на иракский рынок](#)

[Пользуясь гостеприимством революционного правительства](#)

[Пикап «Пони» для Ирака](#)

[Уход из Багдада](#)

[Четырнадцатичасовая война](#)

[Достояние Малайзии — премьер-министр Махатхир](#)

[А что, задница у премьер-министра больше, чем у других?](#)

[Борьба Маркоса и Имельды](#)

[Обещание, выполненное мной спустя 20 лет](#)

[Люди, которых я не могу забыть](#)

[Думай как директор, работай как начальник отдела!](#)

[Говорю это как ваш товарищ, проживший дольше вас](#)

[Человек, который должен первым получать зарплату](#)

[Владелец компании — твой конкурент](#)

[Должность и власть](#)

[Наш директор и ночью не спит?](#)

[Подстрой свой характер под работу](#)

[Мучения из-за начальника](#)

[Властвуй над работой и временем](#)

[И в субботу в строгом костюме](#)

[Борьба с хроническим гепатитом](#)

[Господин Ли, у вас семья есть?](#)

[Королева мая на кладбище](#)

[Ли Мён Бак живет со второй женой](#)

[Женщина из телесериала](#)

[Комплекс из-за некрасивой внешности](#)

[Секрет хорошего папы](#)

[Завтра я не поеду на их машине](#)

[Способ зарабатывать и тратить деньги](#)

[Будущее на севере](#)

[В поисках нового света](#)

[Есть надежда](#)

[Ледники Северного полюса, растопленные водкой](#)

[Природный газ Сибири — в Корею](#)

[Лабиринт Горбачева](#)

[Приморский край — месторождение эпохи нового Когуре](#)

[Открыть Северную Корею означает открыть 21 век](#)

[В заключение Отправляясь в новый мир](#)

Вместо предисловия к изданию на русском языке

Дорогие читатели!

Книга «Чудес не бывает», в которой запечатлены моя жизнь, мои мысли и переживания впервые увидела свет в 1995 г. в Республике Корея. И вот теперь она издана на русском языке. Этот факт наводит меня на глубокие размышления и вызывает особые чувства. Ведь в этой книге подробно описан мой опыт работы в России и в странах Центральной Азии, которые я всегда считал и считаю дружественными странами.

После установления в девяностых годах XX века дипломатических отношений Россия и страны Центральной Азии стали более близкими для Республики Корея. С каждым годом мы всё яснее осознаем значение наших стран друг для друга и всё больше ценим важность укрепления и развития наших взаимных связей. В результате этого в последнее время отношения между нашими странами стремительно развиваются не только в экономике, но и в таких сферах как наука и культура.

Еще до установления дипломатических отношений я в качестве генерального директора одного из частных предприятий Кореи уже с конца 1980-х годов посещал разные города России. В ходе этих визитов я смог ближе познакомиться с Россией и ещё лучше понять её экономику и культуру, науку и технику, историю и искусство. Также мне удалось установить дружеские отношения с лидерами стран Центральной Азии, и эта дружба сохраняется до сих пор.

И вот — сентябрь 2008 года. Я с официальным визитом посетил Россию. На встречах с Президентом России Дмитрием Медведевым и премьер-министром Владимиром Путиным я обменялся заинтересованными мнениями по широкому кругу вопросов.

Особенное значение имеет то, что в ходе этого визита был придан большой импульс в реализацию проектов по соединению Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью и строительству газопроводов до Республики Корея. На эти проекты я начал обращать пристальное внимание уже в то время, когда работал генеральным директором частного предприятия.

Во время своего визита в Россию я также посетил Санкт-Петербургский университет. В этом университете мне предложили выступить с лекцией и присвоили звание Почётного доктора.

После вступления в должность президента Республики Корея я прилагаю большие усилия для развития сотрудничества со странами Азии. В рамках этого направления моей деятельности я объявил и постоянно поддерживаю инициативу «Новая азиатская дипломатия», которая направлена на расширение и укрепление обмена и взаимовыгодных отношений со странами Центральной Азии.

До моего избрания Президентом я работал мэром Сеула и уже в то время установил тесные дружеские контакты с руководителями многих стран Центральной Азии. В прошлом году я встречался с президентами Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. А в мае 2009 г. планирую посетить эти страны и вместе со своими коллегами конкретизировать меры по укреплению дружбы и сотрудничества в разных сферах. Также большое внимание будет уделено проблемам, связанным с проживанием этнических корейцев в этих странах. Поддержка этнических корейцев должна служить основой для роста их национального самосознания и гордости за свою историческую родину. Надеюсь, что это позволит нашим соотечественникам внести большой вклад в развитие отношений между странами.

Прошло много лет после первого издания этой книги. Много изменилось и в нашей стране, и в мире. Закончился век двадцатый, и сегодня мы живем в XXI веке. Жизнь провела меня через многие профессии. Работал я депутатом парламента и мэром Сеула. Сегодня народ доверил мне пост Президента страны. Но как бы ни менялись мои должности и посты, как бы ни складывались мои жизненные обстоятельства в стремительном течении времени, есть то, что для меня остаётся неизменным. Это моё твёрдое убеждение:

В жизни чудес не бывает!

С раннего детства и до окончания университета изо дня в день я был вынужден решать проблемы, связанные с бедностью. И даже после того, как меня приняли на хорошую работу в компанию «Хендэ», я в течение почти тридцати лет продолжал точно также упорно и каждый день отдавать все свои силы выбранному делу, пройдя вместе со своей компанией поистине исторический путь быстрого экономического подъёма, по которому шла вся Корея с конца 60-х до конца 80-х годов.

Я стал членом правления компании уже в 20-е годы своей жизни, в 30-е годы — генеральным директором, в 40-е годы — президентом компании. В 50-е годы становлюсь депутатом парламента Кореи. А в 60-е годы жители Сеула избрали меня своим мэром. В настоящее время на моих плечах почётная, но вместе с тем очень ответственная обязанность, которую мне доверили корейские избиратели.

Иногда меня называют «героем чудес», думая, что всё у меня складывалось, как в сказке. Но моя жизнь — это далеко и совсем не «чудеса». Моя жизнь это трудная дорога, длинный путь, исполненный страданий и терпения. Каждый день я упорно и смело шагал по этому пути, не теряя веру в себя и в свою мечту. Моя жизнь — это постоянное движение вперёд с твёрдой убеждённой в успех, это преодоление всех и всяческих препятствий и умение гнать подальше от себя уныние и разочарование в случае неудач и временных поражений.

Я очень надеюсь, что эта книга окажет помощь молодым людям в поисках своего собственного пути в наше нелёгкое время, поможет всем, кто страдает от тяжелой неустроенной жизни, обрести надежду и с новыми силами уверенно пойти по своей жизненной дороге навстречу успеху и счастью.

Эта книга не только моя «личная биография». Надеюсь, что, читая «описание моей жизни», вы очень много узнаете и о современной истории Кореи, познакомившись с достоверными фактами, изложенными на этих страницах. Я уверен, что эта книга поможет вам более глубоко понять Корею и корейский народ.

Международные отношения в XXI веке определяются не только конкуренцией между государствами. Перед мировым сообществом встают глобальные проблемы, которые с каждым годом становятся всё острее и масштабней. Это и изменение климата, и международный терроризм, и мировой финансовый кризис. Решать эти проблемы в одиночку становится не под силу отдельной стране или отдельному народу. Только совместными усилиями можно добиться гармонии на планете и процветания всего человечества. Я думаю, что в этом отношении большую роль призвано сыграть тесное взаимодействие и сотрудничество стран евроазиатского континента, в особенности России, Кореи и стран СНГ, в которых очень крепки исторические связи с русской культурой и русским языком.

Исходя из этой точки зрения, я очень надеюсь, что издание на русском языке книги «Чудес не бывает» будет хорошим вкладом в дело сближения наших стран, поможет более глубокому взаимопониманию между народами и, хочется верить, станет началом «новой эры обмена и сотрудничества».

В заключение от всей души выражаю искреннюю признательность всем, кто оказал помощь в подготовке и публикации этой книги. Глубоко благодарю профессора Ким Хён Тхэка и переводчицу Инну Пак за большую и сложную работу по переводу книги

на русский язык, а также Корейско-русский культурный фонд за практическую реализацию русской версии «Чудес не бывает».

Ли Мён Бак

Президент Республики Корея

Апрель 2009 года

Причина ухода из "Хендэ"

В "Хендэ" я работал, отдавая всего себя. Работал, работал и работал... Когда компания выросла из маленькой в крупную, а затем в международную, когда доход на душу населения, который был меньше 100 долларов, вырос до 8 тысяч, я находился в самом центре событий и бесконечно благодарен за это судьбе.

Решение, принятое в Согвипо

31 декабря 1991 года Я поехал на отдых на остров Чеджу с женой и четырьмя детьми. Это было наше первое семейное путешествие. У всех нас было замечательное настроение. Мы давно не отдыхали вместе, но, тем не менее, я не мог погрузиться в теплую семейную атмосферу.

Пройдет этот день, и наступит новый год. Мне предстояло принять важное решение. Нужно ли уходить из "Хендэ"?

Я стоял на перепутье перед принятием важнейшего решения в своей жизни. Мне недавно исполнилось пятьдесят лет, я стоял на берегу и смотрел на море в городе Согвипо. Море казалось безгранично широким. Горизонт уходил далеко за пределы моего взгляда. Бесконечность моря ассоциировалась скорее с моим будущим, чем с прошлым.

Но «понимание послания небес» зависит от того, как ты прожил свою жизнь. Ведь невозможно правильно прочесть небесное послание, если ты не привел в порядок свое прошлое. Я задумался о пятидесяти годах своей жизни, о том, каково же было послание ко мне, когда я двигался только вперед.

Я давно не стоял так, в одиночестве у моря, с которым у меня была особая давняя связь.

Родившись в Японии, я возвращался с родными на освобожденную родину на корабле. Но корабль наш потерпел крушение у острова Цусима, и все деньги, накопленные нами в Японии, утонули в море. Мы спаслись, но возвращались с пустыми руками на родину, где нас ожидала жестокая нищета.

Даже после войны нищета не оставляла нас в покое. Когда братья уехали в Сеул, а за ними и родители, мы с сестренкой, оставшись одни, должны были как-то выживать. И море у города Поханг, в котором мы жили, казалось нам ослепительно голубым, но вечно холодным.

Потом — переезд в Сеул, учеба в университете, студенческое движение, тюремное заключение, смерть матери, поступление на работу в "Хендэ". Все это время моего взросления, я постоянно боролся с нищетой.

27 лет в "Хендэ". Не исполнилось и 30, как я стал заместителем директора, до 40 — директором, а до 50 — президентом компании. Люди часто говорили, что я «человек-легенда».

Но легенда является таковой только для тех, кто смотрит на нее извне. А изнутри это жестокая действительность с множеством кризисных ситуаций и вызовов. Я никогда не отступал от кризисов и вызовов, преграждавших мне путь, я всегда преодолевал их. Наверное, такое упорное движение люди и называют чудом.

На следующий день, 1 января 1992 года, я гулял по морскому берегу в Согвипо. 23 года взросления, 27 лет постоянной борьбы с вызовами судьбы, и еще 25 лет впереди, с момента ухода из "Хендэ". Дальнейший путь был мне предначертан.

В "Хендэ" я работал, отдавая всего себя. Работал, работал и работал...

Я покорял вместе с компанией мир, начиная с джунглей на экваторе, жарких пустынь, заканчивая снежной Сибирью. Я находился в самой гуще событий, когда компания вырастала из маленькой в крупную, а затем в международную. Я работал в ней, когда доход на душу населения, который был меньше 100 долларов, вырос до 8 тысяч. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что я активно способствовал стремительному и беспрецедентному росту, как "Хендэ", так и моей страны.

Жена шла по берегу позади меня, я даже не заметил, когда она подошла. Конечно, она догадывалась о моих переживаниях.

Вдруг я вспомнил 1977 год, когда я был назначен директором. Тогда мне было 35 лет, и я задумался над тем, смогу ли я справиться с работой на такой должности, и должен ли я принимать такое назначение. Журналисты не давали мне покоя и дома. Тогда я с женой поехал в родные края, впервые после того, как покинул их. Я глядел на синее море в бухте Енгиль и в душе сказал себе: «Не надо противостоять судьбе. И не надо стать простым директором».

С тех пор прошло 15 лет. И поздравление с Новым годом в мое пятидесятилетие имело много смыслов. Я должен покинуть "Хендэ". Я сказал жене, что должен принять решение до отъезда из Согвипо, и она сказала тихим голосом:

— Делай, как считаешь нужным. И делай это, согласно своим принципам. Мы всегда будем верить в то, что это самое верное решение. И всегда будем следовать ему.

Наконец я покинул Согвипо.

"Хендэ" и без меня будет уверенно продвигаться вперед.

Ультиматум почетного президента

Утро 3 января 1992 года, следующий день после возвращения из Согвипо. Я вышел на работу в головной офис "Хендэ" в районе Гедонг. Мой последний день в "Хендэ" по совпадению был днем церемонии Нового года и начала работы в новом году. В зале для совещаний собрались все директора.

Как всегда в центре за главным столом сидел президент корпорации Чонг Се Енг, слева я и Ли Хен Тэ, справа — Ли Чун Рим и Чонг Монг Гу В двух рядах напротив сидели директора всех дочерних компаний. Атмосфера в зале была теплая, все обменивались новогодними поздравлениями.

Тут вошел почетный президент компании Чонг Джу Енг, выглядел он весьма странно. Он был одет в спортивный костюм и кроссовки. Президент Чонг всегда выходил в такой одежде из дома в районе Чонгун, шел пешком, переодевался в офисе и начинал рабочий день. И было так неожиданно, что он появился на торжественном

мероприятии, где присутствовали все директора, в спортивном костюме. Такого не было еще никогда.

Почетный президент сел на место, которое второпях приготовил ему президент компании Чонг Се Енг, выражение лица Чонг Джу Енга было напряженным. Без единого слова приветствия он начал говорить.

— Принято решение, что с сегодняшнего дня я, президент Ли Мен Бак, заместитель директора Ли Нэ Хын, уходим в политику и соответственно оставляем свои должности в компании.

Сказав это, он встал и вышел также быстро, как вошел. В зале повисла тишина. Минут 5 все хранили молчание. И, наконец, президент компании Чонг Се Енг нарушил тишину и быстро закончил церемонию начала нового года.

Все директора вышли из зала для совещаний и отправились в центр для стажировок в Мабук-ли. Это было давней традицией после новогодней церемонии проводить семинар в Мабук-ли. Я не пошел в автобус в Мабук-ли, а направился в кабинет почетного президента Чонга. Он был в кабинете один.

— Извините, но я не смогу вам помочь. Я уйду из компании. Таким образом, как президент уведомил меня, так и я высказал ему свое мнение. Так я дал знать ему о своем решении после ультиматума, который поставил президент Чонг в конце прошлого года. Я воспринял его уведомление как одностороннее применение прав хозяина компании полностью отстранить меня от дел в "Хендэ". Независимо от того, буду ли я участвовать в создании новой политической партии или нет. Президент Чонг составил срочный график по созданию новой политической партии в начале 1992 года.

Это было попыткой оказать давление на меня, просто загнать меня в угол. Но я никогда не сдавался, как бы сильно на меня ни давили.

Я дал ясно понять, что покидаю "Хендэ", и хотел уже выйти из кабинета, но президент Чонг поднялся с места и сказал.

— Встретимся через несколько дней.

— Я подумаю. Такой ответ, как я подумаю, означал на самом деле твердый отказ с моей стороны. Поскольку я никогда не выражался так неопределенно по поводу сотрудников или дел компании, такого ответа не могло и быть. Когда я закрыл за собой дверь кабинета президента, я почувствовал, как слабеет та крепкая нить, которая связывала меня с "Хендэ" целых 27 лет.

Я спустился к себе в кабинет и провел там свой последний день в "Хендэ". Все директора и топ-менеджеры уехали в центр для стажировок, казалось, что я остался один в головном офисе. Там царили только пустота и одиночество. Будучи высшим профессиональным управленцем компании, никто не смог бы распрощаться с ее владельцем так, как сделал это я. Большинство подчинилось бы приказу хозяина. Но у меня не было ни капли сомнения, или сожаления по поводу моего решения покинуть "Хендэ" и не присоединяться к Народной партии. Я верил в то, что пройдет время, и станет ясно, что мое решение было единственно верным.

И тут ко мне ворвались журналисты, которые давно следили за моими действиями.

— Это правда? Говорят, вы ушли из компании, чтобы начать политическую деятельность.

— Вы намерены стать членом партии, если ее создаст президент компании Чонг?

Журналисты восприняли мой уход из "Хендэ" как подготовку для выхода на политическую арену. Я ответил.

— Буду ли я членом новой политической партии или нет, не является злободневным вопросом сегодня. Мне нужно обдумать этот вопрос в корне, правильным ли будет мое участие в политике или нет.

Журналисты вскоре отступили.

30 лет назад, когда все, с кем я участвовал в студенческом движении, ушли в политику, только один я выбрал работу в частной компании. Тогда я думал, что начинать политическую деятельность надо только после оживления экономики, когда будет создана стабильная основа государства. Я был уверен, что для отсталой страны с доходом 80 долларов на душу населения, где народ не может найти себе работу, более срочным и важным является создание рабочих мест для людей, нежели политика. И мало кто сможет опровергнуть тот факт, что движущей силой, поднявшей нашу страну на нынешний уровень, стала именно экономика, а не политика.

Когда я был в Сибири или Китае в командировках, я увидел новое будущее Корейского полуострова. В лютый мороз и темные сибирские ночи я четко осознал, что Север неотделим от корейских компаний, равно как и от будущего всего корейского народа.

И я подумал, что настал момент, когда будущее Республики Корея определяется именно ее политикой. И было ясно, что если политика, которая до сих пор была на втором плане после экономики, не уйдет от старых устоев, не изменится и не поднимется на более высокий уровень, то будущее Кореи не может быть перспективным. И пусть у меня не очень много сил, но у меня есть своя конкретная задача. Я понял, что я должен найти то лекарство, которое оздоровит корейскую политику. Настал момент, когда я должен был перенести свой опыт, полученный при работе в компании, в политику.

В период стремительной децентрализации и глобализации, корейская политика, которая оставалась неизменной последние 30 лет, сейчас не может поспевать за реалиями современности, изменяющимися в одночасье.

Я решил, что теперь политика должна стать не управлением, а менеджментом, опережающим будущее.

3 января 1992 года я ушел из корпорации "Хендэ".

Если это будет провал, то я разорюсь

Летом 1991 года, когда шли массированные слухи об уходе президента компании Чонга в политику, он объявил о решении сформировать неполитическую организацию под названием «Штаб движения народного духа». Чонг планировал использовать свои обширные связи при создании этой организации. Когда президент сказал, что внесет мое имя в список ее основателей, я необдуманно ответил согласием. Я не знал хорошо о намерениях президента Чонга и посоветовал назначить в качестве его советников кардинала Ким Су Хвана, пастора Хан Ген Джика и других.

Президент Чонг согласился с моим предложением, потом сказал, что лично встретился со всеми, и они дали согласие. Но на другой день он сообщил:

— Если уж работать для страны, то делать это надо мне самому, тут одним «движением народного духа» не обойдешься.

В результате штаб так и не был создан.

Я не мог в точности понять смысла его слов «делать самому». Также как и я, люди из «движения народного духа», его секретариат, не знали настоящих планов президента Чонга. Его действия казались очень странными. И извне к ним тоже

проявляли огромный интерес. Было ясно, что его деятельность никак не связана с бизнесом, а связана с политикой, но невозможно было понять, что это: финансирование тех или иных партий, предварительная стадия для создания своей политической партии или непосредственная претензия на высшую политическую должность.

Только в декабре стало проясняться, что обсуждается вопрос о структуре новой политической партии. Были разговоры, что в политических кругах и службе госбезопасности к этому относятся весьма серьезно. Примерно тогда президент Чонг вызвал меня к себе.

— В правительство я тоже обо всем сообщил.

Итак, создание новой политической партии. Ситуация была такова, что поворачивать вспять было уже поздно.

Чонг требовал от меня ответа сразу же. Ходили слухи, что непреложной реальностью является не только участие президента Чонга в политической деятельности, но также и его участие в четырнадцатых выборах в качестве кандидата на пост президента. В другой ситуации Чонг был бы недоволен такими слухами, но в этот раз казалось, что он все-таки ожидает моего участия в его действиях. Я догадывался, что такие изменения в поведении президента Чонга связаны с его грядущей политической деятельностью, и это для меня было неожиданностью, ибо затрагивало мои личные планы.

— Ли, решай быстрее, будешь участвовать как независимый кандидат, или присоединишься ко мне?

— Я не думал, что ваш приход в политику будет именно таким. В связи с этим ситуация усложняется. Я не хочу заниматься политической деятельностью. И для меня нет никакого смысла вступать в политическую гонку. Какова же будет политическая ситуация в нашей стране, и каким будет лицо нашей компании "Хендэ", если вы создадите оппозиционную партию, и я тоже уйду в оппозиционную партию, да и директора и заместители директоров захотят участвовать в выборах? В нашей корпорации нет компании, которая бы продавала товары массового потребления. К тому же, как вы знаете, "Строительная компания Хендэ" во многом зависит от правительства, от госзаказов внутри страны и строительства за рубежом. Неправильные действия в политике могут разрушить все это. Разве не так?

Президент Чонг, четко принявший решение создать партию, и неукоснительно осуществлявший свою программу, услышав мою критику, на мгновение растерялся, и, видимо, поэтому сказал.

— Что ты переживаешь без всякой на то причины? Если разорится компания, это разорюсь и я. И если я сказал, что все будет нормально, значит так и будет. Чего ты волнуешься?

— Может быть, по закону это и ваша компания, но я, как и все сотрудники корпорации "Хендэ", также считаю себя в душе ее хозяином. Со дня поступления на работу и по сегодняшний день я ни разу не думал о компании как о чужой, я считал ее своей, я отдал ей всю свою жизнь, и прожил так до настоящего момента. И поэтому говорю вам именно с этой точки зрения.

Сказав это, я почувствовал пустоту в душе. Это был моральный предел для профессионального управленца, и я снова ощутил ту непреодолимую преграду, которая разделяет хозяина компании и топ-менеджера.

Три попытки остановить

Я должен был остановить президента Чонга в его решении уйти в политику. Отношения между ним и ответственным по экономической политике при президенте Но Тхэ У были очень плохие. И я подумал, что его попытка ухода в политику связана также и с желанием противодействовать этим силам.

В последний период президентства Но Тхэ У правительство наложила на корпорацию "Хендэ" астрономическую сумму налога размером в 160 млрд. вон, что сильно задело самолюбие президента Чонга. Рациональнее и эффективнее было бы потратить эти деньги на политику, чем просто отдавать 160 млрд. вон в качестве налогов. И я думал, что в такой ситуации Чонг будет поддерживать какого-то политика или партию. Но президент решил сам непосредственно участвовать в политике, что стало для меня большой неожиданностью.

— Вы всегда положительно отзывались о кандидате Ким Енг Саме, выделяя его среди прочих. Если Ким Енг Сам придет к власти, то он создаст настоящее гражданское правительство в отличие от 6-й республики Но Тхэ У. Ведь Ким Енг Сам разумный человек и не будет несправедливо вмешиваться в дела компаний, как какая-то военная администрация без всяких традиций. Если вы поддержите Ким Енг Сама, наверное, вы сможете добиться своей цели. Не так ли?

Прежде, когда разговор заходил о Ким Енг Саме, президент Чонг всегда говорил: «Он очень правильный человек». Но тогда президент Чонг не проявил никакого интереса к моим идеям поддержки этого кандидата. И я продолжал его убеждать.

— Если заниматься политикой в противовес президенту Но Тхэ У, то лучшим вариантом является активная поддержка Ким Енг Сама. Ведь если с вашей поддержкой Ким Енг Сам будет избран на пост президента, то вы сможете беспрепятственно, как главный представитель частных компаний, продвигать свои предложения.

Таким образом, вы, как президент корпорации, которая оказывает самое большое влияние на экономику государства, внесете свой весомый вклад в развитие государства.

На такое мнение президент Чонг ответил резким отказом.

— Нет смысла говорить об этом. Я сам буду заниматься политикой.

И потом президент Чонг стал быстро осуществлять все необходимые действия для создания политической партии. Через несколько дней я опять попытался его переубедить. Это была вторая попытка.

— Если человек, который владеет крупной компанией, будет действовать в том же направлении, какое вы выбрали, то в дальнейшем у него будет немало сложностей. К тому же, так как корпорация занимает значительное положение в экономике Республики Корея, то, в конечном счете, это повлияет и на экономику страны в целом. И тогда люди будут связывать ваши решения и действия с отрицательным влиянием на экономику государства. Если вы считаете создание политической партии необходимым, примите участие в выборах как независимый кандидат. И если ваша партия победит на выборах, то можно будет объединить вокруг себя силы всех тех, кто недоволен нынешним руководством. И даже после окончания выборов создать новую политическую партию будет не поздно.

На самом деле, я надеялся, что после выборов у президента Чонга не будет возможности создать партию. Он слишком торопился, поэтому я предложил сначала разрешить самое срочное, но он никак не поддавался.

— Это вариант пассивного участия. А я решил выбрать активный.

На следующий день я сделал свое третье предложение.

— Если вы решили создать политическую партию, то я предлагаю следующее. Создайте ее, собрав чистых, искренних молодых людей, никогда не занимавшихся

прежде политикой. Если вы сделаете так, то я буду активно вам помогать. Даже если сразу не будет положительного результата, то в следующий раз мы сможем получить поддержку народа. Стоит попробовать. Если воспитать хороших политиков на деньги, заработанные компанией, то уже этим можно обогнать существующие партии, что само по себе станет отличительной особенностью нового объединения. И пока будет формироваться философия и политическое направление партии, это будет привлекать новизной и свежестью людей, уставших от старой политики.

Президент ответил коротко.

— Так делать не стоит. Может быть много победителей на выборах. Следует посмотреть, какая партия победит на выборах, и собрать тех людей, которые не смогли выиграть, но у которых есть большая вероятность победы.

В то время диалог с президентом Чонгом происходил именно в таком ключе. Если я долго что-то объяснял, то он коротко отвечал. Что означало. «И в политике надо быть со мной вместе. Не так ли? Ты должен просто идти за мной, к чему столько разговоров?» - говорил он недовольным тоном. Таким образом, вне всякой зависимости от моих убеждений, возникшую ситуацию невозможно было изменить.

Логика преданности

Три попытки остановить Чонга оказались безрезультатными, и приближалось время принятия решения.

В тот период "Хендэ" была в очень сложной ситуации, как раз из-за несправедливо наложенного на нее налога в 160 млрд. вон. Я пытался разрешить эту проблему. И именно тогда президент Чонг поставил передо мной ультиматум: принять решение до конца декабря. В любом случае, это означало уйти вместе с ним из компании.

Надо было все тщательно обдумать.

Еще до того, как Чонг решил заняться политикой, я часто думал о том, что мне надо идти новой дорогой. Много лет назад "Хендэ" начала подготовку специальной программы прихода сыновей Чонга к управлению, и многие профессиональные менеджеры находились в поисках более стабильного положения. Я чувствовал, что для меня настало время покинуть компанию, и что мой уход решится без всяких проволочек.

Осваивая Север, я осознал всю важность политики как таковой, и подумал, что «это и есть то, что я могу уже делать».

Случайное совпадение моего нового этапа жизни с участием в политической деятельности Чонга осложняло положение нас обоих.

Больше всего меня беспокоили существовавшие феодальные отношения между хозяином компании и профессиональными менеджерами. Я не мог принципиально согласиться с традицией беспрекословного, слепого подчинения хозяину компании в любой ситуации, лишь на основе глубокой преданности.

Я убежден, что настоящий управленец должен быть больше хозяином, чем сам владелец компании. Хозяин должен быть прежде всего «хозяином своей жизни», «хозяином своей совести». И только тогда можно стать хорошим хозяином в любой ситуации.

Если бы в компании владелец предложил: «давайте возьмем на себя строительство плотины "Три ущелья" в Китае» или «проведем на основе частных инвестиций туннель по дну океана между Кореей и Японией», то я, в качестве профессионального менеджера, только поддержал бы новый проект.

Какой бы нереальной ни казалась задача, если владелец компании твердо стоит на этом, то нет другого выхода, как принять это, и во что бы то ни стало задачу выполнить. Я всегда жил именно так, и результаты, которых добилась "Хендэ" в стране и за рубежом, очевидное тому доказательство.

На тринадцатых выборах президента обсуждалось мое возможное депутатство в Национальной ассамблее, и я сам не был против этого. Тогда в "Хендэ" происходила борьба между профсоюзами и работодателями.

Однажды утром президент Чонг обратился ко мне: «Это моя последняя просьба. Займись работой в Ульсане и разреши конфликт между работниками и работодателями». Тогда же меня назначили президентом акционерной индустриальной компании "Хендэ" в Ульсане, где и происходили стычки между работниками и компанией.

Компания столкнулась с кризисной ситуацией, поэтому я отложил свои личные планы на будущее. С того дня я начал работу в Ульсане и на протяжении двух месяцев должен был разрешить все вопросы с руководителями профсоюза.

Но политика во многом отличается от частного бизнеса.

Прежде всего, нужны общечеловеческие ценности, на основе которых можно разрешить тот или иной вопрос. В политике необходима философия и понимание истории. И должна быть общая цель развития государства, а также стратегические направления, двигаясь по которым, можно достигнуть заданной цели.

И я решил для себя, что мое занятие политикой без философского, исторического понимания роли государства, только из-за одной слепой преданности, не принесет пользы не только мне и президенту Чонгу, но и обществу, в котором я живу.

А какова была бы моя реакция, если бы Чонг Джу Енг объявил о своем участии в политической деятельности не как руководитель крупнейшей корпорации в стране, а просто как гражданин своей страны? Я очень симпатизировал ему, потому что в молодости Чонг обладал множеством достойнейших качеств, таких, как способность достигать поставленных целей, принимать решения, лидерский дух, простота и скромность.

Но больше всего мне запомнилось «жестокое столкновение» в 1979 году между "Хендэ" и газетой "Чунганг Ильбо", принадлежавшей корпорации "Самсунг". Это столкновение показало, что СМИ одной корпорации способно оказывать огромное влияние на конкурирующую компанию. Тем более, не сложно было представить то отрицательное воздействие, которое могла бы оказать такая мощная корпорация как "Хендэ", придя к власти. Это была одна из основных причин, почему я не мог пойти в политику вместе с Чонгом. Пока я находился в своих раздумьях, 1991 год подошел к концу. И я впервые за долгие годы поехал с семьей отдыхать на остров Чеджу

Потом, когда я, расставшись с президентом Чонгом, пошел по своему пути. Многие упрекали меня в том, что я не поддержал того человека, кто дал мне все возможности для профессионального роста. С другой стороны, из разных провинций страны незнакомые люди звонили или посылали мне письма, поддерживая меня в том, что я сделал действительно смелый шаг, приняв правильное решение.

Ни на какие, позитивные или негативные, высказывания о моих действиях я не давал объяснений и оправданий. Я был уверен, что со временем все прояснится и встанет на свои места. И сейчас я думаю так же.

Последняя задача в "Хендэ"

В начале января 1991 года в головном офисе строительной компании "Хендэ" я выступил с прощальной речью в связи с моим уходом в присутствии около 500 сотрудников. И вот что я им сказал.

«Уважаемые сотрудники! Сейчас я оставляю компанию, которой я отдал 27 лет жизни. Есть много причин, почему я решил это сделать, но я не хочу сейчас говорить об этом. Я ухожу из компании с легким сердцем, потому что в "Хендэ" много способных руководителей, и мое отсутствие не отразится негативно на ее работе. Мы все — хозяева нашей компании, в которой работаем. Я и все вы, а также будущие сотрудники, создали эту компанию, создаем и дальше будем создавать ее как хозяева. И независимо от того, хозяева ли мы в душе или по закону, работаем мы здесь или покидаем ее, мы не должны делать ничего противоречащего интересам нашей компании. И я тоже буду действовать именно так».

Я подчеркивал в своей речи, что компания — прежде всего. Так я мягко высказал свое мнение, что компанию нельзя приносить в жертву политическим целям и выгодам. Это было последнее, что я мог сделать для "Хендэ", как профессиональный руководитель, который любил компанию больше, чем ее владелец. Как человек, который, не имея никаких родственных связей, дошел до второй по важности позиции в руководстве, начав с простого работника по найму.

Через несколько дней после моего ухода, президент Чонг на пресс-конференции у себя в доме в районе Чонгун объявил о создании новой политической партии. Вместе с этим он раскрыл «подробности финансирования политики шестой республики Но Тхэ У», тем самым открыто заявив о «политике Чонг Джу Енга». Синдром Чонг Джу Енга начал охватывать всю страну.

Уйти бескорыстно

Люди думали, что, уходя из "Хендэ", я получу большое вознаграждение. В одной газете даже была информация о том, что, оставляя пост, я потребовал отдать себе сталелитейную компанию в Инчоне. А еще ходили слухи о том, что я перехожу в компанию "Дэу".

Однако 3 января 1992 года, когда я уходил с поста в "Хендэ", я был так же «богат», как и 27 лет назад, когда только пришел в компанию. И так же, как я поступил на работу, пройдя официальный отбор, и при уходе я получил увольнительные согласно закону о найме сотрудников. Я был просто одним из сотрудников компании. И я гордился тем, что, покидая "Хендэ", не получил никакого вознаграждения. Я вообще никогда не надеялся на какие-либо бонусы, и такой жизненный принцип ничего не просить я унаследовал от своей матери. Именно она научила меня быть честным и уверенным в себе всегда, даже в условиях жестокой нищеты.

Руководитель корпорации нанимает сотрудников по точному деловому расчету. Когда люди говорят, что мы с Чонгом как отец и сын, я просто в ответ на это улыбаюсь. Только тому, кто не знает философии компании, может так показаться.

Не существует владельца корпорации, который нанимал бы на работу по личным связям, к примеру, людей из одной провинции или закончивших одно учебное заведение. В такой компании, как "Хендэ", которая превратилась из средней фирмы в крупную корпорацию, всех без исключения нанимают согласно четкому расчету. При котором личные связи не имеют никакого значения при найме, так что извне может показаться, что в компании работают люди без сердца. Президент Чонг с давних времен отличался от других руководителей именно особым подходом при найме сотрудников.

С коллегами компании "Хендэ"

Причина, почему я так долго работал в "Хендэ", проста. Потому что я хорошо справлялся со своей работой, которую не могли сделать другие. Владелец компании всегда думал, что Ли Мён Бак справится с любой, даже самой сложной задачей. И по результатам работы, которую я выполнял, все знали, что я необходимый компании человек.

Я никогда не говорил, что работаю для президента Чонг Джу Енга. Так было и в прошлом, так есть и сейчас. Я был там, потому что там была моя любимая работа. И если бы не было работы, то не было бы и меня в компании.

Именно поэтому я посчитал возможным распрощаться с "Хендэ". Многие люди пытаются внести в деловые отношения человеческий фактор, опять же с учетом общего места происхождения или общего учебного заведения. Если такой подход будет распространен в каком-либо обществе, то общество будет нездоровым. Многие, кто уходят из компаний, критикуют именно нечеловеческие отношения в коллективе. То есть, настаивают на человеческих симпатиях. Я же всегда четко понимал, что есть компания и есть ее владелец.

Поэтому я не разочаровался ни в "Хендэ", ни в президенте Чонге.

Давайте работать вместе

— Почему вы ушли в правящую партию после работы в "Хендэ"?

В последнее время мне часто задают такой вопрос. На него сложно коротко ответить, потому что вопрос этот непростой.

Когда, в январе 1992 года, я решил уйти из "Хендэ", я планировал поехать учиться на год или два за границу. Со второй половины 70-х, каждый раз, когда я выезжал за границу, я видел изменения, происходившие в мире. По сути, они сводились к тому, что политика меняла свою форму от правления к менеджменту. То есть, это было уже не управление государством, а государственный менеджмент. Особенно ярко это проявлялось в Сингапуре и Малайзии. Любой политический лидер — это в первую очередь менеджер. То же самое можно было увидеть в странах с развитой системой

местного самоуправления, в США и Японии. Осуществляя децентрализацию власти, мир уже 20 лет назад стал применять региональный менеджмент.

На самом деле разница между управлением и менеджментом огромная. При политической форме «управления», человек у власти считает себя хозяином страны. Государственный служащий для него всего лишь функция. В политической системе «управления» государственные служащие в свою очередь правят народом. Но политика в форме менеджмента в корне отличается от этой. В ней стараются работать в первую очередь для автономного региона или государства, чтобы вернуть прибыль клиенту, которым является народ.

Я уже собрался ехать учиться за рубеж, чтобы на месте узнать о новой перспективной политике, когда со мной связался один из представителей правящей партии. Он предложил мне выйти на региональные выборы кандидатом от Демократической Либеральной Партии. На что я ему сказал.

— Я не собираюсь прямо сейчас участвовать в политической деятельности. Если я буду участвовать в выборах, то мне придется столкнуться с партией, которую создал президент Чонг. Получится не очень хорошо, если народ узнает о моем столкновении с Чонгом через СМИ. Взрослые люди так себя не ведут.

После этого разговора все стихло. Но через некоторое время в 6 часов утра ко мне позвонил представитель этой партии, и мы договорились о встрече.

— Господин Ли, вы сказали, что не можете участвовать в региональных выборах из-за Народной партии, тогда примите участие как кандидат от нашей партии в общегосударственных выборах. Вы ведь человек, у которого есть большой опыт. Если вы планируете работать дальше в политике, то вы должны быть именно в нашей партии. Поскольку на общегосударственном уровне у нас нет ни одного профессионального менеджера, вы нам просто необходимы.

Начало февраля 1992 года. Передо мной опять стоял выбор, приостановить общественную деятельность на год-два, или использовать приобретенный мной опыт в компании без всякого перерыва. Что бы я ни делал, мои главные принципы никогда не меняются. Я пришел к мысли, что и в правящей партии я смогу, не противореча себе, осуществить желаемое. Для этого подходила не оппозиционная, а именно правящая партия.

Самыми первыми, кто столкнулся и ощутил глобализацию на себе, были именно бизнесмены. Я решил, что в политике, которая тогда являлась управлением, я смогу сыграть свою роль.

Наши компании выросли и сегодня конкурируют со всеми мировыми корпорациями. А в политике до сих пор продолжается борьба за власть, как «драка лягушек, которые не видят ничего, дальше своего болота». Именно гражданский долг и огромное желание сократить этот разрыв, используя свой опыт и знания, полученные в компании, предопределили мой выбор.

В марте 1992 года я был избран депутатом Национальной Ассамблеи от Демократической Либеральной Партии, на тот момент правящей, и начал двигаться к новой цели.

Мои учителя — это бедность и Мать

Первые воспоминания о родине — это сплошная нищета на рынке в Пхоанге. Бедность для нашей семьи была, словно устрица, прилипшая к ракушке, и так было на протяжении долгого времени, пока мне не исполнилось двадцать лет.

Примеры отца

Ноябрь 1945 года после освобождения Кореи. Наконец наша семья из восьми человек собрала свои пожитки в Осаке, чтобы возвращаться на родину. Отец, мать, старшая сестра Кви Сун, старший брат Санг Ын, второй брат Санг Дык, вторая сестра Кви Э, я и младшая сестренка Кви Бун — все поднялись в порту Симоносеки на пассажирское судно, которое отправлялось в Пусан. Мы взяли с собой все, что с таким трудом нажили в Японии, на земле вечных унижений и тоски, — немного денег, поношенную одежду, принадлежности первой необходимости. Это было всего наше жалкое имущество.

На корабле людей было больше, чем положено: все теснились, мучились от качки, но все-таки пребывали в радостном возбуждении. Это был путь возвращения на родину, о которой все так тосковали. И самое главное было то, что мы не пропали на чужбине и живыми возвращались домой.

Но это судно, переполненное возбужденными, счастливыми корейцами, потонуло у острова Цусима. Все люди в конце концов были спасены, но их вещи и сбережения ушли на дно вместе с кораблем. И мы возвратились на родину с пустыми руками.

Мне было четыре года, когда я впервые ступил на берег Кореи. Я ничего не помню о потерпевшем крушение судне. Первые воспоминания о родине — это сплошная нищета на рынке в Пхоанге. Так нас, счастливыхчиков, оставшихся в живых, встретила родная земля. Бедность для нашей семьи была, словно устрица, прилипшая к ракушке, и так было на протяжении многих лет, пока мне не исполнилось двадцать лет.

Отец мой (Ли Чунг У) родился как младшим из трех сыновей в семье крестьянина в деревне Доксонг города Хынхге в 12 км к северу от центрального города Пхоанг провинции Кенгсангбукдо. Небольшой кусок земли перешел в наследство двум старшим братьям, а отец уже в молодости уехал из родных мест и странствовал. Его судьба была такой же, как и у множества молодых людей, потерявших родину в период японской колони-зации. Во время своих странствий отец научился уходу за скотом, коровами, свиньями, — этим и подрабатывал.

В конце концов, в поисках заработка, отец с друзьями отправился в Японию, где, недалеко от Осаки, он нанялся работать на ферму. Он работал пастухом: смотрел за скотом, вставал на рассвете и доил коров, заготавливал корм. Понятно, что жизнь отца в Японии была намного тяжелей и сложнее, чем если бы он работал на родной земле, но он терпел, продолжая работать. И смог накопить какие-то деньги.

Устроившись в Японии, он поехал в Корею и там женился. Женился на девушке из семьи Че, которая жила в Банъяволь, ныне городу Тэгу.

Прошло немного времени после свадьбы, и молодожены вернулись в Японию, и там, на чужбине, они родили и воспитывали шестерых детей. А младший брат Санг Пиль родился после возвращения на родину.

Вернувшись в Корею, отец с трудом нашел работу до начала гражданской войны, 25 июня 1950 года. Это была ферма заместителя директора фонда коммерческой старшей школы Тонгджи. Работа эта была нелегкой, но все же больше подходила отцу по характеру и опыту, чем подрабатывать на рынке. Отец по поведению был самый настоящий дворянин с заложенными в нем конфуцианскими традициями и ценностями. Он всегда говорил о хороших отношениях между братьями и всеми

членами семьи, учил нас, как надо относиться к старшим, как делать поклоны. И все это очень повлияло на формирование наших характеров.

На самом деле, в бедной семье сохранять уважение друг к другу не просто. Обычно в таких случаях родственные отношения сводились к избиению детей, пьянству отца, к полному отрицанию, от бессилия, семейного существования. Но даже в таких условиях отец смог сохранить среди нас свой авторитет.

Пока он работал на ферме, наша большая семья могла жить в относительном спокойствии. Но после начала войны 25 июня 1950 года и от этого семейного гнездышка ничего не осталось. Поханг, находившийся на самом востоке от линии обороны реки Нактонг, стал местом ожесточенной борьбы между войсками Севера и Юга. Когда северяне захватили этот город, наша семья укрылась в родных местах в Хынгхе, а отец, чтобы сохранить скот, не покидал ферму. Причем хозяин уже давно покинул эти места, а отец не мог просто так оставить скот. Линия фронта продвинулась на север, и когда наша семья собралась в Поханге, отец уже был без работы.

Соответственно с младших классов начальной школы я начал «работать». Работа моя сводилась к тому, что я ходил по пятам за своим высоким статным отцом, проводя все время на рынках, близ Поханга, в Енгдоке, Хынгхе, Анканге, Гокканге.

Отец тогда начал торговать тканью по совету одного перебежчика из Севера. В такой торговле вся выгода зависела от деления на линейке. Продавец тканей с Севера подсказал отцу отмерять чуть меньше при продаже шелка. Принцип был таков, что «оставшаяся ткань давалась, как бы в надбавку». Но это была уловка, как будто даешь немного материи в подарок.

Отец никогда так не делал. Он отмерял ровно столько, сколько положено, и даже немного добавлял. И всегда давал людям в долг, не спрашивая при этом у них ни имени, ни адреса. Он только записывал, во что был одет человек, так что, если деньги не возвращали, должника невозможно было найти. Отец был честным и добрым человеком.

Одно время в молодости он ходил в церковь, но однажды, в возрасте 28 лет, сильно поспорил с пастором, после чего перестал посещать службу. В деревенской церкви в дни благодарения помимо денежных пожертвований, люди делились и своим урожаем. Отец поссорился с пастором из-за того, что тот благословлял в молитве только тех людей, которые приносили пожертвования.

— Как же вы так молитесь только за тех, кто принес пожертвования. Ведь именно за тех, кто хотел, но не смог ничего принести, нужно молиться особенно.

Отец не мог простить пастора, подменявшего любовь Иисуса Христа примитивным корыстолюбием. Но при этом он не препятствовал своей семье в посещении церкви. И никогда не делал замечаний по поводу стойкой веры нашей матери.

На примере отца, честно продававшего ткань на рынке, и поспорившего с пастором, я понял, что человек, верный своей совести, никогда не совершит противоправных действий. Внутренний закон личной порядочности сводился к очень простой логике, но обладал большой силой.

Спустя много лет, отец вновь стал ходить в церковь. Ему не нравились большие церкви, он ходил в маленькую, помогал там, как мог, отдавая в жертвование часть своего небольшого имущества. Он подружился с пастором и часто играл с ним в корейские шашки. Спустя неделю после крещения в этой церкви, он тихо скончался.

Военный самолет одним летним утром

В период после гражданской войны Поханг был маленьким грязным морским портом, от которого несло гнилой рыбой. Там, на краю рынка, мать расстилала картон и продавала фрукты. С четырех-пяти лет я обитал на этом рынке, помогал ей по мелочам.

Гражданская война началась, когда я только пошел в школу, и воспоминания тех времен врезались в мою память. Ибо тогда на моих глазах погибли моя сестра Кви Э и младший брат Санг Пиль.

Отец работал на ферме, а мы укрылись в родных местах Хынгхе, в доме дяди, брата отца. Был душный и скучный летний день. Первая половина дня, когда солнце еще не сильно пекло. Сестра Кви Э взяла на спину плачущего младшего братишку, родившегося после нашего возвращения в Поханге, и вышла во двор, чтобы его успокоить. Тут послышалось приближение самолета, затем страшный, невыносимый грохот, как будто по жестяной крыше бил град размером с кулак.

Неизвестно, сколько прошло времени. Но когда я поднял голову, самолета уже не было. А где же сестра и братишка? Родные в панике выбежали из дома во двор и увидели ужасную картину. Сестра и братишка лежали посреди двора на земле. По их спинам и лицам лилась кровь, тела были в ожогах...

Увидев это, мать чуть было не потеряла сознание. Но, удостоверившись в том, что дети еще живы, она побежала в горы. Нарвала полыни, растолкла и натерла ею тела сестры и братишки. В разгар войны, в условиях нищеты, какие-либо лекарства достать было невозможно.

Взрослые тяжело вздыхали, вспоминая, что американские солдаты сообщили, что прошлой ночью в деревню пришли северяне и перестреляли всю деревню.

В самом центре деревни продолжался бой, и мать увела семью в безопасное место. Она была совсем одна в таком опасном месте, где повсюду взрывались бомбы, пытаясь спасти жизнь детей, которые в своем тяжелом состоянии не могли двигаться. И не смотря на все ее горячие молитвы, сестра и братишка продержались только два месяца и скончались в страшных мучениях.

Ужасный вид сестры и братишки, несчастная мать, ухаживавшая за ними, — все это до сих пор стоит перед моими глазами. С тех пор война и раскол страны для меня совсем не абстрактные понятия. Раскол и разделение Юга и Севера, в первую очередь, связаны для меня с погибшими братом и сестрой.

Их трагическая гибель от воздушного налета стала в дальнейшем, в мою бытность президентом компании "Хендэ", главным психологическим фактором, который заставлял меня осваивать Север, бывший Советский Союз и Китай. Когда я пробивался сквозь всевозможные идеологические препоны, ставшие причиной войны, я твердо решил для себя, что надо, во что бы то ни стало, противостоять всем возможным трагедиям, происходящим из-за столкновения политических режимов и идеологий.

Ребенок с длинными руками

После того, как отец потерял работу во время войны, мы переехали в дом у подножья горы, где находился рынок. Место, где мы жили, было руинами японского храма, и поэтому его называли храмом врагов. В одной комнате, где не было даже кухни, жили вместе 15 семей. Это были люди, жившие на краю бедности, которые говорили, что им очень повезло, когда попадалась однодневная работа. С утра до ночи в комнате стояли ругань, плач от голода, предсмертные стоны.

Тихо было только в нашей семье. Потому что все должны были заниматься своими делами, чтобы выжить. Но сложно было заработать даже на пропитание.

Тогда мы питались одними зерновыми остатками после приготовления водки, это было самой дешевой едой. То есть, это были остатки от зерна, после того, как из них приготавливали алкогольный напиток. Меня как самого младшего, каждый день посылали на водочный завод. В день мы питались только два раза, и из-за не испарившегося алкоголя я всегда ходил с красным лицом.

Может, поэтому я был самым стойким в праздничных застольях, когда работал в компании, ведь я был закален с самого детства. Я думаю, что это «наследство», которое мне досталось от нашей семейной бедности.

Я не мог мечтать о том, чтобы мне с собой в школу давали еду. В обеденный перерыв, пока другие дети ели свои обеды, которые им приготовили дома, я утолял голод одной водой из-под крана. Тот, кто не испытывал такого, вообще не может себе представлять такое. Как и не сможет представить того, что, сколько бы воды ты ни выпил, голод не исчезнет никогда.

Когда отец работал на ферме в Японии, он отправлял часть своего заработка на родину брату, а остальную часть денег тратил на учебу племянника (моего двоюродного брата), которого он позвал в Японию. Но когда он вернулся на родину, и его дети пошли в школу, у отца не было денег даже на их учебу.

Часто меня выгоняли из школы домой, чтобы родители оплачивали мое обучение. Тогда я шел в горы неподалеку, гулял там, потом возвращался и говорил.

— Дома попросили подождать еще немного, они обязательно заплатят.

Я прекрасно понимал, что дома денег было взять неоткуда.

Когда я учился в старших классах начальной школы, практически не было ни одной работы, которую бы я не перепробовал. Намазывал спички серой и продавал, продавал роллы из морской капусты, за железной сеткой возле армейской роты, получал тумачков от солдат за то, что продавал якобы рисовые хлебцы, сделанные из пшеничной муки. Голодать было привычным делом, но даже голодный я ходил в школу пешком, хотя дорога туда и обратно занимала четыре часа. Я был еще маленьким, но уже в средней школе мое здоровье было на грани.

Когда я пошел в первый класс средней школы, я заболел и слег на четыре месяца. В то время мы не могли позволить себе пойти в больницу, поэтому я до сих пор не знаю, чем я тогда заболел, но по всей вероятности причиной было плохое питание. Но, благодаря молодому растущему организму, я все-таки поднялся и продолжал ходить в школу, не смотря на долгую дорогу.

Наверное, причина моего низкого роста именно в этом. Я оказался самым маленьким в семье. Все мужчины в нашей семье были высокого роста, примерно на голову выше других людей. Отец, старший брат, второй брат, все около метра восьмидесяти, только я коротышка, всего метр семьдесят три.

Но руки у меня длиннее, чем у других, примерно на 10 сантиметров. Если бы я не заболел в детстве, то смог бы вырасти, и быть, как другие братья. Но так уж вышло, что я оказался «ребенком с длинными руками».

Не смей брать еды у других

Родственники по линии матери приняли христианство давно. Мать (Че Тхэ Вон) вышла замуж в семью Ли, выходцев из провинции Кенджу, строго соблюдавших конфуцианские традиции. Но даже после замужества она жила в своей вере, из-за чего, бывало, часто слышала критику от родственников. Но если бы не мать, то наша большая семья не смогла бы выжить в такой бедности.

Мать тоже была высокого роста, у нее было худощавое лицо, и в ее глазах всегда горел огонь. Мать говорила, что училась только в начальной школе. Но неизвестно, закончила ли она ее, наверное, не доучилась. И хотя она не получила образования, память у нее была лучше, чем у других, она всегда помнила, когда поминки у родственников, дни рождения, помнила адреса родных, праздники у соседей.

День для нашей семьи начинался в 4 утра: мать будила нас, потом водила на утреннюю молитву. Молитва матери была особенной. Сначала она молилась за то, чтобы в стране и обществе все было спокойно, потом просила у Бога здоровья родным и близким. Затем молилась за счастье соседей. Она перечисляла поименно одного за другим, кто болел, кто разорился, кто ссорился, — молилась за них и просила, чтобы все они уверовали в Иисуса Христа.

И только потом наступал черед детей. Но она никогда не говорила ни слова в молитве о самой себе. Какой бы сложной ни была наша жизнь, другие всегда были для нее на первом месте. Молитва за детей, за братьев и сестер, была долгая, а за меня напоследок, коротко, всегда одно и то же.

— Сделай так, чтобы Санг Ын стал хорошим человеком, хорошо выучился, у Санг Дыка скоро экзамены, пусть у него будут хорошие результаты... И сделай так, чтобы Менг Бак был здоров.

Короткая молитва за меня отражала мое положение в семье. Благодаря тому, что отец работал на ферме заместителя директора фонда коммерческой старшей школы Тонгджи, старший и средний братья окончили эту школу. С детства сообразительный, знающий как заработать, старший рано уехал из дома. Средний брат, очень способный, уехал в Сеул и посвятил себя учебе. А я, младший, остался в Поханге и помогал родителям заработать на учебу брата.

Утренняя молитва была для меня мучением, потому что я очень уставал от работы. Сонный, я сидел и засыпал, и просыпался только, когда слышал свое имя.

Еще более утомительной, чем утренняя молитва, была бескорыстная помощь близким. Когда я, уставший, после школы, заходил на рынок к матери, она давала мне свои «приказания».

— Мен Бак, сегодня продавец масла старшую дочь замуж выдает. Иди и помоги там.

— Но они нам даже не родственники...

— Соседи ближе родственников. Иди скорее. И я отправлялся, а мать кричала мне вслед.

— И не смей там ничего есть. Если даже будут давать еду, не бери. Понял?

Я был очень замкнутым мальчиком до окончания старшей школы. И сначала мне было сложно выполнять мамины «приказы» помогать знакомым. Я все делал молча, помогая на кухне, набирал воду, разносил еду, а когда казалось, что работа закончена, возвращался домой. И я говорил с трудом только одно: «Я пришел помогать», или «Работа закончилась, я пойду».

Также как сложно было научиться говорить это, было сложно отказываться от вкусной еды. Можно было съесть кусочек, пока никто не видит, но я всегда вспоминал слова матери. Когда заканчивалось мероприятие и заворачивали еду, я думал, что сам не буду есть, пусть родители, братья и сестренка покушают, но тут же вспоминал предупреждение матери и ничего не брал. Соседи говорили с недовольством: «Какой дерзкий, ему еду дают, а он не берет».

Такие случаи были несколько раз, и только потом я понял, почему мать наказывала мне не брать еду. Бескорыстная помощь помогает людям обрести чувство собственного достоинства.

«Семья Мен Бака совсем другая. Они бедные, но дети в их семье не теряют самоуважения. Воспитание родителей дало им то, что надо», — говорили о нас уважительно соседи.

Молитва и помощь другим — это было то, что мне всегда было тяжело делать. Но это стало для меня хорошей школой, смысл которой в том, что даже бедные и необразованные люди могут помогать близким, и даже богатым, не желая при этом ничего себе взамен.

Если бедный всю жизнь надеется на помощь богатого, то он навсегда останется бедняком. Так, незаметно, в нас, детях, росла внутренняя сила, которая помогла нам преодолеть бедность. Только годы спустя я понял, насколько были важны эти уроки жизни, которые преподала нам наша мудрая мать.

Конфликт из-за поступления в старшую школу

Когда я оканчивал среднюю школу Поханг, наше семейное положение было просто удручающим. Старший брат ушел служить в армию, средний закончил с отличием старшую школу Тонгджи и поступил в Корейскую военную академию, где не нужно было платить за обучение. Но потом он заболел и был вынужден бросить эту академию, и начал готовиться к поступлению в университет.

Второй брат был надеждой нашей семьи. Он учился в Сеуле и ему было не легче, чем нам. Родители, чтобы как-то ему помочь, должны были затягивать пояса потуже и работать все больше.

Конечно, я был за пределами их внимания. Когда я учился в 3 классе средней школы и пролежал больным четыре месяца дома, о больнице не могло быть и речи. Хорошо зная нашу семейную ситуацию, я думал, что в старшей школе не буду учиться никогда.

Перед окончанием средней школы у меня была беседа с преподавателем по поводу дальнейшей учебы. Обычно лучшие ученики средней школы Поханг шли учиться в самую хорошую старшую школу провинции Кенгбук. Классный руководитель был уверен, что и я, всегда бывший вторым по успеваемости в классе, пойду в эту школу. И он попросил меня, чтобы родители пришли к нему на разговор.

Это было в те времена, когда мать перестала торговать фруктами, и начала выпекать хлебцы с фасолью в формочках и продавать их на углу рынка. Не существует работы, к которой не нужна подготовка. Чтобы выпекать хлебцы, нужно замешать тесто, разжечь огонь, приготовить начинку из фасоли... Я помогал маме готовить выпечку, а когда я уходил в школу, она одна пекла и продавала. Поэтому у нее не хватало времени сходить в школу. Тогда для нее самым важным было накопить денег на учебу второго брата, и она всегда тяжело вздыхала, рассказывая знакомым об этом.

Но я все-таки сказал ей, что классный руководитель вызывает ее к себе. Мать на минуту прекратила работу, и задумчиво взглянула в даль.

— Ты сам хорошо знаешь, что наше положение не позволяет отправить тебя в старшую школу. Если брат в университет не поступит, тогда может быть... А если ты очень хочешь учиться, то можешь пойти в старшую школу связи, где учеба бесплатная, но тогда я лишусь помощника. А я не могу, ты знаешь, работать одна.

Я догадывался об ее ответе, но после таких решительных слов, на глазах у меня навернулись слезы. Получалось, я

всегда донашивал школьную форму и одежду братьев, а теперь и в старшую школу не мог пойти из-за них... Тогда я винил во всех своих бедах братьев и бедность.

Выслушав мое объяснение о нашей семейной ситуации, классный руководитель сказал, что не может допустить этого.

— Я думал, что если уж не в лучшую старшую школу Сеула, то в школу Кенгбук ты точно пойдешь учиться. Как жалко! А нельзя ничего придумать? Знаешь, в Поханге есть вечерняя коммерческая старшая школа Тонгджи, иди хотя бы туда. Сейчас ты еще не понимаешь этого, но потом тебе очень пригодится диплом об окончании старшей школы.

Я передал мнение классного руководителя матери, но она была непреклонна.

— Ты должен зарабатывать, помогать брату. И торгуя, можно жить хорошо.

Такое противостояние между классным руководителем и матерью длилось долго. А мне, передававшему их слова, тем более было нелегко. Мать не меняла своего мнения, она говорила, что даже в вечерней школе надо платить за учебу. Но и мой учитель не сдавался.

— Ученикам, которые набирают самый высокий балл при поступлении, предоставляется бесплатное обучение. Ты сможешь.

Наконец мать согласилась с последним предложением классного руководителя. Только потому, что для этого не требовалось денег.

— Тогда давай договоримся. Я разрешу тебе ходить в школу. Но только до тех пор, пока учеба будет бесплатной.

Я учился в старшей школе с тем условием, что мне не понадобятся деньги на обучение. И в конце концов закончил ее. Потому что 3 года подряд у меня были самые хорошие оценки среди всех учеников, учившихся на дневном и вечернем отделении.

Мальчик, который зимой носил соломенную шляпу

Когда я учился в вечерней старшей школе, по дому могли помогать матери только я и сестренка Кви Бун. Я был уже старшеклассником, поэтому мог делать работу за взрослого. Продавать роллы из морской капусты, которые я делал, когда учился в средней школе, стало легче для меня. В зависимости от времени года я продавал рисовые ириски, мороженое, а зимой попкорн из риса.

Когда я поступил в старшую школу, мама рядом с аппаратом по выпечке хлебцев поставила аппарат для поп-корна из риса и продавала и то и другое. С утра приходили покупатели, и из-за суеты я сильно потел, а по лицу текла сажа.

Я продавал поп-корн в школьной форме. Потому что мне нечего было больше надеть, да и сразу после работы надо было идти в школу. Мы продавали рядом с улицей, которая вела в женскую старшую школу. Каждый день, когда девочки шли по улице и поглядывали на меня, я становился от стыда пунцовым.

Девочки насмешливо смотрели на меня, на мою школьную форму и грязь, текшую по лицу, на то, как я делаю поп-корн, и я никак не мог справиться со своим стыдом. Я был очень гордым и замкнутым. К тому же у меня был переходный возраст. Еще сложнее, чем избавиться от бедности, было для меня освободиться от страшного смущения к противоположному полу.

В конце концов, я где-то раздобыл соломенную шляпу, натянул ее на глаза, и так жарил рис. И каждый раз, когда я надевал эту шляпу, мать надо мной подтрунивала.

— Чего же ты носишь зимой соломенную шляпу?

Побег из дома и молитва

Во втором классе старшей школы я попытался обрести «независимость». Все равно приходилось много работать, поэтому я хотел найти работу с чуть большим заработком. Конечно, одной из главных причин было желание избежать насмешливых взглядов девочек. Днем я брал фрукты, а вечером, когда приходил со школы, привозил их на тележке к кинотеатру, чтобы продавать людям по окончании киносеанса.

Мать легко разрешила мне начать новое дело. Я брал фрукты и натирал их до блеска, купил карбидную лампу. Выходя на людную дорогу перед кинотеатром, я немного переживал, как все будет, но все же был горд своим товаром. Фрукты выглядели очень красиво в свете карбидной лампы.

Заработать деньги всегда нелегко. Торговля фруктами была и выгодной и убыточной. Потому что самое главное тут правильно распределить время и цену. Если в начале начнешь продавать слишком дорого, то останется много фруктов к концу торговли, и придется отдавать остатки почти задаром. Это была своеобразная «высшая математика», в которой должны были совпадать цена продавца и возможности покупателя.

Прошло немного времени, как я начал продавать фрукты, в конце лета ночью пошел мелкий дождь. А дождь, как известно, совсем не помощник торговле.

Последняя моя надежда была на тех, кто выходил поздно, с последнего киносеанса, я стоял у выхода и ждал людей. И вдруг машина, отъезжавшая задним ходом, не заметив, сбита мою тележку. Фрукты покатались по земле. Арбузы разбились.

Ползая по земле и собирая фрукты, я услышал ругань за своей спиной.

— Ты, что, щенок! Зачем тележку здесь поставил, заградил дорогу так, что машине не проехать?! Думаешь, что дорога для того, чтобы фрукты здесь продавать? Не можешь делать, как положено?

Я в испуге извинился перед хозяином машины. А, когда машина уехала, меня охватила ярость. Ведь я ни в чем не был виноват. Я ненавидел себя за мгновенную слабость перед этим богачом. Я думал, как же это несправедливо быть жертвой только из-за своей бедности. Меня охватила тоска и ярость.

— Какой смысл так жить? И что я буду делать, хотя я окончу старшую школу? Лучше куда-нибудь сбежать!

Я посчитал деньги, которые были у меня в кармане. Этого было достаточно, чтобы добраться до Сеула. Утирая слезы, я зашел в палатку у дороги, где продавали еду. Я решил немного выпить перед тем, как отправиться в путь.

— Женщина! Дайте мне бутылку соджу (рисовой водки) и закуски.

Закричал я.

— Ты же школьник... Тебе нельзя!

Женщина, которая видела, как я продаю фрукты в школьной форме, была удивлена и переспросила.

— Давайте быстрее выпить, к чему так много слов? Не беспокойтесь, я заплачу. В этом все дело?

Я был очень раздражен. Но женщина не спешила давать мне выпить. Прошло несколько секунд. Пока я ждал заказ, в голове промелькнула мысль.

— Я уже начал продавать фрукты, а до сих пор ни разу не предложил матери попробовать.

Когда я приносил фрукты с оптового рынка, мама натирала их, чтобы они блестели, приговаривая: «Красивые какие. А какими вкусными кажутся на вид». Но поскольку в нашей торговле были «отдельные счета», я делал вид, что не слышал ее слов, чтобы заработать больше.

Мать молилась за меня каждое утро. И хотя она молилась за меня короче по сравнению с другими детьми, но все же она это делала каждое утро.

— Да, и почему я должен уйти именно сегодня? Дам хотя бы ей фруктов, которые помялись, чтобы мама вдоволь поела, а завтра уеду. Ничего не изменится, если я уеду на день позже.

Я собрал фрукты в тележку и пошел домой. Мать была дома.

— Мама, папа, кушайте фрукты. Сегодня много осталось. Мать увидела помятую тележку, разбитые арбузы, и по моему чересчур радостному голосу, она все поняла, но не сказала ни слова и легла, накрывшись одеялом. Я лег спать, но не мог думать ни о чем, кроме как о побеге из дома.

Следующим утром, как всегда, мать молилась. Но в тот день ее молитва за меня была очень искренней и долгой. Наверное, мама не спала всю ночь.

— Господь, веди Мен Бака по правильному пути, укрепи его здоровье, сделай так, чтобы все у него было хорошо...

Эта особенная молитва матери пронзила мое сердце. «Оказывается, мама так много за меня переживала». Я был приятно удивлен и благодарен, и решил отложить свой побег из дома на месяц. Так я откладывал его несколько раз, пока все не вернулось на свои места, на что понадобилось немного времени. И так проявилась сила материнской молитвы. Если бы не она, и если бы тогда в палатке женщина дала мне выпивку чуть быстрее, я бы сел на поезд и уехал в Сеул.

Из бедного района Поханга в трущобы Итэвона

В период учебы в вечерней школе, у меня появился друг, которому я так благодарен и никогда не забуду. Его звали Янг Дже Вон, почти всегда мы ходили в школу вместе. Днем он работал в маленькой фирме. А после работы, по дороге в школу, он заходил за мной.

У них дома было маленькое хозяйство: один петух и две курицы, которые каждый день несли яйца. Дже Вон припрятывал всегда одно и приносил мне. Наверное, он переживал, что я могу потерять сознание из-за нехватки питательных веществ, ведь я жил на одном рисовом отваре.

Эти яйца дали мне силу, благодаря которой я выдержал в период взросления. В те времена яйца были очень дорогими, поэтому если собрать и продать несколько яиц, можно было накопить неплохие деньги. Тогда было много семей, который не могли из-за бедности приготовить своим детям школьный обед, а если ребенок приносил в школу жареное яйцо, то это означало, что он из богатой семьи.

Я кушал яйца несколько месяцев, пока моего друга не уличили в обмане родители, которые никак не могли понять, почему две курицы несут только одно яйцо в день.

После того, как мы закончили школу, наши пути разошлись, и я так и не смог отблагодарить друга. Но я всегда вспоминаю о Дже Боне с благодарностью.

Мне известно, что он тоже не без труда окончил университет, пережил немало бед, но устроил свою судьбу и живет счастливо. И если когда-нибудь ему потребуется моя помощь, я всегда ее окажу.

Когда я перешел в третий, выпускной класс, мать сделала серьезное заявление. Она сказала, что переезжает в Сеул, чтобы помочь среднему брату. А я и младшая сестренка должны оставаться в Поханге, пока я не закончу школу. Чтобы как-то устроиться в Сеуле, родители продали нашу лачугу в бывшем храме и все свое хозяйство. Затем они нашли маленькую комнату для меня с сестренкой и уехали в Сеул с обещаниями, что будут нам помогать.

Мы с сестренкой остались в Поханге, и наше существование было жалким. Мать отправляла каждый месяц нам деньги на рис. Но денег, конечно, не хватало. Поэтому и риса не хватало на месяц, мы делали жидкий отвар, который пили, а не ели. И мы всегда были голодными. Сестренка не могла терпеть голод и однажды сказала, что лучше поест вдоволь дней десять, а остальные двадцать голодать. Но я понимал, что если мы сделаем так, то умрем.

Мы взяли бумагу и склеили 30 конвертов. Я разложил по конвертам рис в равном количестве и приказал сестренке отваривать только по одному конверту в день. До сих пор она говорит мне с грустной улыбкой: «Ты был очень суровым. И я даже хотела от тебя сбежать». Но тогда, улыбаться при таких обстоятельствах было невозможно.

Недалеко от нас жил дядя, который занимался сельским хозяйством, но мы не получали от него помощи. Я продавал дрова, которые рубил и собирал в горах, пытался продавать что-то еще, но с бедностью было справиться невозможно.

В декабре 1959 года до вручения дипломов об окончании школы я и сестренка сели на поезд в Сеул. Меня должны были наградить за отличное окончание учебы от фонда школы, но наше положение не позволяло ждать, а денег вернуться в Поханг на награждение у меня не было. Поэтому я попросил друга Ким Чанг Дэ получить за меня грамоту и диплом.

Когда я ехал в Сеул, у меня в душе была пустота. Это были очень сложные 19 лет жизни в Поханге, но что же изменится, думал я, когда приеду в Сеул. Родители тоже пока не устроились. Я старался думать, что в Сеуле меня ждут перемены к лучшему в отличие от Поханга, но надежды мои были слабыми.

Родители жили в одной комнате в трущобе Итэвона и продавали овощи на рынке. Все было так же, как и в Поханге.

Но у меня, как никогда, появилось много свободного времени. Потому что не было особых дел, как в Поханге, да и денег не было что-то начать. Поэтому я часто путешествовал на метро от одной конечной станции до другой, иногда просто бродил по Сеулу, проходя пешком от Енгдынпго до Миари.

Не знаю, почему я так часто бывал в студенческих районах Донгсунг, Аннам или Синчон. У меня всегда трепетало сердце, когда я видел студентов в форме. Я покидал те места со словами: «Что я тут делаю, когда надо думать, как мне выжить?».

Я сохранил открытку брата, которую он отправил мне, когда я учился во втором классе старшей школы.

«Мен Бак, никогда не сдавайся и не отказывайся от университета. Не смотря на то, что ты учишься в вечерней школе, если постараться, сможешь поступить в университет»

Но тогда основной задачей было выживание, и я не знал, когда и как мне надо «постараться».

Однажды, когда я шел пешком из Самгакджи в Итэвон, в голову мне пришла сумасшедшая идея.

— Учитель тогда говорил, что диплом об окончании старшей школы пригодится мне больше, чем диплом об окончании средней. Так лучше будет, если я попытаюсь поступить в университет. Хотя бы экзамены попробую сдать. А если поступлю, то пусть даже не буду учиться, зато у меня будет незаконченное высшее образование.

На самом деле это была дон-кихотовская идея. Наступила весна, приехал друг Ким Чанг Дэ из Поханга. Он снял в Сеуле комнату, чтобы готовиться к вступительным экзаменам. Я тут же перебрался к нему, чтобы готовиться вместе с ним к поступлению в университет. Но я не имел никакого представления, по каким книгам мне нужно готовиться. Только что приехавший Чанг Дэ тоже ничего не знал.

Я нашел одноклассника, с которым учился вместе в средней школе в Поханге. Он окончил старшую школу Кенги и совсем недавно поступил в Сеульский Государственный Университет на юридической факультет. Я сказал ему о своем положении, на что он тут же ответил.

— Ты в университет собрался? В университет могут поступать не все, кто захочет. А после окончания старшей школы, можешь даже и не мечтать об университете.

Тогда я попросил его дать хотя бы те книги, по которым он занимался, но приятель меня не понимал, или не хотел понимать. Я вернулся ни с чем. Но на одноклассника я обижен не был. Его предупреждение полностью соответствовало действительности, он хорошо знал мое положение. Но моей целью было не окончание университета, а просто поступление.

Помощник, которого я случайно обрел в магазине старых книг на Чонгечоне

— В магазине старых книг на Чонгечоне можно недорого купить учебники.

Услышав это от соседей, я начал копить деньги. Я накопил огромную сумму в десять тысяч хван, работая на рынке Итэвона. С этими деньгами пошел на Чонгечон. Нашел магазинчик, на котором была надпись «продажа учебников для поступления в ВУЗ». Хозяину магазина с виду было чуть больше 40 лет. Я сказал, что приехал из деревни и хочу купить книги, чтобы готовиться к экзаменам, на что он спросил, какие мне нужны.

— Дело в том, что я не знаю, по каким книгам мне нужно готовиться.

Хозяин посмотрел на меня с жалостью.

— Гуманитарные или естественные науки? Гуманитарные или естественные? Такие слова я слышал впервые, но я окончил коммерческую старшую школу, и брат учился в университете на факультете коммерции, поэтому я с уверенностью сказал.

— Я хочу поступить на коммерческий факультет.

— Ну так это гуманитарные. А в какой университет ты собрался поступать?

— Мне нет разницы, в какой. Дайте мне книги, чтобы поступить в любой.

Хозяин магазина с удивлением посмотрел на меня и стал выбирать книги на переполненных полках. Хозяин выбрал несколько томов и стал считать на счетах.

— Тридцать тысяч хван. Это я тебе очень дешево отдаю.

— Как же быть? У меня всего-то десять тысяч...

— Парень, ты сейчас в игрушки играешь с занятым человеком, да? Станный ты какой... Хозяин разозлился и начал ругаться. Ругань становилась все более яростной, я не выдержал и сказал тихо, себе под нос.

— Я разве сказал, что в университете хочу учиться? Я просто сказал, что экзамены хочу сдать...

Услышав эти слова, хозяин еще больше завелся.

— Ты что сказал!? Ненормальный какой-то. Повтори, ты что сказал?!

Я сказал, как есть.

— Чем дальше, тем не понятнее. Зачем тебе экзамены сдавать, если ты в университете не собираешься учиться?

Я продолжал оправдываться. Мне казалось, если я не успокою хозяина, то живым из этого магазинчика я не выйду. Выслушав меня, хозяин положил книги обратно на место, начал выбирать другие.

— Будешь заниматься по этим книгам, сможешь поступить в университет. Дай деньги, которые есть, и забирай книги. Остальное потом отдашь.

Я растерялся из-за резко изменившегося поведения хозяина, но он толкнул меня в спину.

— Уходи скорее, пока я не передумал, деревенщина.

Я не мог поверить, прижал книги к груди, попятился к выходу, затем побежал во весь дух. Бежал, чтобы он не смог догнать меня, если бы передумал.

Благодаря отругавшему меня хозяину магазина я достал учебники, но времени на подготовку было мало. Утром и вечером я помогал родителям на рынке, а когда оставалось время, готовился к вступительным экзаменам. По книгам, которые мне по дешевке отдал хозяин магазина, я понял, насколько ничтожными были те знания, которые мне давали последние 3 года в школе. И я усердно занимался.

В конце концов, я подал документы в Университет Коре на факультет коммерции. До этого я просмотрел условия приема на тот же факультет в разных университетах, в результате выбрал именно этот, потому что там не нужен был для поступления второй иностранный язык. Это был 1960 год, в университете Коре только создали отделение менеджмента на факультете коммерции, поэтому предполагалось, что будет большой конкурс.

В университете Коре с друзьями

До экзаменов осталось совсем мало времени, но я не мог не помогать родителям на рынке. Я уставал от тяжелой работы так, что не мог вечерами даже пошевелиться. Остался месяц до экзаменов, и я не спал ночами, пил лекарство, прогонявшее сон, которое было в те времена популярно среди учеников. И тут мой организм не выдержал, и я слег за три дня до экзамена. Дома никто не проявлял никакого интереса к моей подготовке. Домашние просто мне не запрещали, пусть попробует сдать экзамен, и не более того.

В день экзамена я вышел из дома, пошатываясь. Хорошо сдал английский и математику. Но особо не надеялся, что поступлю. Я был доволен уже тем, что сдал вступительный экзамен. Поэтому я с легким сердцем ждал результатов экзаменов.

Однако в списке поступивших оказалось и мое имя. Моя мечта сбылась! У меня теперь было незаконченное высшее образование. Знакомые на рынке Итэвон тоже радовались за меня и спрашивали, есть ли деньги на учебу. Я отвечал им, улыбаясь.

— Мне не нужны деньги. Потому что я поступил, и у меня уже есть незаконченное высшее образование.

— Что ты такое говоришь? Надо проучиться хотя бы один семестр, чтобы было незаконченное высшее. Если ты даже поступил, но не зарегистрировался, то это все равно, что ничего.

Потом я узнал, что на самом деле так и было. В тот же момент у меня потемнело в глазах. Потому что я стоял перед задачей, несравнимо более сложной, чем поступление. Где же я достану денег на учебу? Даже незаконченное высшее образование мог получить не всякий. Мне ничего не оставалось, как отказаться от этой затеи.

Но шанс все-таки появился. Знакомые, которые знали, в какой я ситуации, нашли мне работу, за что я был им очень благодарен. Это была работа мусорщика по утрам, как только разрешалось ходить по улицам. Казалось, если постараться, можно будет

накопить денег на учебу. Я предполагал, что работа будет непростой, и в самом деле, сил едва хватало.

Работа моя сводилась к тому, чтобы загружать тележку мусором и отвозить его в сторону района Самгакджи, Хебангчон и Богвандонг, проходя мимо американской военной базы, а потом надо было идти еще долго, до пустыря, где весь мусор и складывался. Так я должен был сделать шесть ходок, после чего работа моя заканчивалась. Тяжелую тележку трудно было толкать в гору, но еще сложнее и опаснее было спускаться с ней с пригорка.

Я начал работать, чтобы оплатить первый семестр, но так уборкой мусора я перешел на второй курс, а на третьем решил участвовать в выборах президента студенческой ассоциации.

С таким здоровьем в армию не берут

В 1961 году, когда я поступил в университет, произошел военный переворот 16 мая. Атмосфера в университете Коре, в котором было инициирована студенческая революция 19 апреля годом раньше, была тяжелой.

Моя жизнь не претерпела особых изменений после того, как я стал студентом. Рано на рассвете я выходил на рынок, грузил на тележку мусор и виртуозно, как акробат, проходил по пригоркам Итэвона. А после возвращения с занятий я должен был помогать матери.

Времени на учебу не хватало, только ночью со слипавшимися глазами я писал работы.

Так же и в университете. У меня было свободное время только между лекциями. Когда находились свободные минуты, я читал книги и погружался в размышления. У меня не было времени, как у других студентов, выпивать или встречаться с девушками. И соответственно у меня не было друзей.

Когда я перешел на второй курс, мама купила лавку на рынке. С этим были связаны огромные перемены.

В детстве, когда я продавал на рынке разные мелочи, или когда мы продавали с мамой хлебцы и рисовый поп-корн в Поханге, или когда я бродил по безлюдной дороге с тележкой, нагруженной фруктами, мечтой всей нашей семьи было иметь пусть маленькую, но «свою лавку» на углу рынка.

Когда мы продавали что-нибудь на дороге, перед лавками на базаре, торговцы прогоняли нас, приказывали отойти в сторону. В такие моменты я ненавидел их, и моей мечтой было выкупить эти места в будущем (когда я стал директором строительной компании "Хендэ", я приехал на тот рынок, но той лавки уже давно не было, так как изменилась планировка города).

И вот, в конце концов, сбылась моя мечта.

Однако от того, что у нас появилась лавка, работы меньше не стало. Я работал до изнеможения. И хотя я был молод, для меня было не по силам вставать каждый день в 4 утра и убирать мусор.

Однажды я решил, что армия может стать для меня спасительным выходом. Мне казалось, что в армии намного лучше. Не надо было беспокоиться об одежде, еде и крыше над головой, следовало только привыкнуть, и на душе будет легче. Я считал, что это единственная возможность для меня как-то передохнуть в такой тяжелой жизни.

С трудом закончив первый семестр 3 курса, я добровольно пошел в армию. Я провел первую ночь в подготовительной базе Нонсан, а на следующий день был

медосмотр. Все проходили его успешно, но когда очередь дошла до меня, военный врач, прикладывая к телу стетоскоп, долго возился со мной.

— Ты пришел сюда, не зная о состоянии своего здоровья?

— Я ничего не знаю.

— Да с таким здоровьем в армию не берут. Как же ты жил, что в двадцать лет у тебя такое состояние. Надо пройти тщательное обследование.

После обследования мне сообщили, что бронхи мои очень расширены. Поставили диагноз: бронхоэктаз. У меня уже давно не проходил кашель и часто была высокая температура. Каждый раз мне хотелось прилечь. Тогда это было из-за расширения бронхов. Но проблема была не только в них. Еще у меня был синусит. Военный врач сказал мне.

— Полностью излечить бронхоэктаз невозможно. У тебя при перенапряжении высоко поднимается температура, поэтому ты не сможешь пройти военную подготовку. Еще и синусит в тяжелой форме. Как же ты с таким здоровьем в армию собрался, ты, что, думал, здесь санаторий?

В конце концов, мне сказали, что я негоден и отослали меня с подготовительной базы обратно. Когда другие любыми средствами хотели избежать армии, я не мог попасть в нее из-за состояния здоровья, как бы мне этого ни хотелось. Когда я вернулся домой, пришли с проверкой из роты безопасности, не сбежал ли я оттуда.

Потом с помощью друзей я попал в больницу при госу-дарственном учреждении. Это была больница, где почти не надо было платить за лечение. Именно тогда я понял слова, что бедным хуже всего в больнице и тюрьме.

Однажды утром врачи обходили больных. Ответственный врач был с группой практикантов, он просмотрел историю моей болезни и высказал свое мнение. К тому моменту я уснул было, но, услышав разговор врачей, проснулся. Ответственный врач говорил.

— Пациенту не подходит это лекарство. Выпишите ему это (произнес на английском название) лекарство. Тогда один из практикантов сказал.

— Пациент очень бедный, поэтому это лекарство купить ему не по силам.

— Правда?

Они отошли к пациенту, который лежал возле меня. А я не мог открыть глаза. Потому что, если бы я открыл их, то они узнали бы, что я все слышал, и я оказался бы в жалком положении.

Я находился в больнице впервые, за месяц мне стало немного легче, и я выписался. А те лекарства, которые я пробовал там, хотя они и были дешевые, очень мне помогли.

Попытка деревенщины

Выписавшись из больницы, я снова стал ходить в университет, а по утрам убирать мусор. Но в семье произошли перемены. Когда я перешел на третий курс, брат окончил Сеульский государственный университет и устроился на работу в компанию "Колон". Сын, надежда родителей, закончив учиться, начал работать. Работа на рынке Итэвон продолжалась, но обстановка в доме стала лучше.

Ситуация в стране быстро менялась. Из-за жесткой политики военной диктатуры после событий 16 мая усилились студенческие демократические протесты против позорного корейско-японского саммита. Движение против саммита превращалось в движение против диктатуры. Студенческие протесты, стихийные во время

студенческой революции 19 апреля 1960 года, обретали организованную форму. Были четко определены причины, цели и логика противостояния, студенты проявляли особенную сплоченность.

Максимальную организованность студенты показали во время событий 3 июня 1964 года. И именно 3 июня, так же как и революция 19 апреля, стало началом демократического движения, противостоявшего военной диктатуре последующие 30 с лишним лет.

В то время, при обострении студенческой политической активности, проходили выборы президента студенческой ассоциации на каждом факультете. Я решил выступить кандидатом на своем коммерческом факультете.

Я не мог участвовать в деятельности кружков, у меня не было друзей. И даже не было близких из своих одноклассников (потому что после открытия вечерней коммерческой старшей школы я был первый, кто поступил в университет). Было только несколько друзей, которые приехали из той же провинции, что и я. И почти никто из студентов не знал меня. В таких обстоятельствах я участвовал на студенческих выборах.

Вдобавок, ни разу за время учебы в средней и старшей школе я не высказывал своего мнения перед большим количеством людей. Потому что по характеру я был застенчивый и замкнутый. Но была веская причина, почему я решил участвовать в выборах.

На втором курсе каждый мой день был борьбой с жизненными обстоятельствами. Я должен был бегать с утра, чтобы заработать себе на учебу и проживание. В такой ситуации университет несколько расширил мои взгляды. Нация, демократия, процветание государства. Я начал думать об этих вопросах, и мое внимание перешло от личных проблем к общим. Корея была такая бедная страна, что выпускники, устроившиеся на работу, являлись гордостью университетов. Поскольку я родился в этой стране, я понимал, что ей нужны мой опыт, идеи и действия.

На мой взгляд, цель и логика студентов, вышедших на забастовки, была не очень ясной. За исключением нескольких лидеров, для остальных студентов забастовки были своеобразным «развлечением».

Я раньше, чем другие студенты, почувствовал жестокую реальность жизни, поэтому более зрело смотрел на студенческое движение. Разве можно было допустить, чтобы в университете, где так дорого учиться, из-за протестов останавливалась учеба? Часто студенческие забастовки были всего лишь детонатором для взрыва недовольства безработных и бездомных. Я так же, как и многие, был обеспокоен нестабильной ситуацией, как в университетах, так и во всем обществе. И считал это огромной проблемой.

К тому же я хотел изменить свой замкнутый характер. Я хотел преодолеть тот мир, в котором я был один, чтобы вырваться на свободу. Я хотел стать свободным, открытым и активным.

Я участвовал на выборах не для того, чтобы победить. А для того чтобы участвовать в них, независимо от того, выберут меня или нет. Даже если я проиграл бы, то все равно многие студенты узнали бы обо мне, и о том, что я думаю. «Я уже не тот Ли Мен Бак, что был вчера. Родился новый Ли Мён Бак. И наступает важный переломный момент в моей жизни» — с такими мыслями я начал действовать.

Но после регистрации кандидатов, я еще раз понял, в какой я находился жалкой ситуации. Хотя это были всего лишь выборы на факультете, они были такими же, как и общественные. Кандидату требовалась определенная известность, уже проявленные им лидерские качества, и больше всего — поддержка сторонников, а также финансовые ресурсы. Из этих четырех факторов у меня не было ничего.

Все равно, ни с кем не посоветовавшись, я зарегистрировался, и только после этого встретился с друзьями, выходцами из моей провинции. Когда я за кружкой рисового пива, сказал им о своем участии на выборах, никто мне не поверил.

— Что??... Ты участвуешь в выборах президента студенческой ассоциации? Ты еще не пьян, а глупости болтаешь.

Я серьезно рассказал им, что меня подтолкнуло пойти на выборы, но друзей было трудно убедить. Если тебя не устраивает так учеба, то есть же много других способов справиться с этим, -сказали они мне и ушли.

Но я не сдался из-за такой реакции друзей, напротив, стал тщательно готовиться к предвыборной кампании. Было два кандидата. Не было никого, кто бы поддерживал меня, выпускника вечерней коммерческой школы, который ни разу до этого не заявлял о своем существовании, — деревенщина, который исчезал сразу же после окончания занятий. С особым безразличием ко мне отнеслись студенты 3-го курса. А когда я начал выступать с речью, то неожиданно меня поддержали студенты 1-го и 2-го курсов.

Тогда одним из важных мероприятий предвыборной кампании являлась организация поездок на демилитаризованную зону на арендованном кандидатом автобусе. Но я, у которого не было денег даже на рисовое пиво, не мог об этом даже и мечтать.

— У меня нет возможности проявлять свою финансовую щедрость. Но если я стану президентом, я сделаю все, чтобы наш университет стал похож на настоящий университет, а студенты на настоящих студентов. Я посвящу свою деятельность целям создания такого университета, в котором студенты, которые хотят учиться, смогли бы учиться.

Моя речь была не громкой, но искренней и правдивой.

Сначала со стороны соперников на меня не обращали никакого внимания, но за два дня до выборов отправили ко мне людей. Это были друзья с моей провинции, которые отговаривали меня, когда я впервые рассказал им о своих планах. Они думали, что я откажусь, но были сильно удивлены, когда увидели, что я вступил в предвыборную гонку. И как раз тогда, из лагеря противников ко мне направили «секретного посланника».

— Тебя просят отказаться от участия, вдобавок, оплатят все расходы, которые ты затратил на выборы. Мен Бак, у тебя все равно нет шансов победить.

— Я тоже не думаю, что у меня есть шанс.

— Зачем же ты тогда собираешься продолжать до самого конца? Уже сейчас ты дал о себе знать. С твоей стороны будет мудрее взять деньги и остановиться.

Но я не отказался. Я ничего не потратил на выборы, да и не на что мне было тратить. Они предлагали мне позорную сделку с совестью. Споры продолжались до рассвета. Некоторые ушли со словами, что «нет смысла помогать тому, у кого нет шансов», а несколько человек остались и помогли мне до конца. Они собрали деньги, которые у них были, купили сигареты, и, раздавая их, просили проголосовать за меня. Сигареты друзей — это было единственным «финансированием моей предвыборной кампании».

После голосования я ждал результатов подсчета голосов. Если бы не требование отказаться от участия, то это были бы выборы без капли сожаления. Ибо, вне зависимости от количества голосов, я уже победил морально, уверенно отказавшись от «темного искушения», предложенного моими противниками. Даже если меня не выберут, сожалений не будет.

Но по результатам подсчетов, я победил с маленькой разницей в 40 голосов. С этого момента в моей жизни начались большие перемены. Я становился все более активным и уже уверенно шел навстречу всем вызовам судьбы.

После того, как я победил на выборах факультета, я хотел принять участие и в общеуниверситетских выборах президента студенческой ассоциации. Но там требовалось голосование депутатов от каждого факультета. А в тот период, для того чтобы получить голос каждого из них, нужны были немалые финансовые средства. Очевидно, в такой ситуации для меня не было смысла участвовать в этих выборах, и я решил приложить все свои усилия в качестве президента студенческой ассоциации своего факультета.

Зачинщик забастовки 3 июня

В 1964 году, когда я перешел на 4 курс, студенческое движение было почти на пике. Военной администрации, которая в своей предвыборной кампании пообещала развитие экономики, был нужен капитал. Из-за чего правительство торопилось с нормализацией официальных отношений с Японией, что осуществлялось уже со времен президента Ли Сын Мана.

Несмотря на открытую политику восстановления корейско-японских отношений, это было непростой задачей из-за традиционной неприязни корейцев к Японии. Но военная администрация все равно вела секретные дипломатические переговоры, что привело к еще большим подозрениям и протестам населения. Наконец, оппозиционная партия и общественные организации создали «Общенародный комитет по борьбе с позорной дипломатией в отношении Японии» и начали объезжать регионы.

Даже на фоне таких протестов спикер Республиканской партии Ким Джонг Пиль 24 марта поехал в Японию для завершения переговоров, и тогда в центре Сеула на улицы вышло 5 тысяч студентов.

В начавшейся в Сеульском университете 24 марта забастовке были жертвы, после чего протесты распространились по всей стране. Были ранены 81 студент, а 288 человек задержаны. В тот день в 3 часа дня в университете Коре собралась тысяча человек, студенты приняли «манифест против позорной, не объективной дипломатии в отношении Японии» и вышли на улицы.

Из-за жесткого подавления военной администрацией забастовки 24 марта выступления поутихли, но недовольства сохранялись. После этого на протяжении трех месяцев время от времени проходили акции протеста, но их содержание изменилось. От протестов против позорной дипломатии в отношении Японии движение перешло к требованиям «свержения военной администрации».

Но в университете Коре президент студенческой ассоциации занимал пассивную позицию, поэтому проявлять какие-либо организованные действия было сложно. Для обсуждения этой ситуации собрались студенческие президенты всех факультетов, после чего решили наделить обязанностями заместителя президента меня и лидера юридического факультета Ли Кенг У.

По мнению студентов было неприемлемым сохранять национальные противоречия между странами, прикрывая их простой экономической логикой. Если вспоминать нашу историю, то действительно с нормализацией корейско-японских отношений торопиться не стоило. И, конечно, Япония должна была прийти с извинениями к нам, а никак не Корея — на секретные переговоры к японцам с протянутой рукой, что просто подрывало честь и достоинство корейской нации.

Итак, военная администрация рассматривала восстановление корейско-японских отношений из реальной необходимости, а студенты и большая часть народа — как неразрешенный вопрос в истории народа и страны. Поэтому намерения военной администрации были поспешными и необдуманно.

Я много думал о том, как бы студенческие демонстрации не повредили участникам переговоров от корейского правительства. Мне не нравилось, что не имеющие политического опыта военные так упорно продвигались к корейско-японскому саммиту. Но раз уж переговоры начались, я желал, чтобы наша сторона добилась более эффективного результата, используя в переговорах студенческие протесты (в дальнейшем я настаивал на этом и как представитель студентов сообщил свое мнение высокому государственному чиновнику, но узнать о результатах мне так и не довелось. Тогда зачинщики забастовки 3 июня были обвинены по статье «подстрекательство к мятежу», поэтому можно сделать вывод, что мои слова остались без всякого внимания).

Итак, на меня были возложены обязанности заместителя президента студенческой ассоциации университета Коре, и я со всеми своими идеями приступил к подготовке масштабного студенческого выступления. Было запланировано, что в полдень 3 июня 1964 года студенты выйдут на улицы Сеула и будут участвовать в массовой демонстрации против корейско-японского саммита. При подготовке этой акции следовало остерегаться служб государственной безопасности, поэтому все проводилось строго секретно, и я находился в самом центре событий.

По плану в полдень 3 июня 12 тысяч студентов вышли на улицы Сеула и активно участвовали в демонстрации. Масштаб выступлений был не меньше, чем в студенческой революции 19 апреля. Перепуганные власти с 8 часов вечера того же дня объявили военное положение. Полиция вычислила зачинщиков событий и выписала ордер на арест Ким Джунг Тхэ, Хен Сынг Иля, Ким До Хена из Сеульского государственного университета, и Ли Мён Бака, Ли Генг У, Пак Джонг Хуна из университета Коре. Начались долгие, мучительные дни, когда я скрывался от властей.

Скрываясь от полиции, я и Ли Генг У (президент юридического факультета) пришли к нам домой. У меня был документ со списком тех, кто участвовал в подготовке демонстрации 3 июня с подписью «сохранить в тайне все, что было здесь сказано». Если бы меня поймали с этим документом, то это было бы равносильно раскрытию всех основных участников. Я спрятал дома этот документ и, уставший, прилег на кровать, не снимая кроссовок.

Потом, как мы и предполагали, домой пришли сыщики, а мы успели сбежать через забор. Тогда мы решили найти другое место для укрытия. Я прятался в городе и до обеда позвонил брату в офис. Брат быстро сказал мне идти к его другу. Это был его однокурсник и коллега по работе, который совсем недавно женился. Я переночевал у молодоженов в районе Вонхеро один день, а потом ушел, чтобы не причинять им лишних беспокойств. Ведь военная администрация объявила, что наказаны будут и те, кто укрывает беглецов.

Я вышел от друга брата и пошел по мосту через реку Хан. Брат сказал, что можно укрыться в Пусане, и я отправился на юг страны.

До Пусана было добраться нелегко. Я ехал на поезде, если что-то казалось подозрительным, пересаживался на автобус. На дорогу до Пусана ушло несколько дней. Но и в том доме в Пусане, где я скрывался, долго оставаться мне было нельзя. Однажды хозяин пришел с газетой и сказал.

— Студент, посмотри. Наказывают и тех, кто укрывает. Мне не хочется это говорить, но тебя ведь все равно когда-то поймают. Тогда раскроется, что ты скрывался в нашем доме, и мне тоже придется отвечать. Так что ты уж решай, как быть...

Мне больше нигде было прятаться. И совсем не осталось денег. Я думал, как это несправедливо. И что я сделал плохого?

После слов хозяина, я, озабоченный, вышел на улицу подышать свежим воздухом, и тут мне в глаза бросился плакат с изображениями особо опасных преступников. Я подошел поближе, стал рассматривать фотографии на плакате. И там, в одном ряду с преступниками, было и мое фото. То есть, я был все равно, что совершивший тяжкое преступление. Ноги у меня стали ватными. Я тут же позвонил брату. Брат очень за меня переживал. И спросил, что я собираюсь делать.

— Я сам к ним пойду. Хотя это не признание своей вины.

— Говорят, что если признаешь вину, то смягчают наказание. В городской полиции работает мой знакомый, который из нашей провинции. Хватит мучиться, возвращайся в Сеул и иди к нему.

— Брат, я не могу признать вины. Какое я преступление совершил? Я просто сам к ним приду.

— Да, правильно ты решил. Но будь осторожен, чтобы тебя по дороге не поймали.

Возвращаться в Сеул было еще сложнее, чем убежать в Пусан. Надо было не попасться в ловушки. В конце концов, я встретился с тем самым знакомым брата, после чего «заявился» в городскую полицию. Но потом я узнал, что этот знакомый был отмечен как сыщик, который меня поймал. И даже получил за меня вознаграждение.

Я удивился, когда пришел в полицию, что там знали не только все места, где мы планировали провести демонстрацию 3 июня, но у них даже был подробный список тех, кто помогал нам в организации. То, что среди членов студенческой ассоциации оказался «стукач» из центрального информационного ведомства, я узнал некоторое время спустя. Через 10 лет я услышал, что он стал сотрудником спецслужбы.

Тюрьма Содэму, в которой я родился заново

Я проходил расследование в военном департаменте, который относился к столичному управлению обороны в районе Пильдонг. Можно сказать, что тогда, в военной ситуации, допрос проходил, как пытки. Следовательно, видя, что я ничего ему не говорю, шантажировал меня как мог. А спать мне вообще не давали.

— Есть разные способы заставить тебя говорить. Мы можем засунуть тебя в морозильник, а можем привязать к твоей шее камень и выбросить в море в Инчоне. В общем, отправить тебя в мир иной, это совсем не сложно. Говори, сволочь, пока по-хорошему, если не хочешь погибнуть, как пострадавший от несчастного случая.

Но я все равно молчал. Потому что я должен был сдержать обещание, которое мы дали с товарищами. Следовательно, видимо, решил, что не стоит терять времени зря, и дал мне список мест, где планировалась демонстрация, и список участников. Это была информация, которую передал их шпион.

Расследование закончилось. В то время, пока шел суд, военное положение было отменено, и право окончательного решения перешло в суд гражданский. Но это не означало, что наказание будет более легким. Я был приговорен к 5 годам лишения свободы, другие «зачинщики» получили столько же, нас перевезли в тюрьму Содэму.

Среди обвиненных по делу 3 июня скрылся только Пак Джонг Хун, а все остальные, Ким Джунг Тхэ, Хен Сынг Иль, Ким До Хен, Ли Генг У и я, были заключены в обычные тюремные камеры. Старосты в камерах не воспринимали нас, как преступников. А сами преступники хорошо относились к студентам, которых посадили за борьбу против диктатуры.

В камере, куда меня посадили, были осужденные за изнасилование, убийство, мошенничество, воровство и другие тяжкие преступления. В свободное время они рассказывали о своих «геройствах».

Осужденные студенты превратили тюрьму в еще одно место борьбы и объявили голодовку. Бойцовский дух демократического движения еще более укрепился в тюрьме. На суд приходили политики оппозиционных партий, религиозные деятели, юристы, представители культуры, и горячую поддержку выражали сами студенты. Казалось, что мы стали героями.

Действительно, общественные деятели, которые боролись против диктатуры, сделали из нас героев и не скрывали своих помыслов, воспользовавшись случаем, изменить политическую ситуацию. В тюрьму, чтобы подбодрить нас, приходили даже знаменитые политики, бывший президент Юн Бо Сон и другие. И студенты в тюрьме считали естественной такую поддержку общества.

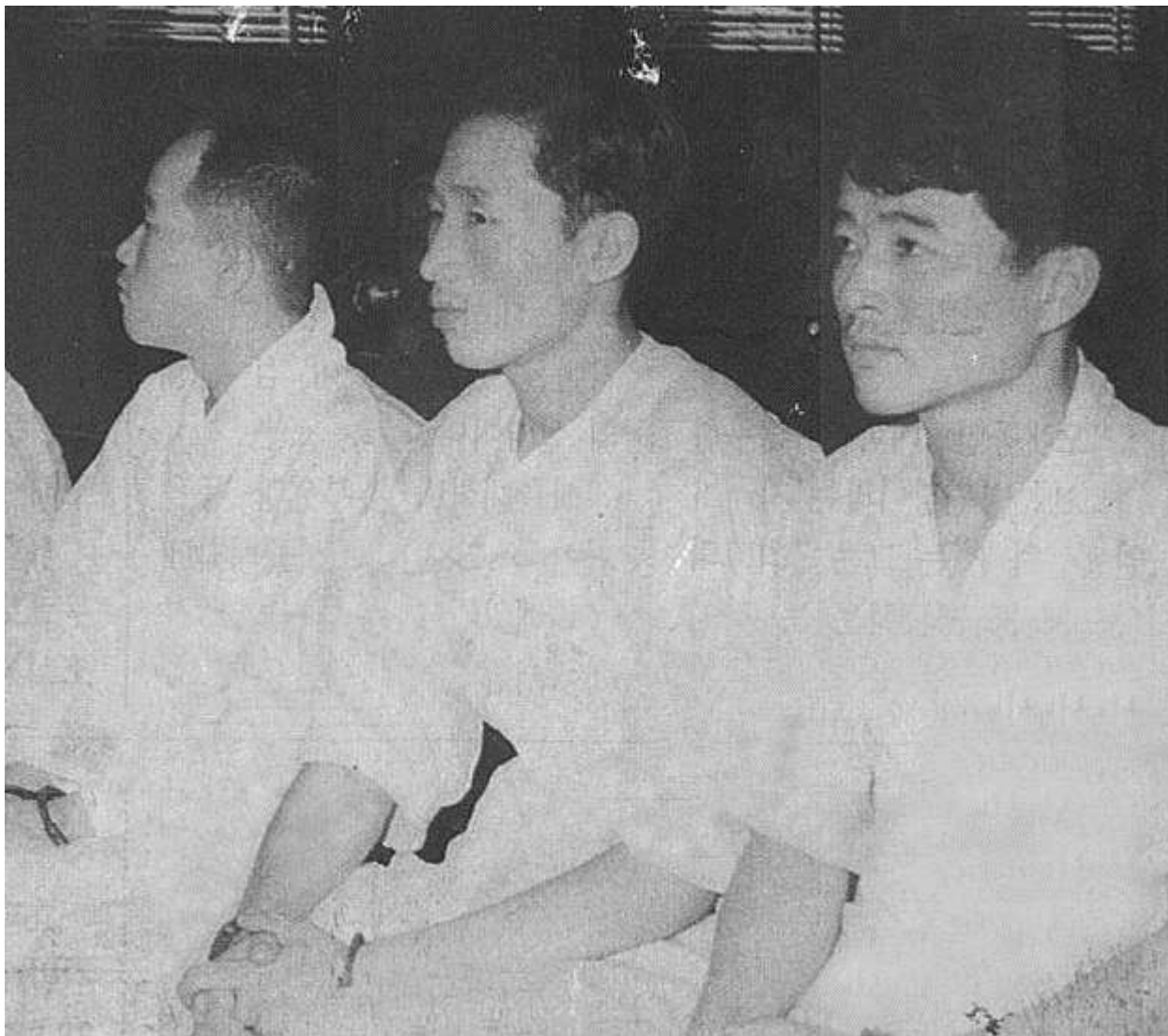
Но я прекрасно понимал, что мы не сделали ничего, чтобы сравнить себя с умершими в этой тюрьме патриотами и борцами за независимость. Протест против позорной дипломатии правительства был ничтожным по сравнению с деяниями борцов прошлого. Ибо не все, кто критикует страну, являются патриотами. Это было просто обязанностью молодого поколения, которое любит свою родину. И это не стоило того, чтобы возвеличивать себя до уровня национальных героев.

Осмыслив все это в тюрьме, я понял, что должен делать. Я стал отдавать все свои силы учебе, которую оставил без внимания, когда был президентом студенческой ассоциации факультета или заместителем президента университетской ассоциации. Я читал книги и не только по специальности, много думал. Я задумался о прожитых 20-и годах, когда я не жил, а просто выживал, размышлял о предназначении человека и общества.

В тюрьме у меня появилась «свобода», которой у меня, по сути, никогда не было. И я считал, что мне повезло.

В тюрьме я стал оптимистом. До этого я думал, что жизнь моя невыносима, что это просто жизнь «на дне». Я думал, что отчаяние никогда меня не оставит.

Но когда я попал в тюрьму, я понял, что пессимизм и оптимизм — относительные вещи. Тот, кто находится внизу, и постоянно сравнивает себя с теми, кто выше него, — пессимист. А тот, кто считает свое положение высоким по сравнению со многими другими, — оптимист. Если с позиции свободного человека посмотреть на жизнь в тюрьме, то она покажется безнадежной, но такая жизнь является чистой и искренней для человека, которого ведут на смертную казнь. Когда я каждый день смотрел на заключенных, которые в пяти метрах от меня ходили вдоль заборов и считали оставшиеся им дни, я смог изменить свое отношение к прошлому — с отчаяния на осознание его ценности.

В суде по делам студенческой забастовки 3-го июня 1964 г.

И еще я на себе испытал, какая безграничная возможность выживания заложена в человеке. По началу, несколькими каплями воды, которую давали утром для умывания, я не мог обмыть даже руки. Но не прошло и месяца, как я спокойно ею умывался.

Едой была ячменная каша с несколькими горошинами, которые казались мне просто издевательством. Но несколько дней давали кашу без гороха. И когда я делал зарядку (в день дают 10 минут на разминку), я почувствовал, что у меня просто нет сил. Настолько ценны были для жизни и одна капля воды и одна горошина. Тогда я понял, чтобы человеку выжить, не нужно многого.

После этого и до сих пор я ни разу не пил укрепляющих средств «для поддержания здоровья». И не позволял себе роскоши съесть что-то «полезное для здоровья». Если это делается чрезмерно, то нарушает законы самой природы, и зачастую, напротив, вредит здоровью.

В тюрьме я четко обозначил для себя границы студенческого движения. Студенческое движение должно оставаться делом, которое зарождается на основе искреннего порыва, но если попытаться осуществить его, то это может привести к неприятностям. Конечно, у студентов есть право поднять какой-то вопрос, но его разрешение — совсем другое дело.

В тюрьме я понял, что студенческое движение не должно становиться профессией. Я не мог принять студенческие протесты как «опыт» для того, чтобы стать политиком.

Может быть, мои взгляды о разделении ролей между студенческим движением и старшим поколением были идеалистичными и далекими от реальности. Но не всегда идеализм не реален.

Хорошим примером может стать беседа родителей с детьми. Несчастлива та семья, где родители и дети не общаются друг с другом. И несчастны те родители, которых игнорируют дети. Равно, и дети несчастны, на которых давят родители. Но не счастлива и та семья, где беседа ведется без души, только ради беседы. Общение возможно тогда, когда дети остаются детьми, а родители - родителями, когда между ними царит уважение и доверие. Но в моей молодости «настоящих отцов» в обществе было не очень много.

Жизнь в тюрьме Содэмун, куда меня привезли в июне 1964-го, закончилась в октябре того же года. В верховном суде вместо 2 лет заключения мне изменили наказание на 3 года условного освобождения. Я вышел на свободу и обнаружил, что за этот короткий срок стал знаменитым. Задержание, арест, суд, заключение, каждый раз об этом сообщалось на страницах газет.

Было и такое. Родственники со стороны матери жили в Бангъяволе недалеко от Тэгу, они выращивали фрукты. Мы были такими бедными, что редко ездили к ним. С их стороны тоже почти не было вестей. И вдруг эти родственники отправили мне коробку яблок, но мне запомнились не это, а адрес на посылке.

«Город Сеул. Район Енгсан. Ли Мён Баку».

Позже я узнал, что они прочитали статью в газете про меня, им стало жаль меня, и они отправили мне яблоки, не зная, какой у нас адрес. Они знали только то, что мы уехали из Поханга и живем в Сеуле, где-то в районе Енгсана, поэтому так и написали: «Сеул, Енгсан, Ли Мён Баку». Я был настолько знаменит, что коробка с яблоками все равно дошла до нашего захудалого жилища в районе Хечанг.

Мать

Когда я восстановился в университете, мне, с учетом моего «опыта», сказали, что я могу окончить, не сдавая выпускных экзаменов. Конечно, я был этому благодарен, но все же мне была не по душе политика университета поскорей избавиться от проблемного студента. Я не мог допустить, чтобы ко мне так относились. Тем более что в тюрьме я много занимался по специальности.

Я сказал, что мне не нужны оценки ни за что, я подходил к каждому профессору и говорил, что буду сдавать экзамен. В университете удивлялись, говоря, что в первый раз видят студента, который отказывается от оценок, которые ему ставят автоматом. Преподаватели должны были из-за меня еще раз составлять экзаменационные вопросы, принимать экзамен, проверять работы, тратить свое время, но никто из них не выказывал раздражения. Я ходил по кабинетам профессоров и сдавал экзамены. В тюрьме я, можно сказать, готовился к экзаменам, поэтому и оценки были хорошие.

Выбор в президенты студенческой ассоциации и события 3 июня, побег и время в тюрьме — за этот год я пережил многое, и чувствовал себя как та куколка, у которой появились крылья.

Были изменения и у нас дома. Как только я перешел на 4 курс, второй брат нашел двухкомнатный домик в районе Хечанг, и наша жизнь в комнатухе на Итэвоне закончилась. Может, потому что мать поняла, что теперь я могу подняться сам, она, являвшаяся главной опорой в моей жизни, решила позволить мне жить самостоятельно. За те 20 лет, с тех пор, как мать вернулась из Японии, у нее не было ни одного спокойного дня, и здоровье ее было подорванным. Какой же диагноз получила

бы она, если бы, как я в армии, она прошла медосмотр? Весь ее организм ослаб, особенно сердце было больное из-за постоянных переживаний и тяжелого труда.

Мать пришла ко мне на свидание в тюрьму только один раз. В конце сентября 1964 года. Я не мог появиться перед матерью в одежде заключенного, она итак страдала из-за того, что ее младшего сына осудили. Я попросил у тюремщика разрешения переодеться в гражданскую одежду и вышел в комнату для свиданий.

Мать была в белой траурной одежде. У нее наверняка была и другая, почему же она оделась именно так? Если бы не эта одежда, душа моя болела бы не так сильно. А больная мать изо всех своих сил старалась делать вид, что здорова. Я просто не мог найти себе места. Она посмотрела на мою щетину, а затем в глаза.

— Мен Бак, я думала, что из тебя не будет толку. Но, на самом деле, ты лучше всех. И сейчас я думаю, что ты действовал правильно. Действуй всегда согласно своему убеждению, а я за тебя буду молиться.

Это было все, что сказала мне мать на свидании. И это было впервые, когда она была на моей стороне. Между нами повисла свинцовая тишина, казалось, тяжелее, чем тюремные решетки. Но эта тишина была полна доверия к сыну, а также трепетного чувства благодарности. Мать еще раз посмотрела на меня и отвернулась без слов.

— Еще осталось время.

Тюремщик сообщил, что осталось еще 5 минут, такой сухой показалась ему встреча матери и сына, или ему стало жаль нас.

— Увидела и хватит.

Мать была таким человеком.

Когда она в детстве заставляла меня идти помогать родственникам, с ее стороны не было долгих разъяснений. Достаточно было короткого и четкого указания. Но на свидании, наверное, и матери было сложно сдерживать свои чувства. Она бы просто разрыдалась, если бы дольше смотрела на сына в тюрьме. После этой встречи я навсегда запомнил ее слова «действуй всегда согласно своему убеждению».

Я вышел из тюрьмы, когда мать тяжело болела. Состояние ее ухудшалось. Мать родила семерых детей, двоих похоронила, младшего сына тоже чуть было не потеряла, и казалось, что она успокоилась только когда меня, наконец, освободили.

Как было уже сказано, у матери не было ни одной спокойной минуты, пока она не поставила всех на ноги; она никогда не тратила на себя время и деньги; у нее не было ничего своего, — 15 декабря этого же года мамы не стало. Сразу же после того, как средний брат заключил договор на покупку дома в районе Имун.

Она умерла именно в тот момент, когда сбылась ее мечта иметь «свой дом». Отец и мать выжили после кораблекрушения, возвращаясь на родину, пожертвовали всем ради семьи, работая на рынке Поханга и Итэвона. Как же тосклива была ее смерть в чужом доме! Все родные плакали, когда мама уходила на небеса, и плакали в тот день, когда переезжали в новый дом.

Мама, о которой думали дети, и жена, о которой думал отец, это совсем разные образы. Отец провел оставшиеся годы в Ичоне провинции Кенги. Старший брат купил для него небольшое хозяйство. Как только он переехал, он перенес могилу матери с собой. И сам сделал надпись на ее надгробье.

«Завершив свои жизненные мучения, ты так и не смогла увидеть успеха детей, теперь покоишься здесь, — прости, что я без тебя наслаждаюсь жизнью».

Отец умер в 1981 году, когда я был директором строительной компании "Хендэ". Он умер в декабре, так же, как и мать.

Покорять вершины в работе

Нож проскользнул у моего лица, Меня стали бить ногами. Но так и не отдал ключи от сейфа. Из-за инстинкта избежать унижения я крепко стиснул зубы, подумав, что не смогу такого допустить.

Не задерживаться с поступлением на работу

Я вышел из тюрьмы, у меня на руках был диплом, но все же я не был свободным человеком. Так как я был осужден за «подстрекательство к мятежу», всякий раз, когда я выходил за пределы дома брата в районе Имун более чем на 2 км, я должен был заявлять об этом в местный полицейский участок.

Пока я находился в тюрьме Содэмун, я распрощался с «политическим движением в качестве профессии» и углубился в учебу по специальности — экономике. Потому что я пришел к выводу, что в тот период экономика являлась для меня более необходимой задачей, чем политика.

Корея тогда была страной, где даже после окончания престижного университета не нашлось рабочих мест, на улице было полно безработных, поэтому в отсталой стране с доходом населения всего 80 долларов в год больше всего нужны были «рабочие места». И разрешить эту проблему могла именно экономика, а не политика. Я решил, что политикой не будет поздно заняться тогда, когда экономические основы государства станут стабильными.

Я окончил университет и несколько раз сдавал экзамены для устройства на работу, но каждый раз «проваливался» при рассмотрении документов или на собеседовании. Я был не свободен, и мне негде было работать. Друзья, с которыми я участвовал в студенческом движении, ушли в политику. На душе была такая опустошенность, словно я жил один в пустыне. Мой «прошлый опыт», а точнее само государство преграждало мне путь в будущее. Невидимая рука крепко держала меня за шиворот, от чего мне становилось страшно.

Когда я впал в отчаяние из-за невозможности трудоустройства, в университете мне вдруг помогли найти работу. Маленькая текстильная фирма в Тэгу. Это не было той работой, где можно было оставаться надолго, но все же это была какая-то работа, с которой можно было начать. В университете сказали, что, если я уеду в провинцию, спецслужбы не будут мне надоедать. И я был благодарен заботе своих преподавателей.

Итак, я уехал из огромной тюрьмы под названием Сеул. По-видимому, в текстильной фирме в первый раз наняли работника, выпускника престижного университета в Сеуле, поэтому у меня не было определенной работы. Как раз там жил друг, приехавший из Поханга, и я решил ненадолго жить в его комнате.

— Ли, работая на фирме, позанимайся с моим сыном.

Это случилось на четвертый день после моего трудоустройства, директор вызвал меня к себе и попросил стать их семейным репетитором. И тогда я понял, зачем в этой компании нужен был квалифицированный работник, выходец из провинции с хорошим образованием.

Чтобы как-то заработать на пропитание, это была несложная работа, как морально, так и физически. Но это была не та «компания», куда я мечтал попасть, еще находясь в тюрьме Содэмун. Какой же можно сделать вклад в развитие государства и общества, работая здесь? И что бы сказали товарищи по студенческому движению, если бы увидели меня в том положении, в каком я оказался? Я бы не смог поднять и головы

при встрече с ними. С беспокойством на душе, спустя месяц такой работы, я все же уехал из Тэгу.

Вернувшись в Сеул, переживая по поводу своего будущего, я случайно прочитал в газете маленькое объявление, которое привлекло мое внимание.

«Приглашаются рабочие на строительные работы за рубежом»

Это было объявление строительной компании "Хендэ", куда приглашали работников для работы в Таиланде. В то время об этой строительной компании я почти ничего не знал, разве что доходили слухи о том, что небольшая строительная компания "Хендэ" опередила по темпам роста пять основных строительных компаний Кореи в период правления Либеральной партии и продолжает стремительно развиваться.

Меня привлекла эта реклама не из-за масштабов компании, а по тому, что работа была за рубежом. В то время возможность выехать за пределы страны было привилегией только для студентов, получивших государственную стипендию на обучение за рубежом, для государственных служащих и в других особых случаях. Сложившаяся ситуация в стране в 1960-х годах заставляла большинство молодых людей обращать взгляды за границу.

Для меня не было места в Корее, поэтому уехать за границу было единственным возможным выходом. Какими бы ни были условия, если мне дадут возможность «работать», для меня это станет спасением. Я, словно под гипнозом, последовал за этими словами «работа за рубежом».

В мае 1965 года я подал документы для поступления на работу в строительную компанию "Хендэ". В то время, повторяю, не было никакой работы, даже после окончания престижного университета, а тут предложение работы за рубежом, поэтому людей на собеседовании было великое множество. В толпе «молодых безработных» я, еще лучше осознавший реальное положение в обществе, получил свой экзаменационный билет.

Я хорошо сдал первый этап — письменный экзамен. Пройду ли я, а если пройду, то смогу ли выехать, и когда же с меня снимут эти «тюремные наручники»? В переживаниях я провел целую неделю, но никаких известий не было, я был разочарован и уже потерял всякую надежду.

Но вот мне пришла телеграмма с сообщением о «встрече с начальником отдела кадров». Если бы я прошел письменный экзамен, то мне должны были бы просто сообщить дату и место собеседования. Но тут встреча с самим начальником отдела кадров! Кажется, невидимая рука судьбы опять расставляла свои сети.

Начальник отдела кадров строительной компании "Хендэ" достал мои документы с некоторым сожалением.

— Результаты письменного экзамена очень хорошие, но... у вас есть в прошлом опыт участия в студенческом движении. Пока начальство об этом ничего не знает, но я должен им об этом сообщить. Нет ли какого-либо способа избежать этой ситуации?

Потом я узнал, что начальник отдела был выпускником того же ВУЗа, что и я. И он с самого начала отнесся ко мне с симпатией.

Я ответил, что постараюсь что-нибудь придумать, но не имел никакого понятия, что можно сделать. И некуда было пойти, некого попросить. Я сказал об этом второму брату. В то время брат работал репетитором в семье директора государственной корпорации, и он смог получить для меня личную рекомендацию от директора. Это стало возможно благодаря тому, что брат пользовался в той семье огромным доверием. Однако даже такая рекомендация, казалось, мне не поможет.

Тогда я решил, что надо идти напрямую. Я пришел домой и написал письмо. Оно было адресовано президенту Пак Чонг Хи. Я написал о чистоте своих побуждений при

участии в студенческом движении, подробно рассказал о своей ситуации, и сильно раскритиковал власти за то, что они препятствуют моему добровольному желанию служить обществу.

Через несколько дней со мной связались из аппарата президента. Это был ответственный секретарь по связям с общественностью Ли Нак Сон. По началу казалось, что это объективный человек. Но мои жесткие высказывания на него не подействовали. Он был тверд в своих убеждениях.

— Разве не справедливо, что у людей, которые сделали вызов государственному режиму, возникнут впоследствии проблемы. Ничего не поделаешь, зато это станет хорошим уроком для тех, кто только собирается участвовать в студенческих движениях.

Но через некоторое время Ли Нак Сон сделал мне предложение, видимо, ему стало жаль меня.

— А не хочешь ли ты поработать в государственной структуре или поехать учиться за границу? Может, я смогу тебе помочь. Есть столько разных возможностей, зачем тебе именно частная компания?

Я твердо сказал, что не собираюсь работать ни в госучреждении, ни учиться за границей. Потому что я не мог принять этот «пряник» от правительства, которое когда-то было моим «врагом». Это было бы слабостью с моей стороны. Мои моральные принципы не позволяли этого сделать. Я высказал свой протест и непонимание, почему правительство препятствует моей работе в частной компании. Перед тем как он ушел, я сказал напоследок.

— Если государство будет каждый раз вставать на пути человека, который хочет прожить своими силами, то у него будет вечный долг перед такими гражданами.

Но потом я забыл эти слова. Когда уже я стал руководителем строительной компании "Хендэ", Ли Нак Сон работал директором налогового агентства. Однажды мы случайно с ним встретились, и он сказал, вспоминая мои слова.

— Мистер Ли, меня впечатлило то, что вы сказали мне напоследок. До такой степени, что было организовано совещание советников в аппарате президента. В результате которого вам была разрешена работа в "Хендэ", с тем условием, что вы не будете участвовать в каких-либо общественных движениях.

Если подумать сейчас, то те мои слова покажутся дерзкими. Но я был благодарен Ли Нак Сону за то, что он меня выслушал. И каждый раз, когда я вспоминаю об этом, я улыбаюсь, сам того не замечая.

Строительство — это созидание

В конце концов, после множества трудностей, в июне 1965 года у меня было собеседование, которое происходило в головном офисе строительной компании "Хендэ" в районе Муге, где раньше находилась редакция газеты "Мунхва Ильбо".

В собеседовании участвовали шесть человек: директор Чонг Джу Енг, начальник коммерческого отдела Ли Чун Рим, заместитель Квон Ги Тэ и другие. Директор Чонг сидел в центре в рабочем костюме с надписью «строительная компания "Хендэ"». Он был похож не на директора компании, а скорее на командира полевой роты, выглядел строгим и самоуверенным.

Я представился, после чего директор Чонг посмотрел на мое резюме, а потом спросил, глядя мне прямо в глаза.

— Как ты думаешь, что такое строительство?

Это был вопрос, которого я не предполагал услышать. Но ответ получился сам по себе.

— Думаю, что строительство — это созидание.

— А почему?

— Потому что из ничего всегда создается нечто.

— Хорошо говоришь.

Директор Чонг улыбнулся. Но не все разделяли его радость.

— В наши дни много людей, кто умеют красиво выражаться. Они задали мне еще несколько вопросов. Казалось, что все они знали о моем «повстанческом» прошлом, но не упоминали об этом.

Когда я ждал результатов собеседования, то волновался еще больше, чем после письменного экзамена. Морально и физически я был готов работать, но мир этого не принимал. Поэтому мне нужно было уехать. А это была самая подходящая возможность.

На вечере для новых сотрудников

Мне понравился человек, которого звали Чонг Джу Енг, он показался мне уверенным и строгим, он улыбнулся на мой ответ «строительство — это созидание». Предчувствие, что, работая с этим человеком, можно добиться многого, подбодряло меня. Но с другой стороны, я беспокоился о результатах встречи с представителем аппарата президента. Проявит ли правительство хоть какую-то гибкость по отношению ко мне после всех моих протестов против их запретов?

«С 1 июля выйти на работу». Через неделю я получил сообщение о приеме меня на работу. В отдел по контролю за строительством в головной офис. Там я работал до сентября, три месяца.

Когда другие учились и впервые поступали на работу после окончания университета, я работал с самой начальной школы. Начиная с продажи тканей вместе с

отцом на рынке, хлебцев в формочках, рисового поп-корна, спичек, фруктов с тележки, наконец, уборки мусора, — казалось, не было работы, которую я не перепробовал. Поэтому, если считать, начиная только со старшей школы, я был молодым работником с более чем десятилетним стажем. В силу этого, работа в компании не казалась мне первой работой, я просто думал, что начал другую, новую.

Но когда я пришел в компанию, я обнаружил странную ситуацию. Компания оказалась бюрократизированной. Самый простой пример: когда заканчивался рабочий день, и вся работа была выполнена, сотрудники не уходили домой, следя за реакцией начальника. Тогда это было обычным явлением, распространенным в нашем обществе, но для меня это было непривычно.

Я не мог долго терпеть этого. Вскоре я раздал сотрудникам анкеты. Собрал их мнения насчет заторможенности и неэффективности работы компании из-за бюрократии. Понятно, что большинство высказалось за необходимость изменений. Я передал результаты опроса начальству. После того случая говорили, что со мной надо быть осторожным. И тут, конечно же, учитывался мой опыт участия в студенческом движении.

Самое первое, что я постарался сделать после поступления на работу в "Хендэ" — это не казаться хорошим начальству. Если бы я, осужденный за подстрекательство к государственному мятежу, относился внимательнее к спецслужбам, то должен был вести себя тише, чем кто-либо, и, конечно, показаться перед начальством в самом приличном виде. Но без сомнения, в новом коллективе я опять стал проблемной личностью. Я думал о причинах структурной тяжеловесности компании. В моих внезапных действиях не было ничего, что бы могло стать объектом критики с моральной точки зрения. Да и не было таких людей, которые бы в открытую меня обвиняли.

После собеседования я впервые увидел директора Чонга летом того же года на стажировке новых сотрудников в Кангрыне. Годом раньше это мероприятие проводилось в Маллипо, но с нашего поступления, стажировка уже проводилась в Кангрыне, и эта традиция сохраняется до сих пор.

Мы были второй группой официального найма сотрудников. Годом раньше приняли на работу меньше десяти человек, а в наш год — целых 28 с высшим образованием. Именно в том году в компанию было принято так много сотрудников с хорошим образованием. Наверное, поэтому на стажировке в Кангрыне все, от директора до сотрудников, были возбуждены.

Это была «церемония приема», где владелец компании Чонг впервые встречался со своими подчиненными, беседовал без всяких формальностей, выпивал, пел песни, устраивал турнир по национальной борьбе сирым. Мероприятие это организовывалось для того, чтобы подтвердить сплоченность и единство "Хендэ".

С самого первого дня в Кангрыне новые сотрудники радовались совместному отдыху на берегу моря. Директор Чонг знакомился с сотрудниками, играл с нами в разные спортивные игры. В последний вечер, когда устроили костер, директор, сидя с нами, сказал.

— Давайте пить всю ночь. Мужчина должен быть в этом стойким. Будем пить, пока не исчезнет луна на небе.

Директор Чонг поднял стакан с соджу. Водку наливали всем сотрудникам, сидевшим вокруг костра. Уже выпили по несколько стаканов, кто не привык, пьянел, начинал болтать глупости, валиться на песок.

— Кто пьян, идите. А мы будем продолжать выпивать.

Круг стал сужаться, но директор Чонг был как будто совсем не пьян. Осталось всего пятеро. Наливать стали еще быстрее. После нас осталось четверо: директор Чонг, я,

мистер Ли, который после был направлен на работу в Гуам и остался там навсегда, и еще один инженер.

— Душа настоящего мужчины должна быть шире этого моря. Говорил Чонг все таким же громким голосом. Тут ушел инженер, и нас осталось трое. Пока я был в трезвом сознании. Я не очень любил выпивать, но не бывало такого, чтобы я, много выпив, терял сознание. Я пребывал в некотором напряжении. Встреча с директором Чонгом с самого начала волновала меня. Почти исчезла луна и приближался рассвет. Тут директор Чонг встал.

— Мне придется уйти первому, а вы пейте.

Мы остались с мистером Ли, но он больше не пил. Чтобы сдержать «обещание», я пил один, пока не исчезнет луна. Но тут прибежал взволнованный сотрудник финансового отдела и закричал.

— Директор поранился!

Мы побежали в комнату директора, но находившиеся там сотрудники сказали, что ничего страшного, и лучше нам пойти спать.

На следующий день директор Чонг прикрывал лицо рукой. На рассвете, когда он шел в комнату, он споткнулся о железную сетку и упал, поранив лицо, рана оказалась над губой. Директор Чонг сказал нам.

— Вчера я упал, немного поранился, лечиться тут невозможно, поэтому я должен ехать в Сеул. Мне очень жаль, что я не могу быть с вами до конца. Но даю вам еще один день, чтобы вы хорошо тут повеселились.

И сейчас, если присмотреться, у президента Чонга остался шрам, — с того самого времени.

Конфликт между начальником и только что принятым сотрудником

В начале октября я начал работать в бухгалтерии на строительном объекте. Это было место строительства четвертого завода удобрений в Джинхе. Строительный объект — это все равно, что огромный оркестр. А его руководитель собственно и есть дирижер этого оркестра. Руководитель четвертого завода удобрений в Джинхе был самым старшим по возрасту инженером строительной компании "Хендэ". Как и все инженеры старшего поколения, он не мог получить систематизированное обучение в университете, но зато в период японской колонизации получил хороший опыт в сфере строительства, то есть он был человеком «старшим на стройке».

Руководитель вставал в 4 утра и будил инженеров и рабочих.

— Вот молодежь нынче пошла... Разве можно заработать, если спать так долго?

И все было у него в таком духе. Особенно он не любил выпускников университетов: «молодых, у которых молоко на губах не обсохло, и которые знали только то, что читали в учебниках». В их числе, конечно же, был и я.

Выдавать работникам аванс было моей основной работой в качестве бухгалтера. Обычно я выдавал аванс после пяти часов вечера. Целый день проходил в работе и только вечером, когда появлялось свободное время, рабочие вспоминали об авансе и приходили ко мне. А я делал все, чтобы им было удобно. И, по-видимому, это не нравилось нашему руководителю.

— Ты, бухгалтер. Почему ты выдаешь аванс после пяти вечера? Ты когда-нибудь видел, чтобы в банке деньги после пяти вечера выдавали?

Это было простое упрямство. Потому что банк — это одно, а строительный объект — другое. Ведь тогда это означало, что рабочие должны были бросать свои дела посреди рабочего дня и стоять в очереди, чтобы получить аванс. Но я не мог выступать против. Потому что слова начальника, на самом деле, были законом.

Через некоторое время, начальник пришел ко мне за авансом. Он пришел после пяти вечера.

— Я не могу выдать вам аванс.

— Это почему?

Начальник изумленно переспросил, не веря ушам своим. Выступить против самого главного на строительном объекте, да еще молодому сотруднику, поступившему в компанию совсем недавно, меньше чем полгода назад!

— Не шути со мной, давай быстрее. Это срочно.

— Вы же знаете, запрещено выдавать наличные после пяти вечера.

— Я знаю. Но ведь я начальник.

— Если вы нарушите правило, которые сами установили, то никто не будет его соблюдать. Поэтому я не могу выдать вам аванс.

— Ты посмотри, с ума сошел, что ли? Ты в своем уме такое говоришь? Да мне по работе нужны деньги. Это очень важное дело.

— Очень важным является и соблюдение правил компании.

— Да что ты? Нет, ты только посмотри на него...
Начальник ушел ни с чем, не в силах ничего со мной поделать.

И я был готов к тому, что он отыграется на мне за этот случай. Но после он так и не сделал ничего против меня. Напротив, когда мне нужно было ехать в банк, он подвозил меня на своей машине, а потом ехал по своим делам, и вообще стал ко мне относиться лучше. Однажды, подвозя меня в банк, он сказал.

— Ли, когда-нибудь ты станешь большим человеком в нашей компании.

Про себя я подумал, он говорит мне это, чтобы в следующий раз я беспрепятственно выдал ему аванс. Но в дальнейшем начальник ни разу не приходил за деньгами после пяти часов вечера.

Происшествие в Таиланде

— Ли направляется на стройку в Таиланд. Срочно приехать в головной офис.

В начале декабря позвонил директор Чонг, когда я работал на стройке в Джинхе. Строительный объект в Джинхе стал для меня хорошей школой. На тот момент в Корее не было компании с опытом строительства завода, и не только я, но и все работники на стройке, учились на своих ошибках. Тогда я и был выбран для работы за рубежом. Мне, новичку, очень повезло, я поступил в компанию именно с этой целью, но шанс представился мне раньше, чем я предполагал.

Это было первое строительство за рубежом для Кореи — двухполосной магистрали протяженностью 98 км, которая соединяла два города Патани и Наративат на юге Таиланда, недалеко от границы с Малайзией в районе Диэ. Это было строительство правительства Таиланда на кредит, предоставленный Международным Банком Реконструкции и Развития (МБРР), по которому 30 сентября 1965 года был объявлен международный тендер. Строительная компания "Хендэ" выиграла этот тендер, в

котором конкурировали 29 компаний из 16 стран, -Западной Германии, Японии, Франции, Италии, Нидерландов и других.

Окончательная сумма тендера составила 5 млн. 220 тысяч долларов США, на тот момент это был годовой доход нашей строительной компании. Поэтому "Хендэ" приложила все усилия, чтобы победить.

Строительный объект в Таиланде представлял собой более сложную структуру, чем головной офис компании в Сеуле. Постоянно находились в Таиланде и управляли объектом заместитель директора по инженерным работам Ли Ен Суль и один из управляющих компанией Квон Ги Тэ, также на объект были направлены главные управляющие и технический персонал. Я на этом объекте был младшим сотрудником — бухгалтером. И прямо подчинялся начальнику отдела бухгалтерии, а он — начальнику управления объектом. Все, кто работали на этом объекте, в дальнейшем стали ведущими специалистами "Хендэ".

Этот проект был не просто первым строительным объектом для Кореи за рубежом, но первым выходом корейских специалистов на зарубежный рынок в истории страны. Тогда небольшая компания "Хендэ" впервые осуществила то, что не могли сделать даже крупные компании. Именно благодаря такому упорству и духу освоения стало возможно нынешнее положение "Хендэ".

Я и сейчас помню речь представителя Таиланда на церемонии приветствия, когда мы прибыли в Наративат.

«Япония во время Второй мировой войны пришла на нашу землю с оружием, чтобы убивать людей. А Республика Корея пришла с оборудованием для того, чтобы построить дорогу на нашей земле. Когда разгорелась корейская война, мы пришли на помощь Корею, а сейчас Корея пришла помочь нам. Я искренне приветствую вас».

После завершения строительства на память об этом историческом проекте был установлен мемориальный камень, на котором были написаны эти слова, и который стоит до сих пор.

Строительство было начато 7 января 1966 года, но этот первый зарубежный строительный проект для Кореи продвигался не по плану. Потому что работа шла без какого-либо опыта, и держалась на одном энтузиазме. Строительство магистрали Патани — Наративат должно было соответствовать международным стандартам. А в тот период в Корею само слово скоростная магистраль было не всем знакомо. Не было не только соответствующего оборудования, но и специалистов для строительства магистрали.

Оборудование, которое мы привезли с собой, было настолько устаревшим, что один американский специалист сказал, что «если это строительство закончится за 5 лет, то он съест свою шляпу». Наше оборудование постоянно останавливалось из-за поломок. Управление строительством проходило также. Никто не мог комплексно и систематически управлять объектом, будь то начальник или младший бухгалтер.

Для того, чтобы сэкономить на рабочей силе, нанимали рабочих из Таиланда, но из-за проблемы языка возникали конфликты и разногласия. В первый год было потрачено 70% запланированных расходов, но строительство было сделано только на 30%. Причем, возможный международный скандал был для нас не самой большой проблемой. Компания была на грани разорения, и от этого проекта зависело ее будущее существование.

Происшествие с сейфом лучше всего отражает ту сложную ситуацию, также оно стало причиной, по которой я надолго остался в строительной компании "Хендэ".

Это случилось в один из вечеров, когда конфликтная ситуация накалилась до предела. Я сидел в офисе и заполнял бухгалтерские счета. На тот момент в офисе осталось всего два сотрудника бухгалтерии, которых наняли в Таиланде.

Вдруг за окном раздался какой-то шум. Я выглянул узнать, что происходит, и тут бухгалтер-таец торопливо сказал мне.

— Мистер Ли, беги отсюда скорее.

Просмотр объекта за рубежом

Я подумал, что это работники-тайцы взбунтовались, но, взглядевшись, понял, что это выступление корейских рабочих. Они с военными кинжалами потрошили все имущество компании. Это был настоящий мятеж. Руководители объекта, узнав, в чем дело, быстро сели на машины и уехали. Из корейцев среди «бандитов» остался один я. А тайцев, напротив, было много.

Причина мятежа возникла еще до отъезда из Кореи. В Сеуле объявили набор мастеров по технике, а потом оказалось, что набрали мафиозную группу из Инчона. Работа на строительном объекте за рубежом давала много привилегий. Для их получения, они и осуществили так называемое «лже-трудоустройство». На объекте тайские рабочие часто выражали недовольство, но взрыв произошел именно среди корейцев.

Основной целью бандитской шайки был офис, в котором я как раз находился. Но я не мог бежать. Они окружили мой кабинет. Даже если бы я попытался сбежать, они бы все равно меня поймали. А что случилось бы потом с сейфом и книгой бухгалтерского учета, если бы я сбежал? Я решил остаться в офисе.

Бандиты крушили все, что попадалось на их пути, и с криками приближались к моему кабинету. Остававшиеся до последнего момента, двое тайцев, услышав приближающуюся толпу, тоже сбежали, и я остался один.

Дверь кабинета раскрылась с грохотом. В кабинет ворвалось около 15 бандитов. Чувствовался резкий запах алкоголя. Пьяные бандиты с ножами и палками в руках были в ярости и тяжело дышали. Трудно было себе представить, что они могли бы натворить.

Увидев, что я один, они, кажется, немного успокоились. Тут один из них воткнул кинжал в мой стол возле сейфа.

— Давай ключи от сейфа, говорю пока по-хорошему.

— Не дам.

— Что, тебе сдохнуть так хочется?

Они провели ножом у моего лица. Я отошел на несколько шагов назад и прислонился спиной к стене. Изредка слышались смешки.

— Ну что ты? Не дашь, говоришь, ключ? Давай, посмотрим...

Он воткнул кинжал в стену слева моей шеи. Я повернул голову вправо. В глазах потемнело. На этот раз нож пролетел справа от меня. Я опять, сам того не замечая, повернул голову влево.

«Так и умру».

Я закрыл глаза. И уже не увертывался. Пред моими глазами промелькнула умершая мать, братья и сестры.

Когда я был, кажется, уже одной ногой в могиле, я подумал, может лучше отдать им ключи. На самом деле в сейфе была только одна мелочь. Даже если бы я в такой ситуации и открыл сейф, то никто бы меня не упрекнул. Но я все же не сделал этого. И не ради компании. Тогда я даже не успел подумать о своих обязанностях. Это было просто инстинктивное желание избежать унижения. Я подумал, что не смогу этого допустить, и крепко стиснул зубы.

— Ха-ха-ха, так он глаза закрыл. А так неинтересно, с закрытыми глазами-то. Эй, ты, открой глаза.

Я открыл глаза.

— Ты должен открыть сейф.

Они поняли, что я не поддаюсь на их угрозы, и приказали мне самому открыть сейф. Я сделал несколько шагов к сейфу. Но затем обхватил его, как драгоценное сокровище, двумя руками.

— Ну все, кончайте с ним.

Несколько рук схватило меня за шиворот. Я упал вместе с сейфом на пол, закрыл его спиной. Меня начали бить ногами. Но я сжимал руками не ящик, а свою гордость. Меня били со всех сторон еще беспощадней. Но я все крепче сжимал свое сокровище.

Тут послышалась сирена машины полиции. Затем раздались резкие тормоза, и тогда бандиты побежали. Сотрудники, которые ворвались вместе с полицией в комнату, увидели меня на полу с сейфом, и некоторое время не могли проронить ни слова.

Потом об этом происшествии узнали в офисе в Бангкоке и головном офисе в Сеуле.

— Бухгалтер Ли Мён Бак под угрозой смерти не дал бандитам вскрыть сейф.

— Он один противостоял банде. Глаза такие узкие, но на вид смелый, в самом деле, он молодец.

История молодого сотрудника превратилась в легенду героя. Однако я и сейчас думаю, что в этом не было ничего особенного. Потому что я совершил свой поступок не из чувства долга или рационального решения, а только, чтобы сохранить свою гордость.

Значит, ты один все деньги прикарманил?

Во время строительства магистрали в Таиланде возникали проблемы, и директор Чонг Джу Енг часто приезжал на объект. Чонг обходил весь строительный объект, а затем в кабинете погружался в свои мысли. Работа начиналась в 6 утра, Чонг вставал не позднее пяти. А я вставал раньше всех.

Благодаря утренней молитве матери в детстве я привык рано вставать. Когда я учился в школе и в университете, я всегда просыпался в одно и то же время, и здесь, на стройке в Таиланде, я вставал не позднее 4 утра. Уже давно я привык спать по четыре часа в сутки, и сейчас, по привычке, я ложусь в час и встаю в 5 утра.

На строительном объекте в Таиланде только два часа на рассвете были моим личным временем. По утрам я читал, занимался английским. Свободного времени было немного, но оно было очень полезным для меня.

Однажды директор Чонг, как всегда, рано утром обошел строительный объект, а потом зашел в мой кабинет и сел рядом.

— Ли, чем ты так усердно занимаешься каждое утро?

— Это не дела компании, а мои личные.

— И какие же у тебя личные дела?

— Я читаю книги. Ведь днем совсем нет времени.

— Неужели?

С того разговора прошло полгода, директор Чонг приехал к нам на объект, собираясь остановиться на несколько дней. С начала строительства прошло полтора года. В то утро я не читал книги, а ждал, когда придет Чонг. И когда он появился, я спросил его о том, о чем долго думал.

— Мистер Чонг, это строительство очень выгодное?

— Почему ты задаешь мне такой вопрос?

— Я всего лишь младший бухгалтер, не имею представления обо всем проекте, не могу дать комплексную оценку всему процессу, но по моим предположениям строительство это убыточное. Меня беспокоит то, что убытки увеличиваются со временем. Вы знаете об этом?

— Нет, ты что-то не правильно понял. Проект этот выгодный. Я постоянно получаю отчеты об этом.

Вскоре директор Чонг уехал в Корею. Я был уверен в правоте своих догадок, поэтому собрал все необходимые материалы. Сделал расчет, провел анализ проблемных вопросов, затем отчитался перед начальником отдела бухгалтерии и начальником управления объектом. Без сомнения, это было убыточное строительство. Не подозревая об этом, все сотрудники относились к строительству за рубежом с большим воодушевлением. Я понимал, что если так будет продолжаться, то положение станет катастрофическим. Я сказал об этом начальству, которое никак не отреагировало на мои опасения. Что означало, что я должен вести себя как подчиненный, и не лезть не в свое дело.

Но я стоял на своем. При каждой встрече я упоминал о сумме убытков начальнику отдела и начальнику управления.

Однажды начальник управления, который всегда скептически относился к моим отчетам, вызвал меня к себе. Сначала он спросил, откуда у меня эти данные.

— В строительстве все на виду. Сумма проекта определена, нужно только узнать, каковы расходы. Я не знал обо всем объеме материалов, привозимых из Кореи, поэтому навел справки в офисе в Бангкоке. Только по этим данным мне стало ясно, что проект ущербный, а если есть расходы, о которых мне не известно, то убыток будет еще больше.

— Дай мне эти документы. Если станет известно об убыточности проекта, то это может испортить ситуацию на объекте, поэтому пока не говори об этом никому.

Позже выяснилось, что начальник управления отправил доклад в срочном порядке директору Чонгу как будто составил его сам. Директор Чонг на этот раз приехал на объект быстрее, чем в прошлый раз, после происшествия с бандитами. Приехала группа инспекторов с головного офиса, которые перевернули все на объекте вверх дном. Директор Чонг подозревал, что кто-то на стройке положил себе в карман большую сумму денег. Поэтому самыми первыми, кто подвергся проверке, стали сотрудники бухгалтерии.

Книги бухгалтерского учета и прочие документы погрузили на грузовик и увезли в Бангкок, а потом начальника управления, начальника отдела и меня направили в одну из гостиниц. Инспектора из Сеула 10 дней изучали документацию, но так и не смогли выяснить, каким образом пропали деньги. Директор Чонг был в шоке. По предварительным расчетам объем убытков был равен годовому товарообороту компании.

Как только закончилась проверка инспекторов, Чонг вызвал к себе по очереди начальника управления, начальника отдела, меня, и сам начал расследование. После беседы с директором начальники управления и отдела смотрели на меня чуть ли не с довольным выражением лица, словно получили у Чонга отпущение грехов. Пришла моя очередь, и я почему-то заволновался.

Я открыл дверь и вошел в кабинет, директор Чонг начал говорить со мной мягким тоном.

— Ли, на моей практике было немало проектов, я сталкивался с разными ситуациями. Но этот проект оказался убыточным, никак не могу понять, в чем дело. Ясно, что кто-то прикарманил себе немалые деньги. Я тебе полностью доверяю. Скажи, кто из них двоих: начальник отдела или начальник управления? Или кто-то другой?

— Я ответственный за расходы на объекте. Все деньги на строительство тратятся только после моей подписи. Поэтому я уверен, что никто не мог присвоить себе деньги компании. И нет такого способа, чтобы сделать это тайком от меня. Я думаю, что убыток произошел не в результате хищения, а по причине заниженной цены тендера, из-за нехватки опыта и технологий. Не было объективного определения стоимости строительного проекта, а расходы были настолько большие, что все это в конце концов привело к такому результату.

Директор Чонг смотрел на меня в упор.

— Значит, ты один все деньги прикарманил?

— У меня не такое положение, чтобы я смог это сделать. Не знаю, помните ли вы или нет. Но несколько месяцев назад я спросил у вас, выгодно ли это строительство. Тогда вы сказали, что проект бесспорно выгодный и что вы постоянно получаете об этом отчеты. Но я все-таки позволил себе усомниться, провел анализ, составил доклад и несколько раз сообщал о своих результатах начальнику управления.

— Неужели? Так это ты начальнику управления доложил?

— Да. Постарался найти данные и сделал расчет.

— Вот подлец, значит, он взял доклад подчиненного и отправил его как свой собственный. Негодяй!

Директор Чонг сказал это сам себе, а потом вновь спросил.

— Так ты думаешь, что ничего не своровали ни начальник управления, ни начальник отдела?

— Да.

— Странно... Начальник управления сказал, что виноваты начальник отдела и ты, а начальник отдела свалил всю вину на начальника управления и тебя. А ты так уверенно заявляешь, что никто из вас не присваивал денег.

—

И тут перед глазами всплыли те двое со своими хитрыми физиономиями. Мне было нечего сказать.

— Ну хорошо. Иди и жди.

Я вернулся к себе, начальники отдела и управления тут же стали спрашивать.

— Ли, ну что ты сказал?

— Ничего нового. Я сказал, что убытки произошли из-за неправильных расчетов, а не из-за хищения сотрудников.

— Да? ... Ты молодец.

В тот вечер группа инспекторов делала заключительные выводы. Мы трое, как возможные преступники, уснули, не дождавшись результата.

В 7 утра зазвонил телефон. Это был один из руководителей отделения в Бангкоке, меня одного попросили спуститься в ресторан. Оставшиеся двое решили, что проверка продолжается.

Я спустился в гостиничный ресторан и был удивлен, когда увидел одного директора Чонга.

Он предложил мне сесть, спросил, откуда я родом, и кто мои родители, а потом попросил меня заказать для себя завтрак.

— Не беспокойтесь. Я в комнате вместе с другими поем.

— Нет, они позавтракают в комнате отдельно.

Мне не оставалось ничего, как позавтракать наедине с Чонгом. На меня произвело впечатление, как директор без всяких затруднений заказывает завтрак, не говоря по-английски. Я не мог спросить его о результатах расследования, завтрак прошел в напряженной обстановке. Потом директор Чонг неожиданно так предложил:

— Ли, ты возьмешься отвечать за этот проект?

— Что вы имеете в виду?

— Начальник управления и начальник отдела возвращаются сегодня в головной офис. Я говорю, чтобы ты теперь выполнял их обязанности.

— Но в таких случаях должны приехать другие начальник управления и начальник отдела.

— В этом нет никакой необходимости. Ты один со всем справишься. А те просто негодяи! Хуже рядового сотрудника.... Ты поедешь в Корею и сам наберешь себе штат, с которым будешь работать.

Я отказывался до последнего. Потому что это было слишком масштабным исключением из правил. Я беспокоился не только о своем профессиональном опыте и способностях, но и о простом нарушении порядка в компании.

Такие исключения из правил делались каждый раз, когда меня назначали начальником отдела, заместителем директора, директором. Извне это могло показаться небывалым исключением, но для директора Чонга это было всегда обдуманное решение. Одним из положительных качеств Чонга, как управляющего компанией, было прогрессивное понимание кадровых вопросов, когда он учитывал только способности сотрудника, сможет ли он справиться с той или иной задачей, и не обращал при этом внимания на опыт или возраст.

Строительство магистрали с огромными убытками подходило к концу. Даже для опытного начальника работа на последнем этапе проекта была очень сложной. Но тут эту работу поручили новичку, который совсем недавно пришел в компанию. Решение директор принял быстро, и столь же быстро он продвигал его осуществление.

В то утро в гостинице был издан приказ по кадрам. «Начальники управления и отдела возвращаются в Корею, а сотрудник Ли Мён Бак через несколько дней направляется в Корею для отбора новых работников, после чего возвращается на объект». Я поехал в Корею дней на пятнадцать позже начальства, и в Сеуле узнал, что мои бывшие начальники были уволены из компании.

Выбрав трех молодых сотрудников в головном офисе в Сеуле, я вернулся на объект, где уже один выполнял обязанности начальника управления и отдела. Согласно законам компании, одни рядовые сотрудники не могли подчиняться другому, поэтому меня в срочном порядке повысили до должности менеджера. Я получил эту должность, не проработав и двух лет с момента поступления в компанию.

Макияж делайте ночью

Строительный проект был завершен, но убытков оказалось больше, чем предполагалось. Если бы после этого Корея не участвовала во Вьетнамской войне, то строительная компания "Хендэ" еще долгий период не смогла бы восстановить свои ресурсы. "Хендэ" возместила свои убытки в Таиланде благодаря строительному проекту во Вьетнаме, а еще получила новый тайландский заказ и готовилась к очередному прорыву. А после строительства магистрали Сеул — Пусан, компания всему миру продемонстрировала свою мощь после неудачи в Таиланде.

Проект строительства магистрали Сеул — Пусан начинался с воодушевлением и надеждами, о нем говорили как о «самом важном событии в истории страны после основания государства императором Тангуном». На самом деле это был амбициозный проект, в котором совпали уверенность президента Пак Чон Хи в том, что «нужно протянуть главную вену страны, через которую экономика начнет свое кровообращение» и убежденность директора Чонг Джу Енга в том, что «мы все сможем».

На первом этапе правительство для осуществления этого проекта сделала заявку на кредит от МБРР. Из Международного банка прибыла группа экспертов. Они провели по неделе на каждом участке между Сеулом и Пусаном и рассчитали, сколько там проезжает автобусов, грузовых машин, джипов. Специалисты пришли к выводу, что «Республике Корея еще несколько лет не понадобится такая магистраль. Достаточно небольшого ремонта существующих дорог».

Однако правительство не отказалось от этой идеи и приняло план строительства магистрали с бюджетом всего 40 млрд. вон, а строительная компания "Хендэ" подтвердила, что это возможно. Проект строительства магистрали Сеул — Пусан стал

началом новой истории компании и страны, во главу угла которой были поставлены абсолютная вера и железная воля.

Тогда оппозиционные партии и некоторые правительственные чиновники выступали с яростными протестами. «Как Тэвонгун из династии Чосон потерпел поражение, попытавшись построить дворец Кенгбукон, так и президент Пак Чон Хи останется ни с чем при строительстве магистрали Сеул — Пусан», так говорили противники проекта.

В Корее на тот момент почти никто не видел скоростную магистраль. Поэтому опыт "Хендэ" по ее строительству, без сомнения, стал огромным вкладом в развитие дорожной отрасли. Значение построенной магистрали для перевозок было неопределимым. Магистраль ускорила индустриализацию Кореи и способствовала успешному экономическому развитию страны.

Сейчас, когда многие проблемы возникают из-за недостатка длительных инвестиционных проектов, можно высоко оценивать дальновидность и волю руководства того периода.

Несмотря на чрезвычайную ситуацию в стране, когда 21 января 1968 года вооруженные коммунисты дошли до дворца президента, проект по строительству магистрали Сеул — Пусан продолжал осуществляться. После пробного строительства отрезка Сеул — Сувон компания "Хендэ" взяла на себя строительство одной трети магистрали.

В марте 1968 года закончилась работа по проекту в Таиланде, я вернулся в Корею. Тогда директор Чонг назначил меня начальником отдела в управлении тяжелого оборудования, который находился в районе Собинго.

Я был обескуражен. Я работал пусть на сложном убыточном проекте, но проект был завершен. Я провел 3 года за границей и думал, что меня назначат на работу в отдел управления или бухгалтерии в головном офисе. Сотрудники, которые скептически относились к тому, что я получу высокую должность, тоже были в недоумении.

Ходили разговоры: «Ли Мён Бак так быстро поднимался, а теперь все, видимо, закончилось».

Управление тяжелого оборудования явно не являлось местом для сотрудника с высшим образованием. Там обыкновенно находились работники с объектов, которым временно было некуда податься, это было равносильно изгнанию.

Сначала я сильно переживал по этому поводу, но после стал думать иначе. Я вспомнил строительный объект в Таиланде. Успех проекта магистрали Сеул — Пусан, в первую очередь, зависел от качества применяемого оборудования. Современное оборудование, приобретенное в кредит, импортировалось и ввозилось на строительный объект по магистрали. И управление тяжелого оборудования уже не было той мастерской, где чинили железки, которые выкидывала 8-я американская армия, служившая в Корее. Управление было важным звеном строительства магистрали Сеул - Пусан.

«Если хочешь занимать высокое положение в строительной компании, ты должен хорошо разбираться в тяжелой технике. У выпускника университета практически не бывает возможности работать непосредственно с оборудованием. Наверное, в этом и заключается причина моего назначения именно в это подразделение. Надо пойти и выучиться».

Не обращая внимания на сочувствие и сожаление коллег, я вышел на работу в управление в Собинго. Я подчинялся непосредственно начальнику объекта, а новая моя должность называлась начальник отдела управления. Там среди старших инженеров и специалистов по оборудованию работало много пожилых людей с более чем двадцатилетним стажем. Это были те самые старожилы, которые работали вместе с

Чонгом еще до создания строительной компании "Хендэ", в то время, когда у него был завод по ремонту автомобилей "Завод по услугам Адо". Их называли «группой старост» и они подчинялись коммерческому директору Ким Енг Джу, которого называли «директором номер один».

Работу на этом заводе я начал с исправления устаревших понятий у представителей этой «группы старост». Люди, работавшие с тяжелым оборудованием, не знали соответствующих терминов для запчастей, а использовали слова японского происхождения. И это происходило на таком уровне, что выпускник университета, работавший руководителем, и работники не понимали друг друга. И естественно, что когда кто-то из «старост» просил дать ему «диф», то сотрудник его не понимал. И старосты оставались недовольны. Их «диф» подразумевал дифференциальную передачу.

Я собрал всех технических и административных сотрудников и сказал.

— Сейчас мы используем не металлолом из 8 американской армии, а непосредственно импортируемое нам оборудование из-за рубежа. С каждым днем все чаще приходится делать заказы деталей в США, но кто вас поймет, если вы дифференциал называете «дифом»? Нужно не просто знать точное наименование детали, но и номер, ей соответствующий. Только по наименованию невозможно определить стандарты и производителя детали, поэтому когда вам понадобится деталь, обязательно найдите ее в руководстве и сообщите номер, когда будете делать заказ. А если вы, как раньше, будете говорить «дайте диф», то просто ничего не получите.

И постепенно инженеры стали с пониманием относиться к молодым сотрудникам, у которых узнавали номер и правильное наименование детали. Я замечал, что среди старост работа налаживается, и продолжал свое дело. Управление тяжелого оборудования, работавшее на строительство магистрали Сеул -Пусан, должно было действовать более оперативно, чем оружейный завод во время войны. Для этого нужны были строгие правила и полная сосредоточенность в работе.

Я перенес начало рабочего дня с 7 на 6 утра. Если бы сейчас такое услышали рабочие или руководство профсоюза, то они бы побледнели от возмущения. В 6 утра, вне зависимости от пола и возраста, все собирались на стадионе. 10 минут шла утренняя разминка, а потом в течение 20 минут проходил обход всего завода Собинго. Это было необходимо для того, чтобы все полностью приготoвились к работе.

Даже в перерывах запрещалось собираться в компании и играть в корейские карты — хвату. Когда я только пришел в управление, «старосты» считали это своим правом и в свободное время играли в хвату, корейские шашки, восточные шахматы. Даже в субботу вечером я не допускал нарушений дисциплины на рабочей территории.

Старшие постепенно привыкали к новым порядкам, правда, не без ворчания «вот тебе и судьба: в подчинении молодого мучиться». Но продолжали упорно высказываться против сотрудницы, женщины.

— Нам, женщинам, очень сложно выходить на работу в 6 утра. Мужчинам достаточно умыться и выйти, а у нас, только чтобы подкраситься, уходит минимум 30 минут. Разрешите выходить на работу на полчаса позже мужчин.

Но я стоял на своем.

— Мужчины работают до 9-10, а женщины обычно в 7-8 уже идут домой. Поэтому вечером, когда у вас есть свободное время, сделайте макияж и ложитесь спать. А утром нужно будет только почистить зубы и вы сможете начинать работу вместе с мужчинами.

По-видимому, женщины, услышав мои слова, были настолько изумлены, что ничего не сказали в ответ и ушли. Конечно, подобное сейчас представить себе невозможно, но наше поколение победило бедность именно таким образом.

Указание аппарата президента, раздавленное бульдозером

Строительство магистрали Сеул — Пусан осуществлялось не в обычном режиме. По сути, это была просто война. Если в этой войне президент Пак Чон Хи был главнокомандующим, то директор Чонг Джу Енг был командующим ночных операций. На заводе, где я распорядился начинать рабочий день на час раньше, недовольства рабочих не утихали. Но в то время, когда у нас шла разминка, уже на всем протяжении, более 400 км, строившейся магистрали Сеул — Пусан, на полном ходу гремели бульдозеры, а директор Чонг, проехав Сувон, на своем джипе направлялся к тоннелю Тангдже на юге Тэджона.

После завершения строительства эта магистраль была названа «магистралью, которая построена за самый короткий срок и с самыми минимальными расходами в мире». И до начала 1980-х ее роль в экономике нашей страны была самой значительной.

Конечно, потом пришлось заплатить за такое строительство «блицкриг»: были работы по ремонту и расширению магистрали, но проявленный директором Чонгом энтузиазм во время строительства заслуживает только уважения. Он спал у дороги на раскладушке, укрывшись одним пледом, работал как настоящий прораб.

Сейчас некоторые критикуют магистраль Сеул — Пусан, сравнивая ее с магистралями в Японии или Германии. Но если бы с тем уровнем технологий попытались бы построить магистраль, как в Германии, то на это ушло бы более 10 лет. Учитывая технологии и бюджет того периода, это было самое лучшее строительное произведение в истории страны.

Строительство магистрали Сеул — Пусан было переходным моментом и для корейской строительной отрасли в целом. Тогда только начинался период, когда использовалась строительная техника. А роль управления тяжелого оборудования росла с каждым днем. Потому что «война» была невозможна без быстрой поставки оборудования.

Директор Чонг звонил по несколько раз в день, подгоняя нас с ремонтом оборудования. Был начальник управления, был начальник отдела инженерии, но он искал именно меня. Директор знал все наименования, характеристики, детали, а я — начальник отдела, не знал почти ничего о тяжелом оборудовании. Поэтому телефонный разговор у нас был коротким.

— Где и какая поломка? Почему столько времени на ремонт уходит?

Я не мог ничего ответить.

— Просто тупой! Ничего не знаешь толком! Поэтому и работа задерживается.

Телефонными звонками дело не ограничивалось. Иногда директор приезжал в рабочей одежде, ругал всех нас, «наводил шороху», и уезжал. Он постоянно отдавал приказы, недоумеая, чем занимаются в управлении тяжелой техники, если работа на объекте стоит из-за ее отсутствия.

В тот день я опять стал мишенью для директора. Это был день, когда я не смог вовремя обеспечить ремонт, и Чонг отчитал меня в очередной раз. Я полностью разобрал бульдозер HD16, который был того же типа, что и бульдозер D8. Все не могли на это смотреть спокойно, потому что я разобрал не просто свободное оборудование, а машину, которую нужно было просто починить и немедленно отправить на объект.

Я прочитал техническое руководство, изучил наименование и характеристики всех деталей. А потом опять собрал аппарат. Так я понял всю структуру, функции, детали

бульдозера, самой главной машины на стройке, и обрел уверенность, что разберусь и в другой технике.

На следующий день Чонг опять метал молнии.

— Закончим работу на несколько часов позже.

— Почему так опаздываете?

— Мы полностью разобрали машину, потом собрали, поэтому ремонт начали только сегодня утром.

— Что? Даже то, что нормально работало, разобрали? Кто в конце концов отвечает за это? И как это допустили?

— Это сделал я.

У директора не было слов, а может, он о чем-то догадался, но больше вопросов он не задавал, просто сказал «отправь, как можно быстрее». На этом наш телефонный разговор закончился.

Причиной, почему я разобрал бульдозер, было то, что я не мог больше слушать обвинения директора в моей некомпетентности. Только узнав все об оборудовании, можно было покорить инженерию. Но более глубокая причина заключалась в том, что я не мог терпеть ситуации, когда я тянулся за работой, когда работа давила на меня, держала в кандалах. Я разобрал бульдозер, чтобы держать работу в своих руках.

И только после того, как бульдозер «был в моих руках», я мог сам управлять им.

Возле завода Собинго находился самый большой строительный завод по производству скелетного материала (бетона). Естественно, что у этого строительного завода был заключен контракт с самым крупным потребителем в стране. Это были две компании, связанные одной сферой деятельности.

Но возникали производственные конфликты из-за пыли на этом заводе. Потому что пыль это главный враг техники. Поэтому управлению Собинго приходилось с этим бороться. На строительном заводе об этом не могли не знать. Они обещали сделать установку по ограничению выхлопа пыли, но не выполнили свое обещание.

Я позвонил ответственному от строительного завода. Наступил последний срок, когда они должны были поставить установку. Но до вечера того дня от них не было никаких известий. В то же время, там шла какая-то ночная работа. Я позвонил им и твердо сказал.

— Вы же пообещали, что если не сделаете установку, то прекратите работу завода, а сами наоборот, работаете 24 часа в сутки. В чем причина того, что вы не даете нам собирать технику даже ночью?

На заводе тоже были жестко настроены.

— Аппарат президента попросил нас поставить товарную бетонную смесь, поэтому мы вынуждены не прекращать работу завода 24 часа в сутки.

— Это проблема вашего завода и аппарата президента, но вы должны соблюдать обещанное нам.

— Если дали поручение от президента, то мы должны выполнять в первую очередь его. А "Хендэ" подождет.

Я сделал последнее предупреждение.

— Если вы ничего не сделаете в течение двух часов, то я приму крайние меры.

— Повторяем, это указание кабинета президента... Делайте, что хотите.

Спустя 2 часа, в 8 вечера, не произошло никаких изменений. Тогда я пошел на строительный завод.

— Я буду ждать до 12 ночи. Если вы не сдержите обещание, я остановлю работу вашего завода.

Но до следующего утра из строительного завода так и не позвонили. Тогда я сел на бульдозер и поехал к строительному заводу. Я выкопал глубокую яму на дороге к строительному заводу, по которой двигались грузовики. В результате завод не мог продолжать работу, его руководители позвонили в кабинет президента и доложили о ситуации, параллельно искали директора нашего управления. С требованиями восстановить дорогу. И тут ко мне позвонили из аппарата президента.

— Восстановление дороги зависит от действий строительного завода, так что обращайтесь к ним. Строительный завод не выполнил данное нам обещание, поэтому я перекрыл дорогу. И это не имеет отношения к кабинету президента. Я не знаю, насколько для вас жизненно важен скелетный материал, но если наша техника не будет исправно работать, то это приведет к большим задержкам строительства магистрали.

Из кабинета президента меня не могли запугивать и просто повесили трубку. Но вскоре прибыла полиция, мне начали угрожать, но я не сдавался. Так прошел целый день. А вечером пришли из строительного завода и стали умолять меня на коленях.

— Мы сделаем сначала несколько временных установок против пыли, а после все, как положено.

Тогда я восстановил подъезд к строительному заводу, но тут мне позвонили из головного офиса "Хендэ".

— Как ты мог без указаний головного офиса пойти на такое?

— Причина проста. Работа под моей ответственностью должна разрешаться на месте, так более быстро и оперативно. Если бы об этом узнали в головном офисе, то что бы вы сказали аппарату президента?

Мне не сказали больше ни слова. Таким образом, все быстро разрешилось, только потому, что ответственный из кабинета президента позвонил не в головной офис "Хендэ", а в управление тяжелой техники. Говорят, что после разрешения этого конфликта из кабинета президента позвонили в головной офис "Хендэ".

— Кто у вас работает начальником отдела в управлении тяжелого оборудования? Как вы себе позволяете такое?

Со стороны "Хендэ" шли только отговорки.

— Это молодой начальник отдела, который требует делать все по правилам. Он поступил так, потому что еще неопытный. Вы его поймите и простите, пожалуйста.

Просьба супруги директора

Понятно, что у директора Чонга было много подчиненных, но с какого-то времени он стал чаще упоминать имя Ли Мен Бака. Это вошло в привычку, если что-то случалось в головном офисе или на объекте, то в первую очередь Чонг искал меня со словами: «позвоните Ли Мён Баку».

Иногда директор собирался позвонить управляющему на строительном объекте или другим сотрудникам, но по привычке набирал мой номер телефона. Я брал трубку, а директор говорил непонятно что.

— Господин директор, это Ли Мён Бак на связи.

— Что? Кто?

— Это начальник отдела управления тяжелой техникой.

— Ты что там делаешь?

— Это управление тяжелой техникой. Вы, наверное, ошиблись номером.

— А, да? Ну понятно.

Через некоторое время звонок повторялся. Директор звонил мне и днем и ночью, так часто, что в конце концов обо мне узнала супруга директора Бен Джун Сок.

Однажды она приехала на наш завод.

— Вы начальник отдела Ли? Я слышала, что вы очень хороший работник.

Супруга директора не заходила вовнутрь, она ждала, остановив машину во дворе, и стыдливо протянула мне желтый конверт.

— Это что?

— Резюме. Господин Ли, я к вам с просьбой приехала. Я знаю, как это сложно, но я не смогла отказать, потому что это просьба за сына старых знакомых с родной деревни. Это очень важно, поэтому, пожалуйста, поймите меня.

— А директор разрешил?

— Если бы директор разрешил, зачем бы тогда я приезжала сюда. Вы и сами знаете, что ему о таком говорить нет смысла.

— Я здесь не занимаюсь личными делами, а только работой компании, поэтому ничего не могу сделать без разрешения директора. Вы скажите об этом директору, если хотите, я сам скажу.

— Нет, так нельзя. Муж не должен об этом знать.

— Тогда, ничего не выйдет.

— Ну если нет, так нет.
Супруга директора уехала.

В то время было настолько сложно устроиться на работу, что супругу директора заваливали просьбами о трудоустройстве. Наверняка, были и есть случаи, в которых сложно отказать. И супруга пришла с искренней просьбой устроить своего знакомого инженером в управление тяжелой техники, с надеждой, что ей-то не откажут.

Но я мыслил трезво. Я никогда не отходил от правила, что мы выбираем человека только в том случае, когда это необходимо компании. Это касалось не только супруги директора, но и всех знакомых с нашей провинции или родственников.

Из-за твердости моих принципов и поведения, люди говорили, что начальник отдела управления тяжелой техники дерзкий и жесткий, и что в нем нет ничего человеческого.

Эти слухи, как дым, распространились далеко за пределы компании "Хендэ", дошли до моего брата, который работал в компании Колон. Однажды вечером он позвал меня к себе.

— Хорошо работать, строго соблюдая правила и принципы. Когда ты молодой сотрудник, надо работать именно так, но когда переходишь на более высокую должность, надо идти на разумные компромиссы. Если на своей должности ты будешь продолжать работать также строго и жестко, ты не сможешь дойти до места управляющего в компании. Пойми, ты с детства намучился больше, чем кто-либо из нас, я хочу, чтобы ты жил хорошо...

В словах брата чувствовалось, как он за меня переживает. Но я ответил так.

— Я сейчас работаю так, как будто я простой сотрудник, соблюдающий все правила и принципы. Если сотрудники будут превышать свои полномочия, то это приведет к нестабильности всей компании. Если мне удастся стать управляющим компанией, тогда я постараюсь проявить гибкость в работе. Но я никогда об этом специально не думал.

Мечта любого сотрудника — стать управляющим компанией. Но у меня не было такой цели. Я просто старался прилагать все усилия в работе каждый день и каждый час.

Как же такая крупная компания, как наша, может заниматься продажей домов?

У меня был очень быстрый профессиональный рост. Мой ранг повышался каждый раз при общем кадровом повышении, но иногда я сам не знал об этом. Так, примерно за год, из начальника отдела я стал заместителем начальника управления, а потом начальником управления. О своем повышении я узнал только один раз, перед тем, как меня назначили директором компании. Директор Чонг никогда не советовался со мной, обычно он поручал мне новые обязанности, повышая в должности.

Была всего одна причина, почему молодого и неопытного сотрудника повышали в должности, минуя традиционные процедуры и правила. Потому что думали, что если поручить эту работу Ли Мён Баку, он обязательно с ней справится. Но нельзя было поручить ему эту работу, пока он находился в должности начальника отдела. Поэтому нужно было повышать его до заместителя начальника управления. Также было при повышении на должность начальника управления, и ранг заместителя директора был мне дан по той же причине.

Кажется, уже, когда директор назначил меня на работу в управление тяжелой техники, он планировал сделать меня там главным ответственным лицом. Это было такое же решение, как и тогда, когда директор поручил мне, молодому сотруднику, полностью отвечать за работу на строительном объекте в Таиланде. Поэтому он при каждой возможности повышал меня в должности, а если не было таковой, он создавал ее сам.

Так всего за 5 лет я стал заместителем директора. Наверное, это беспрецедентный случай, когда простой сотрудник, не сын хозяина компании и не его родственник, так быстро поднимался по служебной лестнице.

Это случилось, когда я был в должности заместителя начальника управления на заводе тяжелой техники.

Обстановка в районе Собинго была ужасной из-за пыли, шедшей от завода тяжелой техники строительной компании "Хендэ" и строительного завода по производству бетона. Тем более, что Собинго была зеленой территорией, которую со временем можно было превратить в комфортную жилую зону у реки Хан.

В тот момент бизнес жилищного строительства уже начинали малые и средние строительные предприятия, но не такая крупная строительная компания, как "Хендэ". Недалеко от нашего завода уже создавался жилой квартал, были построены квартирные дома для госслужащих и жилые дома у реки Хан. Там же, перед началом массового строительства частных квартирных домов, компания Ханянг устроила демонстрацию моделей своих квартир.

Я посмотрел эти модели. Женщины проявляли к ним большой интерес. Я был взволнован и обеспокоен тем, что образцы жилья будущего в Сеуле показывались и воплощались именно здесь. На этом фоне требования обладателей новых квартир

перенести наш и строительный заводы, производивших столько шума и пыли, становились все громче и громче. Конечно, можно было как-то противостоять вмешательству властей, но ничего нельзя было сделать с вполне обоснованными жалобами граждан.

Тогда я подумал, чтобы совсем не уходить с этой территории, можно было заняться строительством квартир. При встрече с директором Чонгом я сделал такое предложение.

— Думаю, что квартирный бизнес выгоден в перспективе. Может, стоит компании "Хендэ" расширить свою сферу деятельности?

На лице Чонга было изумление, мол, что за глупости я болтаю.

— Что? Нам квартиры строить? Да какие там, к черту, квартиры!

— Территория вокруг завода превращается в жилой район. Из-за протестов жителей все равно будет невозможна дальнейшая работа завода. Перенесем завод в район Кванак...

— Но все равно, квартиры строить... Над нами смеяться будут, если мы начнем это делать.

Имелось в виду, что если это строительная компания "Хендэ", то она должна строить только стратегические объекты, которые останутся в истории, такие, как магистраль Сеул — Пусан, или завод удобрений, или плотина "Три ущелья", а если здания, то крупные, глобальные, а не какие-то бетонные квартирные дома, иными словами, спичечные коробки. Опускаться до этого Чонгу не позволяла гордость.

— А что, если из 132 тыс. кв. м территории на половине оставить завод, а на другой части построить квартиры, тогда будет меньше протестов жителей, и мы сможем узнать ситуацию по новому проекту, то есть, одним выстрелом убьем двух зайцев.

— Но это же строительная компания "Хендэ"...

— Если вы беспокоитесь за имидж компании "Хендэ", то можно создать другую компанию для строительства жилых многоквартирных домов.

Так была создана акционерная компания "Корейское городское развитие". В дальнейшем оборот этой компании составил более 1 трлн. 500 млрд., и она стала одной из самых высокодоходных в корпорации.

Прошло 6 месяцев, после моего назначения на должность начальника управления. Тогда мне было 28 лет, пошел пятый год с тех пор, как я поступил на работу в компанию "Хендэ". Однажды из отдела управления головного офиса на завод отправили автомобиль "Кортина". Это был автомобиль, произведенный компанией "Хендэ".

— Для кого вы машину отправили?

— Вы не знали, что вас назначили заместителем директора?

— Кого назначили?

— Вас, кого же еще. Вы, в самом деле, не знали?

— А когда приказ о назначении был?

— Три дня назад.

Я чувствовал, что скоро мне придется покинуть завод. Директор Чонг давал мне работу начальника управления, когда я был простым сотрудником, а когда я был на должности начальника управления, поручал мне обязанности заместителя директора или исполнительного директора. А сейчас он сделал меня заместителем директора, и конечно, поставит новую задачу, уже как для исполнительного директора или

менеджера более высокой позиции. Но главный ответственный на заводе не соответствовал рангу заместителя директора. Что означало очередную смену должности. Должность заместителя директора и присланный мне автомобиль "Кортина" говорили именно об этом.

Таким образом, управление тяжелой техники, после направления в которое мне так сочувствовали, стало для меня не могилой, а отправным пунктом к успеху.

Тридцатипятилетний директор

«А может, этот Ли Мен Бак родственник президента корпорации Чонга?»

«Нет, говорят, что его сам президент Пак Чон Хи поддерживает».

Слыша такие слухи, президент Чонг смеялся.

«Я разве тебя когда-нибудь повышал в должности? Это ты сам вырос».

Плачь, сколько хочешь

Начало 1970-х годов, структура корпорации "Хендэ" разрасталась как снежный ком. Внешняя обстановка для деятельности компаний стремительно изменялась. Это был этап, когда были необходимы кардинальные перемены. Ибо прежней структурой и системой контроля корпорации, включавшей в себя "Хендэ Моторз", судостроительную верфь в Ульсане, цементный завод в Тяньанге и другие отделения, — уже невозможно было управлять.

Преобразование компании начинается и заканчивается решением кадрового вопроса. В особенности, если происходит преобразование средней компании в крупную. В 70-е годы корпорация "Хендэ", как и другие, быстро растущие корейские корпорации, освобождала от обязанностей ветеранов, а на управленческие должности выдвигала амбициозных молодых сотрудников. Понятно, что любые преобразования для людей осуществлялись болезненно. Превращение строительной компании в корпорацию отражалась и на моей карьере: я вырос до должности заместителя директора, затем коммерческого, после исполнительного директора, а затем до первого заместителя директора.

В 1972 году я стал коммерческим директором, отвечающим за управление корпорацией. Это назначение я получил спустя 2 года после перехода на должность заместителя директора и перевода на работу в головной офис. Передо мной была поставлена задача продвигать новые проекты для укрепления компании и изменения ее управленческой структуры для стабильного роста в будущем.

В новой должности я прежде всего сосредоточился на рационализации управления. Я поставил перед собой две основные задачи: улучшить управление не только для масштабного роста компании, но и повысить рентабельность, а также изменить структуру для повышения эффективности работы. За этим следовало введение новой системы управления бюджетом, отбор способных кадров, создание положения по контролю за тяжелой техникой и другие планы реформирования структуры.

Я стал уверенно продвигать политику рационализации управления, что вызывало в коллективе раздражение. Не только отделы по контролю за бюджетом, но и сотрудники на объектах были этим недовольны.

— Этого коммерческого директора Ли, такого молодого, на высокую должность назначили, так он теперь ничего и никого окрест не видит кроме самого себя.

— Может, он думает, что деньги компании — его личные?

Первое высказывание не соответствовало действительности, но второе было правдой. Я всегда думал, что деньги компании это именно мои деньги, а не просто деньги предприятия или Чонг Джу Енга. Потому что я всегда считал себя хозяином своей работы и компании.

В январе 1974 года при общем кадровом повышении меня назначили исполнительным директором, а на следующий год — первым заместителем директора. Это произошло ровно через десять лет после того, как я при поступлении на работу в 1965 году сказал, что «строительство есть созидание». Мой стремительный профессиональный рост был исключением из правил в обществе, где на управляющих должностях были всегда старшие по возрасту и опыту. И вполне естественно, что это вызывало у людей подозрения.

— А, может быть, этот Ли Мен Бак родственник президента корпорации Чонга? А если не родственник, то, значит, что-то важное знает о нем.

— Нет, говорят, что Ли Мён Бака сам президент Пак Чон Хи поддерживает.

Такие слухи ходили не только в компании. Мой карьерный рост часто освещался в средствах массовой информации, а история взлета простого работника компании стала самой обсуждаемой и среди населения. О таких слухах президент Чонг с улыбкой говорил: «Я разве тебя когда-нибудь повышал в должности? Это ты сам вырос. А люди не знают этого и болтают всякие глупости».

На вопрос, как можно так быстро подняться по профессиональной лестнице, в интервью одной из газет я ответил.

— Я могу выразить лишь уважение президенту Чонгу за его смелость и мудрость при подборе способных кадров, когда он надеялся только на их талант, прекрасно зная о возможных рисках.

Радость по поводу повышения в должности приходит, когда тебя назначают в первый или второй раз, а если повышают ежегодно, да еще без твоего ведома, то никаких чувств очередное назначение уже не вызывает. Но когда меня назначили первым заместителем директора в январе 1974 года, я не мог сдержать своих эмоций. В тот день, когда вышел приказ о моем новом назначении, я купил выпивку и пошел к старому другу. Я пошел к своему земляку Чанг Дэ, к которому я часто ходил, когда он снимал комнату в Сеуле после окончания старшей школы, когда не было видно никакого просвета в будущем, и когда я бесцельно бродил по улицам, решая, что нужно попытаться получить хотя бы незаконченное высшее образование. Как же давно я не видел друга! Чанг Дэ закончил технический факультет университета Ханяннг и работал.

— Я в газете читал. Ты заместителем директора стал?

— Да, сегодня приказ вышел.

— Поздравляю, надо выпить в честь этого.

Мы пили всю ночь. Спиртное освобождало душу, которая была словно крепко сжата в кулак в течение всего этого времени. В конце концов, я заплакал. Я в первый раз плакал во взрослом возрасте перед другим человеком. Я вспомнил детство в Поханге и мать, которой уже не было. Мама! Я вспомнил о матери, и не мог сдержать слез.

— Мен Бак, плачь, сколько хочешь. Своими силами, такой молодой, ты стал первым заместителем директора. Сколько же тебе пришлось претерпеть? Я знаю, ты очень добрый. И ты, в такой конкуренции, когда выживает сильнейший, сделал то, что

другим не по силам. Плачь сегодня, сколько хочешь. Высвободи все, что у тебя на душе. Плачь, Мен Бак, плачь.

В ту ночь в начале января 1974 года я долго плакал.

Ты будешь директором

Выход корейской строительной индустрии на Ближний Восток начался в 1974 году. После строительства магистрали в Таиланде компанией "Хендэ" строительная индустрия продвинулась вперед, а после участия Кореи во Вьетнамской войне специалисты обратили свои взгляды на новые проекты за рубежом. В начале 1970-х, когда война во Вьетнаме подходила к концу, строительные компании выбрали Ближний Восток, который впоследствии стал источником нефтяного кризиса в 1973 году.

Говоря о нефтяном кризисе, нынешнему поколению будет сложно представить ситуацию того периода. Политика «ресурсного национализма», когда богатые государства манипулировали ценами на сырье, привела к тому, что цена за галлон нефти, которая была 20 центов, выросла до 28 долларов. Это был скачок в более чем 23 раза. И естественно, что для нашей страны, где нет ни капли нефти, это было большим ударом. Золотовалютные резервы были на минимуме, государство было на грани банкротства.

Строительная компания "Хендэ" и другие, вышедшие на рынок Ближнего Востока, в тот период кризиса буквально спасли экономику Кореи заработанными нефтяными долларами. Технические работники и инженеры, работавшие днем и ночью, при 40 градусной жаре в пустыне, стали настоящими патриотами в период индустриализации. И об этом никогда нельзя забывать.

Но не все корейские компании с самого начала делали ставку на ближневосточный рынок. Большинство из них было против этого освоения, даже в активно развивающихся компаниях разгорались споры по поводу Ближнего Востока.

То же было и в "Хендэ". Президент Чонг Джу Енг и я активно искали выход на рынок Ближнего Востока. При первом заказе на строительство в 8 млн. долл. подготовительного центра для судоверфи Бандар-Аббаса в Иране протестов по большому счету среди руководства не было. Но когда на следующий 1975 год, был объявлен тендер на сумму 150 млн. долл. по арабской судоверфи в Басре, споры насчет участия компании в этом проекте дошли до конфликтной ситуации.

Против выступал директор по зарубежным проектам Чонг Ин Енг (младший брат Чонг Джу Енга). Он говорил, что это слишком масштабный проект для компании. Действительно, было немало факторов, говоривших о том, что строительство может закончиться провалом. Тем более, что некоторые строительные компании заканчивали строительство на Ближнем Востоке с убытками из-за нехватки опыта и знаний. С приближением срока тендера споры по этому вопросу еще более обострились. В конце концов, разыгралась настоящая буря. После составления предварительных расчетов, когда президент компании Чонг торопил с подачей тендерных документов, директор Чонг Ин Енг всячески препятствовал этому.

В результате, "Хендэ" выиграла тендер среди лучших строительных компаний мира, и ей предстояло строить арабскую судоверфь в Басре. В октябре 1975 года строительство началось, работа осуществлялась быстрее, чем было запланировано, и в октябре 1977 года проект был завершен. Оценка конструкторских работ была такова: «очень хорошо».

Период строительства Арабской судовой верфи в Басре совпал со строительным бумом на Ближнем Востоке. В то время сумма заказов на строительные работы для корейских компаний составляла более 10 млрд. долларов в год.

Самым символом этого периода расцвета является проект промышленного порта Аль-Джубайль. Строительство этого порта является важнейшим событием в истории не только компании "Хендэ", но и всей экономики Кореи. Железная конструкция части порта была сделана блоком на судовой верфи в Ульсане (в дальнейшем переименована в "Хендэ Хэви Индастриз"), ее погрузили на баржу и привезли на Аравийский полуостров. Такое неожиданное конструкторское решение поразило строительную индустрию всего мира.

Проект компании "Хендэ" на Ближнем Востоке был осуществлен успешно, что позволило компании обрести уверенность и гордиться сделанной работой. Пока в дело не вмешалась «политика», у "Хендэ" не было никаких препятствий. Но после ухода с должности директора Чонг Ин Енга в управленческих кругах произошли большие перемены.

Конфликт братьев из-за строительства Арабской судовой верфи закончился их разделением. Директор Чонг Ин Енг ушел в компанию "Хендэ Янгхенг". Последствия его ухода ощущались какое-то время. Много сотрудников перешло в "Хендэ Янгхенг" вслед за Чонг Ин Енгом. Тут появились слухи, что из компании собирается уволиться и директор по проектам в Корею Чо Сонг Гын.

Однажды президент корпорации Чонг вызвал меня к себе в офис на Квангхвамуне. Это было вечером, когда уже закончился рабочий день. Лицо Чонга было напряжено, казалось, он принял важное решение.

— Надо бы сменить управленцев в компании, ты как думаешь? Эта смена кадров была неизбежна. Я ждал, когда он расскажет о своем плане.

— Я думаю назначить Чон Габ Бона и Ким Джу Сина коммерческими директорами, при этом Ким Джу Сина – начальником по объектам. А ты как думаешь?

Это было не совещанием, а скорей уведомлением.

— А еще, ты не слышал ничего о директоре Чо?

Я сделал вид, что ничего не слышал. Потому что не было от него никакого официального сообщения.

— Ли...

— Я слушаю.

— Нет, ничего. Можешь идти.

Чонг хотел что-то сказать, но не сделал этого. То, что он хотел сказать мне в тот день, выяснилось потом, перед ежегодным собранием директоров в начале 1977-го года. В тот день Чонг вызвал меня к себе в кабинет. Он долго смотрел на меня в упор, а потом сказал.

— Директор Чонг и Чо ушли из компании, кто же теперь директором будет?

Он начал издали. Когда Чонг собирался говорить о чем-то важном, он по привычке начинал с другого.

— Ты будешь директором. Я не мог не удивиться.

— Господин президент, у меня пока недостаточно опыта, чтобы работать директором.

— Некому больше. Квон Ги Тэ (заместитель директора по зарубежным проектам) — инженер и не очень хорош в управлении, младший брат Се Енг с автомобилями работает, а другой брат Сун Енг по цементу...

— Но мне еще рано. Ведь много есть сотрудников, которые работают дольше, чем я.

— Тогда предложи мне альтернативу. Что ж ты, такой молодой, а не амбициозный?

Чонг стоял на своем. Кажется, он уже принял решение. И это решение он принял не за один день. Сложно было изменить его мнение. Я искренне отказывался. Потому что не все получается на способностях и доверии. Я был слишком молод для должности директора строительной компании "Хендэ" — самой крупной компании с международным именем в Корее.

— Что такое строительная компания? Строительная компания — это комплексный бизнес. Тот, кто преуспеет в строительстве, добьется успеха во всем. Но управление людьми — это жизнь. До сих пор я об этом не задумывался. Я думал, что достаточно провести строительные работы и получить выгоду, но это оказалось не так. В последнее время я все больше понимал, насколько важно правильное управление людьми.

Сложности с рабочими на "Хендэ Хэви Индастриз" и выступления на объекте Ближнего Востока заставили задуматься Чонга о важности управления людьми.

— Ли, я думаю, ты хорошо работаешь с людьми. Ради меня, нет, ради строительной компании "Хендэ", стань директором.

Такое было впервые, когда со мной советовались по поводу моего повышения в должности. Это была работа совсем другого уровня по сравнению с той, которую я выполнял до сих пор. И это был важный выбор, от которого зависело не только будущее строительной компании "Хендэ", но и всей корпорации. Чонг сильно переживал по этому поводу.

Через несколько дней на совете директоров я был назначен директором, ответственным по работам в Корее. Но я не мог выйти на работу. Я был так смущен, что не мог поднять головы. Сколько было разговоров, когда меня назначали заместителем директора, что же будет на этот раз?

— Тридцатипятилетний стал директором, как же нам, старикам, на должностях начальников отделов теперь работать?

— Наша компания существует, чтобы Ли Мён Бак преуспевал, что ли?

— Что-то Ли Мён Бак очень важное о директоре знает.

— Говорят, что его сам президент Пак Чон Хи поддерживает.

Такие разговоры ходили не только в компании, но и в бизнес-сообществе, и даже среди простых людей.

В самом деле, это была очень сложная ситуация, потому что надо было работать со старшими сотрудниками и сослуживцами. Я никак не мог решиться выйти на работу и сидел дома, телефонные звонки с поздравлениями не прекращались. Журналисты из газет, телерадиокомпаний, журналов просили дать интервью. Некоторые приходили домой. Мир не давал мне возможности спокойно обдумать ситуацию, в которой я оказался.

Тогда я с женой поехал в родные места в Поханг. Я не смог поехать туда даже на вручение дипломов в старшей школе, а вернулся в эти места моей детской нищеты лишь спустя 15 лет. Глядя на горизонт голубого моря в бухте Енгиль, я решил не убегать от судьбы. И я дал себе обещание не становиться директором, от которого не будет зависеть ничего. Но тогда я не мог и представить себе, какие сложности мне предстояло преодолеть, и как мне будет нелегко.

Конкуренция

— Кажется, что президент Чонг сделал слишком поспешное решение. Посадить на пост директора строительной компании "Хендэ", являющейся одной из самых крупных компаний страны, человека, которому нет и сорока. Компания выросла, поэтому он и не боится ничего. Пройдет год, и это назначение приведет к катастрофе.

Отрицательные высказывания о моем назначении раздавались из уст самых разных людей. В деловых кругах выражали беспокойство по поводу моего стремительного профессионального роста.

Но именно в тот год корпорация "Хендэ" оказалась на самой вершине профессионального признания. К тому моменту корпорация "Самсунг" твердо занимала первое место в деловом сообществе Кореи. Нельзя было и представить, что какая-то другая компания сможет обогнать "Самсунг". Но ситуация на Ближнем Востоке изменила расклад сил. "Хендэ" воспользовалась благоприятной ситуацией в сфере строительства на Ближнем Востоке, а "Самсунг" не смогла сделать этого. То, что "Хендэ" превзошла "Самсунг", было не просто изменением рейтинга компаний. Из-за продолжительного нефтяного кризиса после 1973 года золотовалютные резервы уменьшились до 30 млн. долларов, страна была на грани банкротства, с таким кризисом стране помогла справиться именно строительная индустрия, компании которой смело выходили на зарубежные рынки. И "Хендэ" в этом освоении была впереди всех.

Когда компания "Хендэ" обогнала "Самсунг" не только по внешним показателям, но и по уровню вклада в экономику страны, конкуренция между ними еще более обострилась.

В конце того года меня пригласили выступить на семинаре, организованном государственной комиссией по управлению кадрами. Я с радостью согласился. В академическом центре в Сую собрались руководители и ответственные за кадровые вопросы из различных предприятий. Участники проявляли непритворный интерес и любопытство к молодому директору, которого назначили руководить строительной компанией "Хендэ".

«Как вы все знаете, я молод, мне нет и сорока. Я постоянно учусь, потому что мне не хватает опыта. И многие представители деловых кругов переживали, что корпорация "Хендэ" будет испытывать сложности после моего назначения на пост директора.»

Приводя примеры об уровне вклада компании в развитие экономики государства и о скорости ее роста, я добавил, что компания, которая легко могла разориться, в конце концов, заняла ведущую позицию.

«Решение президента Чонг Джу Енга о моем назначении было сделано не из симпатии ко мне и не было случайно. Я думаю, что это было решение, соответствующее настоящему моменту времени. Наша экономика прошла этапы получения международной помощи, и сейчас настал тот момент, когда в эпоху стремительного экономического развития и глобализации мы должны сделать необходимые структурные изменения. А изменения в структуре начинаются с назначения профессиональных управленцев. Сейчас владельцы компаний освобождаются от необходимости решать и делать все в одиночку, настала эра, когда развитие предприятия осуществляет высокопрофессиональная команда. Я думаю, что именно в этом заключается причина моего назначения президентом Чонгом. И я уверен, что я смогу сделать необоснованными всякие беспокойства по поводу будущего нашей компании».

Последовали громкие аплодисменты. Руководители и высокопоставленные лица разных компаний, жаждавшие перемен, были полностью с этим согласны.

Конкуренция с корпорацией "Самсунг" привела к столкновению газеты "Чунганг Ильбо" с "Хендэ". В мае 1979 года на первой полосе "Чунганг Ильбо" была помещена

статья «Недобросовестное строительство компании "Хендэ" подземного перехода аэропорта Кимпо». Также в газете была помещена статья «Недобросовестное строительство "Хендэ Хэви Индастриз"» танкера для хранения нефти в комплексе Онсан», от чего создавалось впечатление, что работа корпорация "Хендэ" это сплошная халтура.

Мы заявили официальный протест, но дело пока никак не разрешалось. "Хендэ" попыталась опровергнуть клевету через объявление в газете. Мы подали заявку на статью в 5 столбцов во все печатные издания, в которой высказывалась резкая критика в адрес президента "Чунганг Ильбо" Хонг Джин Ги.

Тогда в "Самсунге" начали открытую войну против нас. На утреннем совещании сотрудникам всех подразделений корпорации раздавали листки с агитационной статьей под заголовком «Причина борьбы с "Хендэ"». Но у нас за этот вопрос отвечали только президент корпорации Чонг, я, начальник планирования и управления корпорацией, исполнительный директор Сонг Ун Дже, а остальные руководители не были уполномочены участвовать в этом.

Мы зарегистрировали объявление в газетах и для разрешения ситуации поставили условие: личное извинение президента корпорации "Самсунг" Ли Бенг Чоля. Но президент Ли не был тем человеком, который легко сдавался. Тем более, что это было делом его чести.

Эта яростная борьба дошла до комиссии госбезопасности и чрезвычайных ситуаций. Тогда меня вызвал начальник управления, главнокомандующий по вопросам национальной безопасности, на разговор. К 10 утра мы пришли вдвоем с исполнительным директором Сонгом. Главнокомандующий Квон сказал.

— Пора примириться двум враждующим сторонам. "Самсунг" тоже больше не будет нападать на "Хендэ".

— А почему в вашей комиссии говорят, что "Самсунг" не будет на нас нападать? Мы хотим, чтобы об этом сказал сам президент Ли Бенг Чоль.

— Важно, чтобы ответственность за свои слова и поступки лежала на каждой из сторон. Почему об этом обязательно должен говорить президент Ли Бенг Чоль?

— Потому что, сколько бы другие ни говорили, что больше не будут нападать, если этот человек захочет, он все равно сделает по-своему. Потому что в "Самсунг" нет никого, кроме президента Ли, кто бы мог нести ответственность за свои слова и поступки.

Главнокомандующий Квон разозлился и повысил голос.

— Может, хватит об этом! Какая вам выгода от этой шумной свары?

— Для будущего экономики и информационного рынка Кореи нужно выяснить, кто прав, а кто виноват в этом деле, и чтобы было наконец сделано обещание. Если корпорация будет использовать СМИ в качестве оружия, чтобы растоптать конкурента, то ущерб от таких действий может быть огромный. Разве возможно допустить, чтобы небольшая проблема при строительстве стала главной новостью на первой полосе газеты? Этот вопрос нужно разрешить, хотя бы для будущего информационных изданий страны.

Я протестовал перед таким авторитетным начальником управления, главнокомандующим по вопросам национальной безопасности, и тут исполнительный директор Сонг, чтобы остановить меня, наступил мне на ногу. Он так надавил, что мне стало больно. Я разозлился на Сонга.

— Сонг, чего ты на ноги наступаешь? Я говорю все, как есть. Я еще раз хочу сказать, что если господин Ли не извинится перед президентом нашей компании, то наше объявление выйдет в свет.

— Но президента Ли Бенг Чоля сейчас нет в Корее. Как он может извиниться?

— Что вы такое говорите? Всем известно, что он в Корее.

— Он улетел в Японию в 12 часов.

Я посмотрел на часы, до 12 оставалось еще немного.

— Еще 12 нет, зачем же вы говорите, что он улетел в Японию?

— В общем, он летит в Японию. И закончим на этом, сделаете так, чтобы больше этого противостояния не было. Хорошо обдумайте свои действия и наконец придите к компромиссу.

— Но это их проблемы!

Когда я вернулся в офис, позвонил заместитель президента корпорации "Самсунг" Ли Гон Хи.

— К вам придет Ким Док По с телерадиокомпании "Донгянг", я буду очень благодарен, если вы с ним поговорите.

— Я не знаю, кто такой Ким Док По, в любом случае, это не тот человек, с которым следует обсуждать этот вопрос.

— Ким Док По — это представитель нашей компании. Он занимает соответствующее положение и несет ответственность за дела компании.

Мы больше не могли настаивать на личных извинениях президента Ли Бенг Чоля. Ведь мы не могли требовать, чтобы человек вернулся из Японии. Приняв предложение "Самсунг", на следующий день в 5 утра, в режиме строгой секретности, в гостинице Чосон встретились президент "Чунганг Ильбо" Хонг Джин Ги, директор вещания "Донгянг" Ким Док По со стороны "Самсунг", а с нашей — президент Чонг Джу Енг и я.

— Строительство это такое дело, что после замазки бетоном всегда возможно появление трещин. А если появляются трещины, то есть способы их исправить. Если посмотреть на любой строительный объект, без этого не обходится нигде. Если о таких подробностях каждый раз писать в газете, то не хватит места, даже если создать отдельную газету для описания подобных строительных дефектов. Если говорить о проблеме в Онсане...

Сразу, с начала встречи, президент Чонг с присущей ему нетерпеливостью начал говорить о том, что журналисты не имеют никакого представления, что такое строительство, как же они могут тогда писать о халтуре и прочем, но тут его прервал президент Хонг Джин Ги.

— Президент Чонг, я не понимаю ничего в технических вопросах, даже выслушав ваше пояснение, и мы ведь не для этого собрались.

Обстановка стала напряженной. Тут вмешался я.

— Я в сопровождении президента Чонга, поэтому знаю, что у меня нет права высказываться. Но если президент Чонг и президент Хонг не против, разрешите мне сказать. Чонг молчал. Это означало разрешение.

— Многие критикуют, что корпорация владеет СМИ, но я, наоборот, думаю, что это неплохо. Потому что я надеюсь, что если "Самсунг" является владельцем СМИ, то это будет печатный орган, который хорошо понимает другую компанию. Но СМИ "Самсунг" оказывает более отрицательное влияние на имидж компаний, чем другие. Потому что газета давно перестала быть средством массовой информации, а превратилась в инструмент манипуляций для "Самсунг". Как уже сказал президент Чонг, специалист может обосновать строительные проблемы, о которых говорилось в вашей статье. Интересно, как же читатели оценят ту газету, которая, зная об этом, тем

не менее поместила эту статью на первую полосу. Если вы, президент Хонг, хотите восстановить справедливость в передаче этой информации, то вы должны извиниться.

Президент Хонг выслушал мои слова, тут же выпрямился и сделал кивок в знак вежливости.

— О директоре Ли я только слышал, а сегодня вижу в первый раз. То, что вы говорите, правильно и обоснованно. Мне, как представителю СМИ, есть много, чему у вас поучиться.

Я ответил, что президент Чонг начал с объяснения вопроса с технической стороны, а я лишь сделал замечание о правилах поведения СМИ. Потому что похвала в мой адрес могла принизить президента Чонга.

Президент Хонг Джин Ги сказал, что в этом деле была его ошибка, и еще раз сделал кивок.

Тут начал говорить директор Ким Док По, который молчал до сих пор.

— Сейчас страна в сложном положении. Две компании должны помогать друг другу, чтобы подняться и за пределами страны. И правительство и народ отрицательно воспринимают борьбу двух компаний. Было бы хорошо, если бы они пошли друг другу на уступки, и конфликт тихо разрешился.

Так произошло примирение.

После этого случая две крупнейшие в стране корпорации прекратили конфликт. А президент Чонг и Ли в качестве лидеров деловых кругов, которые идут одной дорогой, время от времени встречались и беседовали.

Однако здоровая конкуренция между компаниями продолжалась. Все сотрудники компаний проявляли большой интерес к показателям конкурента по окончании года: товарооборот, имущество, чистая прибыль.

В дальнейшем "Хендэ" вышла на рынок электронной техники и полупроводников, а "Самсунг" взялась за строительство и судостроение. А недавно компания "Самсунг" начала осваивать и автомобильный бизнес, поэтому, очевидно, что конкуренция будет продолжаться.

Иногда конкуренция двух корпораций вызывала недовольство граждан. Но этой конкуренции можно дать и положительную оценку, потому что она усилила конкурентоспособность компаний и самого государства в 90-е годы, в период жесткой экономической борьбы.

Работающий за зарплату директор и сын президента корпорации

В начале 1980-х старший сын президента Чонг Монг Пиль, который работал в лондонском филиале, приехал в Сеул и был назначен на должность исполнительного директора по зарубежным проектам.

Отношения между наследником огромной корпорации и работающим за зарплату директором, который не был в родственной связи с семьей Чонг, складывались непросто. Сын президента был старше меня, но по должности я был его директором.

В корпорации было очень много подразделений и при желании можно было избежать трений между старшим сыном президента и профессиональным управленцем. Но президент Чонг сделал это с определенным намерением.

Неизвестно, насколько было важно это намерение для Чонга, но исполнительному директору, попавшему в такую ситуацию, было непросто. Уже тогда его младшие братья управляли отдельными компаниями.

Потом я узнал, что людям, занимавшим высокие должности в компании, было невыносимо работать между сыном президента и мной. Однажды ко мне пришел один из старших сотрудников и осторожно начал разговор.

— Мне сложно об этом говорить, все до сих пор молчали, но на благо компании я решился сообщить вам это. После назначения на должность исполнительного директора все документы, которые вы подписываете, Чонг Монг Пиль задерживает. А если вы приказываете что-то не делать, он спрашивает с сотрудников, почему это не выполняется, и уже сам приказывает выполнять. Из-за этого подчиненным приходится очень нелегко.

— Почему вы говорите об этом только сейчас?

— Потому что я знаю ваш характер. Исполнительный директор — старший сын президента Чонга. Что будет, если из-за этого случая произойдет какая-нибудь неприятность?

— Об этом нет необходимости беспокоиться. Я не скажу никому о нашем разговоре. Спасибо, что сказали.

На следующий день я вызвал исполнительного директора Чонга в свой кабинет. Он был недоволен, что нанятый директор вызывает его, сына президента корпорации, к себе, и, видимо, поэтому поднялся ко мне не сразу. Я начал разговор прямо, без обиняков.

— Господин Чонг Монг Пиль, я сейчас не собираюсь говорить о личных вопросах. Считайте, что это официальный разговор директора строительной компании "Хендэ" Ли Мён Бака и исполнительного директора той же компании. Я слышал, что вы нередко ставите под вопрос работу, которую я выполняю, а это приводит к беспорядку в компании. Я не знаю точно, но наверняка подчиненным очень сложно работать, поскольку им приходится учитывать мое и ваше поведение. Поэтому работа в компании не осуществляется должным образом. Я хорошо знаю, что вы скоро станете руководителем отдельной компании, а в дальнейшем президентом корпорации. Я понимаю, что на данный период вам просто приходится работать со мной. Итак, в будущем вы станете руководителем корпорации, но пока вы исполнительный директор этой компании, будьте добры следовать моим указаниям. А если вы не хотите мне подчиняться, то скажите президенту Чонг, чтобы он перевел вас в другое подразделение.

К моему удивлению, исполнительный директор Чонг Монг Пиль все время, не переставая, внимательно меня слушал.

— Я младше вас по возрасту. Я молодой, но если посмотреть по годам моей работы, я не одного поколения с вами, а одного — с вашим отцом. Когда вы будете отвечать за дела корпорации, меня не будет в компании, как и других людей одного поколения с вашим отцом. Несмотря на мой возраст, я прошу отнестись с пониманием, что я одного поколения с вашим отцом и никогда не забывать об этом. А ваши дальнейшие действия зависят только от вас.

— Я хорошо все понял.

Исполнительный директор Чонг согласился с моими словами. Когда он выходил из моего кабинета, выражение его лица было совсем другим по сравнению с тем, когда он пришел.

Прошло некоторое время, я вызвал к себе сотрудника, который сообщил о сложностях в работе, и спросил, как продвигается работа в последнее время.

— Очень странно. Исполнительный директор стал очень содействовать вашей работе. Если раньше он говорил: «не нужна подпись директора. Я подписал, вот и выполняйте», то сейчас говорит, что нужно обязательно получить подпись директора. Я не могу понять, как произошли такие перемены. Между вами что-то произошло?

— Я не встречался с исполнительным директором Чонгом. Наверное, когда он только пришел, он не мог разобраться, в чем суть работы. Насколько я знаю, Чонг не такой человек, чтобы оставлять все на самотек, и он разобрался. Помогайте в работе исполнительному директору.

После того, как закончился короткий курс по управлению для исполнительного директора Чонга, он был назначен директором сталелитейной компании в Инчоне.

Когда он начинал работу, он горел желанием и проявлял способности в бизнесе, но однажды, когда он возвращался из командировки из Ульсана в Сеул, он попал в аварию, после которой скончался. Он мог остановиться на ночь в Ульсане, но он так спешил на работу, что ночью отправился в путь, и случилось несчастье. Это произошло, когда он только начал проявлять свои способности в управлении.

Президенту Чонгу сообщили о печальном известии, когда он был в США, и он не приехал на похороны. Он не мог смотреть своими глазами на то, как уходит его старший сын. Я был распорядителем этих похорон.

До сих пор никто не знал о моей беседе с исполнительным директором Чонгом. И я впервые пишу об этом в книге.

Бум на квартиры "Хендэ" в районе Апкуджонг

Говорят, что от большого дерева и тень большая. Было много сложностей после того, как компания заняла первое место по объему продаж.

6 июля 1978 года, в день, когда президент Пак Чонг Хи был избран на третий срок, на первой полосе одной из влиятельных газет была опубликована статья: «Дело по привилегированному распределению квартир "Хендэ"».

В тот день на первой странице была дана информация о случае с квартирами "Хендэ", а также на второй и на третьей были материалы на эту тему. А короткая статья по поводу переизбрания президента была напечатана в самом углу первой страницы. Это было просто не корректно, что какая-то компания вытеснила в подвал новость об избрании президента. Все критиковали "Хендэ", а я чувствовал себя той несчастной женщиной из библейского сюжета, в которую все бросают камни.

Этот случай поднял волну людского гнева и недовольства против слияния политики и экономики с участием корпораций. Что было связано с протестом против военного правительства, которое собиралось оставаться у власти, казалось, вечно. Перепуганное правительство действовало ловко и быстро. Им было сделано все, чтобы обратить народное возмущение в сторону корпораций. И самым подходящим объектом для этого оказалось дело компании "Хендэ", куда и обрушились гнев и ярость простых людей в связи с переизбранием президента на третий срок.

Тут же началось расследование, в результате которого были арестованы или задержаны многие государственные чиновники, работники банков и СМИ. Эти люди стали объектами яростной критики, в конце концов были вынуждены оставить свои должности, а честь некоторых деятелей искусства старшего поколения была запятнана. Что касается "Хендэ", то второго сына президента Чонга, директора акционерного общества "Корейского городского развития" Чонг Монг Гу и коммерческого директора Ким Санг Джина посадили в тюрьму. Вскоре за этим последовал приказ о прекращении деятельности компании "Корейское городское развитие".

Что же это было за дело, в результате которого нам был нанесен такой сокрушительный удар?

С 1975 года, после того, как я стал заместителем директора, строительная компания "Хендэ" приобрела заброшенную землю в районе Апкуджон и начала крупное строительство многоквартирных домов. Еще до этого, со времен работы в Собинго, я активно продвигал этот строительный бизнес и возлагал большие надежды на квартиры "Хендэ" в Апкуджоне.

До того времени квартирами пользовались в основном бедные слои населения, и в сознании людей они являлись «коммунальным домом для тех, кому негде жить». Но был вполне реальный план, для осуществления которого надо было сломать старые стереотипы и ввести новое понятие жизни на высоком уровне в комфортабельных квартирах. В результате было создано дочернее предприятие "Корейское городское развитие", а за строительные работы отвечала компания "Хендэ".

Какова будет стоимость этих квартир? И соответственно возможности покупателей? Такие вопросы не могли нас не беспокоить. Было дано объявление о продаже, но желающих было мало. Видимо, потому что строительство домов проходило в те времена без ограждений, и люди часто видели, как разлеталась пыль и красная глина во время стройки, и потому смотрели на эти одинокие квартирные дома, как на чудовища.

На церемонии начала строительства многоквартирных домов в Сеуле

Продажа квартир проходила вяло, и сидеть, сложа руки, было нельзя. Первый взнос был заменен ежегодной выплатой по частям. Но это тоже не сработало, поэтому была упрощена процедура по кредитам крупной суммы. Но и это не действовало на покупателя. В то же время, люди, занимавшие высокое положение в обществе, требовали сделать выплату первого взноса более выгодной.

Сначала президент Чонг и я старались не обращать внимания на такие требования, но потом мы подумали, что если такие солидные в обществе люди поселятся в наших квартирах, то это станет самой эффективной рекламой для других. И мы пошли дальше. Было решено заселить в эти квартиры всех наших знакомых по совместной работе: государственных служащих, работников СМИ, а президент Чонг предлагал эти

квартиры своим знакомым из мира искусства и науки. И они все были благодарны. До определенного момента никаких проблем не было.

Взрыв произошел потом. Вдруг начался квартирный бум и всего за 1-2 года квартиры стали продаваться намного дороже. И тогда те, кто якобы не смогли приобрести квартиры, начали поднимать вопрос о «распределении квартир на особо выгодных условиях», имея в виду квартиры "Хендэ" в районе Апкуджонг. И тогда продвижение продаж из-за отсутствия покупателей превратилось в «особую привилегию для избранных».

Вот тогда правительство и постаралось, как можно сильнее, раздуть эту «привилегию», чтобы народ мог вылить на компанию свою злобу.

После решения правительства «ликвидировать компанию "Корейское городское развитие"», президента Чонга вызвал к себе министр строительства Син Хенг Сик. Именно тогда министр совершил «ошибку». Он сказал президенту Чонгу «приведите с собой директора Ли Мён Бака», а не какое-то другое ответственное лицо.

Нанесенная рана и обратный ход

— Увольте Ли Мён Бака или отправьте в другое подразделение. Пока я буду министром строительства, он не должен быть на должности директора. А то у "Хендэ" будут большие проблемы.

Когда в 1976 году "Хендэ", обогнав другую корейскую строительную компанию "Юльсан", выиграла тендер на строительство в Аль-Джубайль в Саудовской Аравии, министр строительства Син Хенг Сик вызвал президента Чонга и стал ему угрожать. И тому была причина, почему я стал занозой для министра Сина.

На момент начального освоения строительного рынка Ближнего Востока министр строительства Ким Джэ Гю сократил количество строительных компаний, которые имели право принимать заказы до десяти. Это делалось специально для того, чтобы заранее предотвратить отрицательные последствия слишком активного выхода на этот рынок. Но министр Ким перешел на работу в центральное ведомство информации, а знаменитый политик республиканской партии Син Хенг Сик занял пост министра, и со своим приходом опять увеличил количество компаний для работы на Ближнем Востоке до 30.

Если бы это соответствовало возможностям компаний, то было бы просто здорово: все бы могли заработать деньги, привезти их в страну. Но дело заключалось в том, что среди компаний, работавших на Ближнем Востоке, были такие, которым даже строительство внутри страны нельзя было поручить. Строительная компания "Юльсан" была из такого числа.

На открытом совещании в министерстве строительства, я отметил эту проблему.

— Я, как представитель одной из компаний, которая уже давно работает на рынке Ближнего Востока, хочу сделать господину министру предупреждение. Я не выступаю против выхода других компаний на Ближний Восток. Но среди новых, собирающихся работать за рубежом, есть такие, которые не могут проводить строительные работы даже внутри страны. Это фирмы, у которых есть только одно название. Вы хотите их отправить, но кто тогда ответит за негативный международный имидж страны?

Министр ответил мне со злостью.

— Сейчас на Ближнем Востоке идет строительный бум. В таких благоприятных условиях правительство планирует отправить как можно больше компаний за рубеж,

чтобы они заработали валюту для страны. А вам, директор Ли, советую больше не делать таких высказываний, в правоту которых верите вы один.

Я еще раз подчеркнул, что не собираюсь препятствовать выходу других компаний на международные рынки. И начальнику управления по зарубежным проектам я сказал.

— Обязательно запишите, что я был против. Когда случайные компании будут отрицательно влиять на экономику страны, и зарубежное строительство станет для нас головной болью, — вот тогда вы вспомните о моих словах.

Мои опасения стали реальностью. В то время, когда "Хендэ" участвовала в тендере по крупному проекту строительства жилья в Аль-Джубайле, в конкуренцию с «пустыми руками» вступила компания "Юльсан". Это был заказ «под ключ», по результатам тендера "Хендэ" оказалась на первом месте, а "Юльсан" — на втором.

Тогда министерство строительства Кореи хотело применить санкции в отношении "Хендэ" из-за подозрений в демпинге, из-за слишком низкой цены предложения. Я срочно собирал доказательства обоснованности цены. В случае признания цен "Хендэ" демпинговыми, заказ автоматически перешел бы к "Юльсан". Мне показалось, что министр Син испытывал особую симпатию к этой компании.

При рассмотрении документов об участии в тендере компании "Юльсан" я был в шоке. К моему удивлению, в них было указано, что "Юльсан" выполнила работы по строительству АЭС Гори, плотины на реке Соянг и других объектов, которые на самом деле были построены компанией "Хендэ". Я обратился к министру Син, со словами, что «такого просто быть не может».

— Что поделать, раз уж так вышло, но если поднимать этот вопрос сейчас, то это ударит по всем корейским компаниям. Лучше не упоминать об этом.

В то время, пока министерство строительства тянуло время, Саудовская Аравия пришла к выводу, что у страны недостаточно опыта для оценки, и поручила проверку документации техническим специалистам из МБРР. При проверке документации специалисты МБРР также обнаружили, что есть много проектов в прошлом, которые были указаны обеими компаниями — и "Хендэ", и "Юльсан". МБРР работал с "Хендэ" по проектам в Юго-Восточной Азии, поэтому был очень хорошо знаком с ее деятельностью. Вскоре было доказано, что в документах "Юльсан" указана недостоверная информация, в результате чего компания была дисквалифицирована.

После такого поворота событий министерство строительства стало утверждать, будто это "Хендэ" пожаловалась Саудовской Аравии. С тех пор министр Син стал, мягко говоря, меня недолюбливать.

Рассказывая мне о том, что министр Син потребовал убрать меня с места директора, президент Чонг посмеивался. Угрозы министра никак на него не подействовали.

В то утро, когда президент Чонг и я пришли в кабинет министра строительства по вопросу ликвидации компании "Корейское городское развитие", министр Син сидел с высокомерным выражением лица. Он сделал заключение, перечислив все нарушения закона "Корейским городским развитием".

— Корпорация "Хендэ" должна добровольно ликвидировать эту компанию. И объявите об этом на пресс-конференции сегодня в 5 вечера.

Затем он вызвал ответственного начальника отдела и передал президенту Чонгу подготовленный план пресс-конференции. Президент Чонг взял листок с вопросами и спросил.

— Это распоряжение господина министра или господина президента?

— Это указание президента. Оно должно быть выполнено. Мы собрались уже выходить, как министр, подумав о чем-то, сказал мне.

— Ну, директор Ли, а ты что по этому вопросу думаешь?

Я понял намерение министра, почему он вызвал и меня, объявляя о ликвидации компании, и на душе у меня было беспокойно.

— Вы сделали выводы, президент Чонг согласился. Что изменится от моего мнения? Тем более, что я не представляю компанию "Корейское городское развитие".

— Я просто хочу услышать ваше мнение. Все равно ничего не изменится от этих слов.

Министр говорил со мной не очень вежливо, и был доволен ситуацией.

— Ну если вы настаиваете, я выскажу свое мнение. Я против ликвидации компании. Потому что компания это юридическая структура. А в данном случае юридическое лицо ни в чем не виновато. Если кто-то виноват, то и нужно наказывать виновных. Если при каждой ошибке ликвидировать компанию, сколько же тогда фирм останется? Посмотрите на компании с 100, 200-летней историей в развитых странах. Если правительство будет действовать так в капиталистических условиях, то какая компания продержится хотя бы 10 лет?

Я не успел договорить, как министр Син закричал со злостью.

— Молодой директор, ты за малым погнался, а большое потерял!

— Я не хотел ничего говорить, но вы спросили мое мнение, поэтому я сказал. Все решено между вами и президентом Чонгом. И за каким таким малым я могу погнаться, чтобы большое потерять?

Министр резко встал с места.

— Приходите в 5 часов в министерство и проведите пресс-конференцию.

Когда мы вышли из министерства строительства и уже садились в машину, я сказал президенту Чонгу

— Они говорят, что это распоряжение президента, но мне это кажется странным. И не логичным. Я съезжу к советнику президента по принятию решений.

— Говорят же, это указание президента, значит, нет смысла ехать. А ты знаешь его?

Советником по принятию решений был Ким Енг Джун, который в дальнейшем стал директором ведомства по аудиту.

— Я могу с ним встретиться официально и поговорить.

— Ну попробуем, попытка не пытка.

Я позвонил из приемной, с советником было встретиться нелегко. Я повторил то, о чем недавно говорил министру строительства.

— Я думаю, что такое решение никак не соответствует экономической логике капитализма. Это невозможно принять. Я прошу сообщить об этом господину президенту.

Ким Енг Джун сначала сказал, что дело закрыто, но вскоре закивал в ответ на мои слова.

— Я понял, в чем суть вашего утверждения. Но я ничего не могу сказать сейчас, так что возвращайтесь в офис. Если будут какие-то изменения, мы сообщим.

Я вернулся в компанию и стал готовиться к пресс-конференции, тут позвонили от советника президента.

— Мы сообщили об этом господину президенту, и он изменил свое решение, не нужно ликвидировать компанию. Скоро об этом будет сообщено и в министерство строительства. Директор Ли, вы победили.

Но у меня не было времени этому радоваться. Поскольку тут же позвонил министр строительства. На этот раз он сказал придти мне одному.

Министр был вне себя. Он с беспокойством спросил, как это произошло, я ответил, как было.

— Если так будешь себя вести, то это даром для тебя не пройдет.

Так он сказал, но все уже было решено.

Закончилось дело «за малым погнался, а большое потерял». После чего, спустя время, директор Чонг Монг Гу был признан, решением суда, невиновным и освобожден. И как же отсрочка платежа за квартиру, когда не было желающих ее приобрести, могла стать его виной? А если и была вина, то только в том, что вскоре поднялся квартирный бум. Однако это событие, независимо от признания невиновности директора Чонга, нанесло рану всей компании "Корейское городское развитие".

Последняя встреча с президентом Пак Чон Хи

Моя «связь» с президентом Пак Чон Хи была очень раздута. В тот период обществу было сложно понять и принять такой мой стремительный профессиональный рост. Тем более, что подобных моему случаев больше не было. Я думаю, именно поэтому главную причину моего роста сводили к президенту. Но кто когда-нибудь сможет проверить, насколько верны слухи, что меня поддерживал президент?

То, что образы президента Пак Чон Хи и Ли Мён Бака были в чем-то схожи, тоже способствовало распространению слухов. На самом деле, когда я был чуть старше 20, у меня было прозвище «маленький Пак». Когда друзья называли меня так, я говорил с улыбкой: «я уже большой, почему маленький Пак». Слухи по поводу того, что за мной стоит президент Пак, не прекращались. Во-первых, из-за сходства во внешности, а во-вторых, потому что мы оба много работали.

Это был человек, из-за которого меня посадили в тюрьму и препятствовали моему трудоустройству. Я встретился с ним в последний раз 20 октября 1979 года, а погиб он 26 октября.

В то утро ко мне неожиданно позвонили из кабинета президента и попросили прийти. Время встречи было назначено на 4 часа, но приглашенных собрали в Центре искусств Седжонг в 10 утра. Всего было около двадцати человек. Были директора газет, руководители «движения за новую деревню». Из бизнес-кругов был один я. «Представители народа» из разных профессиональных сфер были приглашены на беседу с президентом.

Организатором встречи был начальник службы охраны президента Ча Джи Чоль. Люди из аппарата президента вручили некоторым из нас конверты. В которых были листки со словами президенту. Мне тоже дали конверт, я просмотрел содержание. «Я, как один из лидеров событий 3 июня 1964 года, глядя на сегодняшних студентов, понимаю, как они не правы. Демонстрации студентов в Пусане и Масане произошли в результате непонимания студентами ситуации в государстве, из-за их неблагоразумия. Поэтому не стоит серьезно к этому относиться, потому что вскоре...» Слова к президенту были написаны в таком роде.

Директора газет, руководители «движения за новую деревню» получили свои листки, стояли и заучивали. Я очень переживал. Потому что говорить по написанному мне не позволяла совесть, потому что так я на самом деле не думал. А если пойти против, от этого могла сильно пострадать компания. Я не видел выхода из этой ситуации.

Когда все приглашенные пошли на обед, я позвонил по телефону-автомату другу, который работал судьей. Я хотел посоветоваться с ним.

— Если можно не выступать, то это могло бы быть выходом. Но если ты заденешь их, то отомстят тебе лично, и твоей компании. Они сейчас словно не в себе.

Эти слова мне ничем не помогли. Прошел обеденный перерыв, все учили розданные им слова. И уже определили порядок выступлений. Сначала должны были выступить два директора из газетных издательств, потом руководитель движения за новую деревню, а я после него. Все приготовились и отправились в аппарат президента.

Президент был очень худой, а лицо его было омрачено какими-то переживаниями. Мы увидели его в комнате для приема гостей. Начальник службы охраны Ча Джи Чоль стоял за спиной президента и знаками показывал, чтобы начинали выступление.

Два директора издательств выступили, как и было им предписано.

У меня по спине пошел холодный пот. Я твердо был уверен, что не смогу сказать по написанному. Я несколько раз давал себе слово не унижаться. Но в то же время я думал, что бы такое сказать, чтобы и компании не в ущерб, и президента не обидеть. У меня от напряжения пересохло в горле. Начальник Ча Джи Чоль, стоявший за спиной президента, казался огромным.

Настала очередь лидера движения за новую деревню. Это был пожилой человек, который так волновался, что с трудом вспоминал слова, одно за другим, точно первоклассник, который плохо выучил домашнее задание.

— Я хочу выступить как представитель лидеров движения за новую деревню в стране. Как говорил господин президент...

На этом он запнулся. Прошла минуты три, старик не мог продолжать. Он был в таком состоянии, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Лицо Ча Джи Чоля побледнело. Но тут президент сказал.

— Вы забыли, что учили?

В напряженной обстановке раздался чей-то смешок.

— Ну все, закончим на этом.

Президент сказал, что больше не собирается выслушивать заученные выступления. Когда он выходил из комнаты для приема гостей, он выглядел изможденным.

Казалось, что из-за переживаний я постарел на 10 лет. Я был бесконечно благодарен этому руководителю движения за новую деревню.

Спустя несколько дней, 26 октября, произошли события, в результате которых погиб президент. Вспоминая его «беседу с народом», которая прошла в таком напряжении, я подумал, насколько важна роль советников. Если бы они играли свою роль правильно, то можно было бы вполне избежать событий 26 октября.

Сильный в обход не пойдет

Я посмотрел на себя в зеркало, в глазу действительно скопилась кровь. "На носовой платок вытекла темно-красная жидкость. Это были кровавые следы. Я

всегда прежде думал, что это всего лишь литературное выражение, но сейчас я впервые видел кровавые слезы.

Непростой человек

После того, как в 1977 году в 35 лет я стал директором строительной компании "Хендэ", политическая ситуация в стране была подобна внезапно налетевшему урагану. Через 2 года, 26 октября был убит президент Пак Чон Хи, а с 1980 года, после ухода военного режима, в период 5-ой республики президента Чон Ду Хвана и 6-ой — президента Но Тхэ У, я, представляя коммерческую компанию, по сути, шел против власти.

После событий 26 октября началась так называемая «Сеульская оттепель». Но эта оттепель совсем не была похожа на оттепель. В один из таких странных «весенних» дней, примерно в половине двенадцатого дня, в мой кабинет на Квангхвамуне без предупреждения вошли двое мужчин.

— Пройдемте с нами.

Они без всяких объяснений попросили меня пойти куда-то вместе с ними.

— Поедете и узнаете. Просто мы хотим поговорить с вами за пределами офиса.

Я спустился за ними на первый этаж, тут двое взяли меня под руки. Я сказал, что вызову свою машину, но они тут же меня остановили.

— Ваша машина не нужна. Мы на своей машине.

Это был черный легковой автомобиль. Они посадили меня посередине на заднем сиденье. Я спросил, куда мы едем, но они не ответили. Я повторил вопрос.

— Поедем сначала в отделение на Чонгно.

После того, как мы приехали на Чонгно, они стали вести себя со мной грубо. Безо всяких объяснений посадили в камеру. Не зная причины моего заточения, я пока терпел их отношение ко мне как к преступнику. Я даже не мог сообщить о своем местонахождении в компанию.

Прошло два часа после того, как меня закрыли в камере, затем мне дали чашку говяжьего супа. Я утолил голод, после чего полицейский отделения Чонгно тихонько сообщил мне, что расследование будет проводиться в другом месте. Поэтому он посоветовал мне позвонить в компанию. Пока он смотрел по сторонам, я позвонил по телефону, который был у входа за дверью.

— Я не знаю, что это за организация, куда меня привели. Но со мной будут проводить расследование. Я хочу, чтобы вы знали.

До того момента, я предполагал, что это продлится совсем недолго. Потому что я знал, что я ни в чем не виновен. Что они могут мне сделать?

Через некоторое время меня опять посадили в черную машину и поехали в сторону горы Намсан, там пересадили на другой автомобиль. Люди из первой и второй машины ставили на листке свои подписи, как будто передавая меня друг другу. У меня промелькнула мысль, как же они не эффективно работают.

Меня привели в подвал Национальной разведывательной службы на горе Намсан. Только тогда я узнал причину моего задержания. Они сказали, что у них есть информация о предоставлении президентом корпорации Чонг Джу Енгом субсидий трем Кимам (крупным политикам оппозиции Ким Енг Саму, Ким Дэ Джуну, Ким Джонг Пилю), и требовали от меня рассказать об этом. Я догадался, что их цель поймать этих Кимов. Такова была «Сеульская оттепель» 80-х.

— Я никогда не встречался с этими Кимами. Почему вы допрашиваете именно меня?

— По нашим данным вы не оказывали финансовой поддержки политикам. Но у нас есть информация, что поддержку оказывает президент Чонг. Но мы же не можем привезти старика и допрашивать. А вы наверняка знаете, кому и сколько дал Чонг. Расскажите нам. Никто не знает, что вы сейчас здесь. И запомните, что отсюда вам просто не выйти, пока вы не расскажете об этом.

— Я не слышал ничего о том, что президент Чонг оказывал финансовую поддержку Кимам. Да и он не такой человек. У вас явно неверная информация.

Я отвечал спокойно.

— Ты только посмотри на него. Нашел, кого за нос водить. Ты хоть осознаешь, что не выйдешь из этого подвала, пока не расскажешь об этом?

Я опять начал уверенно отрицать. Они приостановили давление на какое-то время.

— Хорошо, тогда давай пойдем на компромисс. Ты не видел и не слышал, что президент Чонг предоставлял этим людям финансовую поддержку на политические цели. Допустим, это так. Тогда признай только то, что есть вероятность финансовой под держки Чонга для политических целей, только это. На самом деле вероятность же есть. Даже малые дети знают, что если такое было в прошлом, то вероятно повторится и в будущем. А если это не так, то на какие деньги три Кима осуществляют такую активную деятельность. Поэтому признай только это. А если ты и этого не сделаешь, мы будем вынуждены использовать другие способы.

Конечно, следователь намекал на пытки. Так он меня запугивал. Это было весьма странное расследование, они требовали признать не факт, а вероятность. Но вероятность возможна для любого человека в этом мире. Такой вероятностью они хотели связать руки президенту корпорации, а в дальнейшем поймать трех политиков, которые были главными действующими лицами «сеульской оттепели». План нового военного правительства был ужасен.

Но я повторял одно и то же.

— Я вообще не знаю, что такое финансовая помощь для политических целей. Я не знаю, какие отношения были у президента корпорации Чонга с президентом Пак Чон Хи, но знаю, что он не оказывает финансовую поддержку политикам Кимам. К тому же, такого просто не может быть, чтобы корпорация "Хендэ" финансировала кого-то в политических целях.

Но их совсем не удовлетворял такой ответ. И раз уж меня привели в подвал на Намсане, я решил, что надо сделать так, чтобы на мне дело и закончилось. Можно было сказать так: «Что может знать простой директор? Президент Чонг мог оказывать финансовую помощь в политических целях из любого подразделения. Но мне лично ничего об этом не известно». И на этом все бы закончилось. Однако если бы я сделал так, то вполне возможно, что следующим могли привести и допрашивать другого сотрудника "Хендэ", и в ходе такого расследования могло случиться любое искажение фактов. Время шло, и они становились со мной все грубее.

— Этот негодяй совсем обнаглел. Если знаешь, скажи, что знаешь, а если нет, то просто подтверди, что это возможно. Чего ты уперся? Ты понимаешь, где ты сейчас находишься? Так, пора начинать...

— Повторяю вам, я нахожусь на такой должности, на которой мне известно многое. Но насколько я знаю, ни президент Чонг, ни кто-либо, в подразделениях корпорации, никакой помощи не осуществлял.

Допрос начался в 3 часа дня и продолжался до самой ночи, но ни к чему не привел. Следователи вышли на некоторое время, а когда вернулись, сильно переменились. Они

не выглядели больше агрессивными, не угрожали мне, и лица их расплывались в улыбке.

— Послушай, директор Ли. Если даже президент Чонг совершит какую-то ошибку, он старик, поэтому ему ничего не будет. Но ты — другое дело. Если здесь с тобой что-нибудь случится, никто об этом не узнает. А разве существует человек, абсолютно чистый на руку? Если не будешь нам содействовать, то неприятностей тебе не избежать. Пойми, мы же не хотим повесить вину на ни в чем не повинного президента Чонга и ликвидировать вашу компанию. Мы просто хотим проследить цепочку, откуда у политиков такие деньги. Мы же не заставляем тебя доносить на кого-то или предавать. Тебе достаточно признать, что такая вероятность есть. Зачем ты так упираешься и мучаешь себя из-за этого?

Было ясно, что угрозы на меня не подействовали, и они выбрали примиренческую политику. Но я не сдавался.

— Отвечаю еще раз. Не может быть, чтобы корпорация "Хендэ" поддерживала трех Кимов, и вероятности такой просто не может быть.

— М-да, вы, Ли, не простой человек...

Допрос продолжался до рассвета. Следователи в очередной раз вышли, через какое-то время вернулись и сказали мне поправить галстук и одежду. Затем меня вывели из здания. Они посадили меня в машину и отвезли в гостиницу Пасифик. Меня завели в большой номер, где была отдельная комната для приема гостей. Там меня ждал человек, по-видимому, занимавший очень высокий пост.

— Намучились прошлой ночью, наверное. Не знаю, соблюдали ли правила приличия мои подчиненные?

Он говорил формальные слова вежливости, без капли искреннего сочувствия. Я понял, что это последний этап.

— Другие представители компаний тоже побывали в этой комнате, они помогли нам и спокойно ушли отсюда. Я надеюсь, что и вы поможете нам и спокойно вернетесь к своим делам. Но если не поможете, то у вас возникнут проблемы. О том, что президент Чонг оказывает поддержку политикам, знают все. Представители других компаний все нам рассказали. Мы просим вашей помощи только для уточнения. Ну, рассказывайте...

— Я уже говорил, такого просто не может быть. Не могу и представить себе, чтобы финансовая поддержка оказывалась корпорацией. Но и президент Чонг не такой человек, чтобы помогать оппозиции, правящей партии еще возможно.

— Откуда вы это знаете?

— Моя должность обязывает знать такое.

— Если не знаете, достаточно признать, что не знаете. Зачем пытаться отрицать саму мотивацию этого расследования?

— Я не знаю ваших мотивов, а просто говорю, что знаю.

— Да, с таким человеком, как вы, трудно разговаривать.

Даже этот авторитетный человек не мог ничего со мной поделать, поэтому, было видно, он задумался.

— Ну, если все так, то выхода нет. Если вы сказали все, что хотели, то поставьте здесь отпечаток пальца.

Это была запись моих слов. Я макнул большой палец в чернила и оставил отпечаток. Допрос был завершен, и может быть, поэтому он вежливо сказал.

— До свидания.

Они опять посадили меня в машину и довезли до дороги, недалеко от моего офиса. На работе все были в панике. Целые сутки все пребывали в неизвестности, куда пропал директор. Но я никому не сказал, что произошло со мной. Не только потому, что пообещал на Намсане. Но и потому, что если бы стало известно об этом, то это не принесло бы никакой пользы компании, а лишь один вред. Я просто коротко отчитался перед президентом Чонгом.

— Были сомнения по поводу финансирования политиков. Меня вызвали и допрашивали в ведомстве, но я сказал, что ни господин президент, ни какой-либо другой руководитель подразделения корпорации не оказывали финансовой поддержки политикам, с тем и вернулся.

Президент Чонг тоже больше ни о чем меня не спрашивал.

На первом этапе правления 5-й республики отношения "Хендэ" и нового военного правительства были очень напряженные. Это была не просто попытка правительства подчинить себе деловые круги, но целая атака по заранее подготовленному сценарию для реорганизации бизнес-сообщества в целом. Потом, в середине периода правления 5-й республики, в этих отношениях наступил «медовый месяц». А дальнейшее их ухудшение вызвало у президента Чонга противоположные чувства: с одной стороны он был страшно разочарован в политике, с другой, это вызвало у него сильное желание участвовать в политике самому.

Плакать кровавыми слезами

Кризис, который мог повлиять на судьбу корпорации "Хендэ", был связан с экономической политикой нового военного правительства, заключавшейся в «контроле инвестиций в тяжелую и химическую промышленность». Это были времена, когда для комиссии госбезопасности и чрезвычайных ситуаций не было ничего невозможного.

В тот период в страну вернулись экономисты, получившие образование за рубежом, они стали принимать участие в формировании новой экономической политики военного правительства, и утверждали, что необходимы кардинальные изменения. Потому что препятствием к развитию корейской экономики, по их убеждению, являлись повторные инвестиции в тяжелую и химическую промышленность. Это подействовало на руководителей нового военного правительства, которые стремились реорганизовать экономические круги и утверждали о необходимости инноваций в государстве.

Сегодня никто не критикует, что существование нескольких компаний по производству автомобилей есть факт повторных инвестиций или неправильного использования ресурсов государства. Экономика выживает на основе принципа конкуренции, а конкуренция базируется на справедливых правилах целесообразности. Отличие развитого и отсталого государства как раз определяется по тому, насколько соблюдаются принцип конкуренции и законы экономической справедливости.

Но всего 10 лет назад некоторые ученые и чиновники экономической сферы, а вместе с ними и центральная власть, впали в софистику, считая, что экономика государства будет развиваться только в том случае, когда все заводы по производству автомобилей и крупного машиностроения будут объединены в одно предприятие.

В политике контроля инвестиций в тяжелую и химическую промышленность было сложно разобраться, но основным был вопрос, как и во что нужно объединить автомобилестроение и крупное машиностроение. В частности, была идея объединить в одну компанию "Хендэ Моторз", "Дэу Моторз", "Асеа Моторз" (сейчас "Киа Моторз"), а

в крупном машиностроении судостроительную компанию "Окпо Дэу", "Хендэ Хэви Индастриз" и "Хендэ Янгхенг" в Чангвоне (сейчас "Хангук Хэви Индастриз").

Для корпорации "Хендэ", которая после 1970-х годов приложила все свои усилия к развитию сферы тяжелой промышленности, было недопустимо отказаться от автомобилестроения или от крупного машиностроения. Это была неразрешимая дилемма. На самом деле в автомобилестроение было также вложено немало энергии и на него возлагались большие надежды. Тем более, тогда "Хендэ Моторз" готовилась к выходу на зарубежные рынки. Объединение и закрытие компаний было просто недопустимо.

Визит в судовой верфь "Хендэ" на вертолете

То же самое было и в крупном машиностроении. У "Хендэ" уже были возможности производить оборудование для АЭС. Отказаться от этой сферы означало просто упустить рынок ядерной и теплоэнергетики. Автомобилестроение и крупное машиностроение были главными сферами для "Хендэ". Казалось, что политика контроля инвестиций в тяжелую промышленность — это сети, чтобы поймать корпорацию. Но политика нового военного правительства была обнародована, оставалось только сделать выбор.

После собрания с руководителями в "Хендэ" президент Чонг Джу Енг решил сделать окончательный выбор в пользу автомобилестроения. Потому что это была индустрия будущего с безграничными возможностями. Крупное машиностроение тоже являлось привлекательной сферой, но это было непостоянное производство, и был сделан вывод, что если даже не удастся производить оборудование для энергетики, то будет возможность участия в строительстве АЭС и ТЭС. Смотри на нынешнее положение дел, такое решение Чонга было верным.

После того, как мнения руководителей корпорации по этому вопросу были оценены и собраны, я один отправился в комиссию госбезопасности и чрезвычайных ситуаций. Я встретился с двумя офицерами 17-го и 18-го выпуска Корейской военной академии. Офицеры сказали, что "Хендэ" нужно просто сделать выбор, чему отдать предпочтение корпорация, — автомобилестроению или крупному машиностроению.

— Перед тем как сделать выбор, я хотел бы спросить, почему мы вообще должны выбрать. Сейчас может показаться, что инвестиции чересчур сосредоточены в тяжелой и химической промышленности, но вскоре придет время, когда это покажется недостаточным. Я беспокоюсь, что экономика напротив может ослабнуть, если исчезнет самый главный ее закон конкуренции из-за объединения всех конкурирующих компаний в одну. И это не потому, что "Хендэ" не хочет отдавать автомобилестроение или крупное машиностроение. Я думаю, если говорить о будущем нашей экономики, то попытка контроля инвестиций — серьезная ошибка.

— Что касается законов, то по этому поводу было проведено достаточное количество дебатов и обсуждений. И сейчас уже не нужно множить теории. Скажите только, что выбирает "Хендэ".

В первый день беседа закончилась ничем, все остались при своем мнении. На следующий день опять была встреча, но опять же изменений не было никаких. Однако я сделал один вывод. Суть которого заключался в том, что представители комиссии уже пришли к какой-то договоренности с другими компаниями, которые тоже должны были сделать выбор, и в этом процессе не участвовала только наша компания. Комиссия и другие компании надеялись, что "Хендэ" сделает выбор в пользу крупного машиностроения. Я пришел к выводу, что они уже приняли решение за "Хендэ", и в ходе разъяснительных встреч пытались склонить нас к этому.

Когда я пришел в комиссию в третий раз, офицер по переговорам сказал, как есть.

— Думаю, если учесть, что корпорация "Хендэ" сделала большие инвестиции в тяжелую промышленность, и по характеру компании подходит именно эта сфера, а также строительство как одно из главных направлений, то для будущего ее развития более выгодным будет выбрать крупное машиностроение.

— "Хендэ" отдает предпочтение автомобилестроению.

Сказал я прямо, не начиная издали. Офицер был в растерянности. А потом стал настаивать, чтобы было выбрано крупное машиностроение. Я повторил, что "Хендэ" в принципе не согласно с объединением, но если это неизбежно, то корпорация не откажется от автомобилестроения.

Тогда представители комиссии начали перечислять те положительные моменты, по которым "Хендэ" должна выбрать крупное машиностроение. Но я был непоколебим. Как и предполагалось, начались угрозы и запугивания. Но я оставался на своем, тогда начались личные придирки.

— Где вы сейчас живете?

— Я живу на Кангнаме.

— В квартире?

— Нет, у меня свой большой дом.

— Да? А я живу в небольшой квартире примерно 43 кв. м на пригорке, куда даже вода толком не доходит. В то время как вы живете так комфортно, мы беспокоимся о будущем нашей страны. Почему вы так негативно относитесь к решению государства и не хотите ему содействовать?

Я не мог выслушивать все это молча.

— В то время, когда вы двое учились на государственные деньги в Корейской военной академии, я сам зарабатывал себе на учебу в университете, после поступления в который я должен был учиться, убирая на рассвете мусор в районе Итэвон. Когда вас родители отправляли в среднюю и старшую школу, я должен был зарабатывать не только себе на обучение, но и заботиться о своем пропитании. После окончания

университета я работал днем и ночью на зарубежных объектах, чтобы заработать для страны валюту. Я не знаю, известно ли вам, что в 1974 году золотовалютные резервы страны были такими ничтожными, что государство было на грани банкротства. Этот кризис удалось преодолеть за счет тех долларов, которые были заработаны корейскими строительными компаниями за рубежом. Когда вы закончили учебу и начали работать, знали ли вы, что такое война? А я работал на зарубежных строительных объектах по 18 часов в сутки, спал не больше 4-5 часов, и это было все равно, что война. Слушая все это, офицер просто лишился слов.

— Мы тоже участвовали в войне. Во Вьетнаме.

Еле сдержав усмешку, я сказал.

— Я не могу согласиться со странной логикой, что вы патриоты, потому что военные, а я не патриот, потому что работаю в частной компании. Компания может быть объектом критики. Но такое отношение, когда игнорируется даже положительная роль компании, неправильное. Вы сказали, что живете в квартире на пригорке, а я человек, который жил в условиях значительно хуже. Так что плохого в том, что директор крупной строительной компании "Хендэ" живет в большом доме? Этот дом мне построила компания, чтобы я мог принимать там иностранных гостей. Если вы считаете это неправильным, то, значит, я должен переехать в квартиру вашего уровня? Такова ваша цель государственного управления? Надо стараться, чтобы как можно скорее военные и государственные служащие жили на том же уровне, как и я, а не пытаться ограничивать людей, которые живут хорошо, благодаря только своим усилиям. Как вы собираетесь осуществлять новую политику с таким настроем?

— Я совсем не это имел в виду. Я сказал так, как мне кажется, что компании думают только о выгоде для себя, и не смотрят на процветание государства с точки зрения страны в целом.

В этот день споры не закончились. Я вернулся в офис, обсудил этот вопрос с президентом Чонгом и отправился обратно, чтобы попытаться прийти к консенсусу. Но с течением времени на меня давили все сильнее.

Однажды вечером мне передали просьбу от знакомого из государственного ведомства о встрече. Встреча проходила тайно. Этот человек оказывал поддержку «реформе» военных, и когда мы встретились, лицо его выражало беспокойство.

— Директор Ли, может, вы не знаете, но сейчас в государстве объявлена чрезвычайная ситуация. Ничего не решится, если вы будете упрямо настаивать на своем. Соглашайтесь молча. Время не на вашей стороне. Прямо завтра идите и дайте свое окончательное согласие. От этого зависит судьба корпорации "Хендэ".

После этого разговора я всю ночь не спал, пытаюсь понять, что у этого человека на душе, и не мог найти ответа. Казалось, что он искренне переживал за корпорацию и лично за меня, но это могло быть и завуалированной попыткой перетянуть меня на ту сторону. Или угрозой в мягкой форме.

На следующий день я передал Чонгу слова чиновника.

— Кажется, это последний этап. Что будем делать?

Президент Чонг выглядел уставшим. Ситуация, в которую попала корпорация "Хендэ" после событий 26 октября, была чрезвычайно сложной, из которой одним бойцовским духом руководителя было выбраться не так просто.

— Иди и еще раз попытайся договориться. А если не удастся, то придется дать согласие.

Президент Чонг протянул мне печать.

— Господин Чонг, зачем вы мне даете печать?

— Ничего не поделаешь, если ситуация течет в этом русле, не думай, что это на твоей совести.

— Если ставить печать, то это должны делать вы. Да и есть много людей, кого можно отправить в качестве представителя компании.

— Ты все это время ходил, ты и поставь точку в этом деле.

Я взял печать президента Чонга и отправился в комиссию. Как и прежде разгорелся жаркий спор. Я мог опираться только на свое понимание этой проблемы.

— Автомобилестроение это цветок машиностроительной промышленности. Если объединить сферу в одну компанию, это приведет к снижению конкурентоспособности, к трудностям в экспортировании, в результате чего тяготы простых людей, налогоплательщиков, только увеличатся. Посмотрите на опыт Индии. В этой стране только одна государственная компания по производству автомобилей, где не разрабатываются никакие технологии, а из-за низкого уровня управления идут постоянные убытки. Там автомобили старого образца и технические характеристики оставляют желать лучшего. А цены очень высокие. И поскольку производство не масштабное, чтобы купить один автомобиль, нужно ждать несколько месяцев. Всю силу ущерба, при уничтожении конкуренции и образовании одной компании, никогда не понять тому, кто не испытал этого на собственном опыте. Сейчас это может показаться повторными инвестициями, поскольку в экономике сложная ситуация, и индустриализация еще не набрала скорости, но через некоторое время автомобилестроение станет самой выгодной отраслью, как внутри страны, так и в экспорте. Я повторяю, вопрос объединения автомобилестроения требует пересмотра.

— Директор Ли, это решение было сделано на основе документов, составленных квалифицированными экспертами, учившимися за рубежом. А у вас, скажите, какие знания, если вы так упорно настаиваете на своем мнении?

— Я не знаю, на каких основаниях ваши эксперты сделали такие утверждения, но профессионалам, работающим в компаниях, лучше видно настоящее и будущее промышленности страны. Ни в одном экономическом учебнике нет такой теории, что капиталистическая экономика будет успешной, если напрочь исключить конкурентную ситуацию, базирясь только на одной монопольной компании. По началу, действительно кажется, что монопольная компания развивается успешно, но наступит момент, когда этому придет конец. А в конкурентной среде компания может развиваться бесконечно. И потому экономика в таком государстве более устойчивая. Если настаивать на объединении, то можно решить проблему на сегодняшний день, но невозможным станет выход на мировой рынок. И тогда станет ясно, насколько поспешным и необдуманым было это решение.

— Мы здесь не для того, чтобы слушать вашу лекцию. Времени нет, так что соглашайтесь, или ... делайте, как вам вздумается.

Разговор, который начался в первой половине дня, не заканчивался до ночи. После ночи будет день, но от этого ничего не изменится. Обстановка лишь накалялась.

Наконец я вытащил печать президента Чонга и положил ее на стол.

— Если все так неразрешимо, то поставьте печать, согласно планам государства. Я отдаю это в ваши руки.

Я не мог поставить печать своей рукой. Подошел младший офицер и хотел поставить печать, но в тот же момент ответственный офицер, просчитавший мои действия, быстро подошел к столу.

— Оставить!

Этот старший офицер понимал, что если не я, а они поставляют печать, это может стать для них проблемой в дальнейшем. Он приказал подчиненному.

— Все, заканчиваем. Кажется, он так и не понял, в чем тут дело.

Он посмотрел на меня взглядом, полным ярости.

— Можно я пойду?

— Да иди ты! Черт тебя...

— Вам печать оставить?

— Забери свою дурацкую печать и уходи.

Когда я вышел из комиссии, на улице стояла поздняя ночь. В офисе на Квангхвामуне свет горел только в кабинете президента Чонга. Я поприветствовал Чонга, входя в его кабинет. Он долго смотрел мне в лицо.

— Поставил печать?

— Не поставил. Вот она.

— И как же такое получилось?

— Завтра вам все подробно расскажу. Президент Чонг опять взглянул на меня.

— У тебя кровь в глазу.

— Не может быть. У меня все в порядке с глазами.

— Кровь идет. В зеркало посмотри.

Я посмотрел на себя в зеркало у входа в туалет, в глазу действительно скопилась кровь. На носовой платок вытекла темно-красная жидкость. Это были кровавые слезы. Раньше я всегда думал, что это всего лишь литературное выражение, а сейчас я впервые видел кровавые слезы.

Я участвовал в этой стычке, не потому что надеялся победить. Ведь моя логика, которую я противопоставлял членам комиссии, в той политической ситуации могла показаться просто смешной. Я просто высказывал свою веру в здоровую экономику на основах свободной конкуренции, и именно благодаря ей, своей вере, я так долго держался.

В результате, после этого жаркого столкновения, комиссии так и не удалось объединить автомобилестроение в одну компанию, и вопрос передали на рассмотрение в министерство промышленности и торговли.

В министерстве же этот вопрос стал объектом открытого обсуждения. На котором президент Чонг жестко заявил, что объединение — это неправильное, ошибочное решение, в результате чего объединения автомобильной промышленности так и не произошло. А если бы это случилось, то сегодня корейское автомобилестроение не сильно бы отличалось от индийского.

Новое военное правительство и председатель федерации корейских промышленников

С приходом к власти 5-й республики президент Чон Ду Хван начал реформирование системы деловых кругов через изменение структуры федерации корейских промышленников. В тот период федерация корейских промышленников была организацией при министерстве промышленности и торговли, поэтому была в подчинении министра.

Министр промышленности и торговли Со Сок Джун искал меня в срочном порядке по указанию президента Чон Ду Хвана. Я догадался, что это не спроста. В тот период

уже не было жесткого контроля комиссии госбезопасности и чрезвычайных ситуаций, но если верить намеку чиновника, искавшего встречи со мной, в правительстве, в вопросах реформирования была «чрезвычайная ситуация». Я тут же отправился в кабинет министра.

— Директор Ли, желательно, чтобы президент Чонг освободил должность председателя федерации корейских промышленников. И лучше, чтобы он ушел с поста тихо. Я вызвал вас, чтобы сообщить об этом.

— А какова же причина?

— Это не вопрос для обсуждений. Это специальное указание президента. Было бы желательно, чтобы Чонг подал заявление об уходе по собственному желанию в течение трех дней. А если это не будет выполнено...

— Чонг — президент корпорации, в которой я работаю. Если стоит вопрос о председательстве в федерации корейских промышленников, то в этой организации есть заместители председателя, и вы должны в первую очередь связаться с ними. Почему вы говорите об этом мне, ведь я работаю в "Хендэ", а не в федерации? Вы, господин министр, могли бы сами сообщить об этом напрямую.

— Мы уже обсудили этот вопрос между собой. И пришли к выводу, что только вы сможете доложить об этом Чонгу, как есть. Это официальное заявление.

— Но скажите хоть причину.

— У власти новое правительство, значит, в бизнес-кругах тоже должно быть обновление. Разве не так? И нужны новые люди.

Министр не сказал мне прямо о том, кто будет новым представителем бизнес-кругов, но я догадался, что это президент сталелитейной компании в Поханге Пак Тхэ Джун. Тем не менее, я спросил, кто же преемник.

— Кто же займет эту позицию? Насколько вам известно, федерация корейских промышленников это частное объединение. Что же это за новое правительство, которое меняет председателя в одностороннем порядке?

По-видимому, министр был удивлен. Тогда нельзя было себе и представить высказываний против решений президента Чон Ду Хвана.

— Вам нужно только это передать, к чему столько разговоров. Это непростое дело.

Я лучше, чем кто-либо другой, понимал, что это непростое дело.

— Как же я передам слова, которые сам не могу понять? Подумайте сами...

— Директор Ли, это дело не следует обсуждать или понимать. Просто передайте.

Я вернулся в офис и сообщил все, как есть, президенту Чонгу. Такого поворота событий Чонг не ожидал, поэтому было ясно, что он будет обсуждать эту ситуацию со мной.

— Ли, а ты что думаешь? Если неправильно повести себя в такой ситуации, то это может навредить компании.

— Я думаю, что самое главное не говорить об этом никому, и просто подождать. Они приказали освободить должность в течение трех дней, но мы пока не будем делать этого. Даже если уходить с должности, то все должно пройти в официальном порядке. Говорят, что это указание президента, но опять же об этом в точности не известно. И не ясно, что и от кого услышал президент Чон Ду Хван. Надо продержаться как можно дольше, а с принятием окончательного решения успеем.

На самом деле, пост председателя федерации корейских промышленников президент Чонг занял не по собственному желанию. Он согласился занять этот пост в мае 1977 года после долгих уговоров предыдущего председателя Ким Енг Вана. Но по

своему характеру, если президент Чонг начинал какую-то работу, он делал ее с большим энтузиазмом. Причем эта работа никак не была связана с интересами корпорации, поэтому он мог в любое время от нее отказаться. Дело было только в том, что он не мог уйти с поста тихо безо всяких на то оснований, это стало бы просто оскорблением для Чонга.

На следующий день меня опять вызвал министр Со Сок Джун.

— Каков результат?

— Я передал, как вы сказали.

— И что он ответил?

— Он ничего не сказал. Кажется, что президент Чонг пока думает.

— Времени нет. Идите к нему и спросите еще раз.

— Я передал, как есть. Что я могу еще спросить? Я сказал ему, что это срочно. Наверное, он скоро примет решение.

— Я повторяю, что времени нет. Уточните мнение Чонга и сообщите сегодня же.

Я вернулся в компанию и передал сказанное министром, а также добавил от себя, что ни в коем случае нельзя сдаваться. Видимо Чонг был того же мнения и поэтому сказал с уверенностью.

— Ты прав. Нельзя сдаваться просто так. Ладно, если я завершу свой срок и не буду избран на следующих выборах, это одно. Но уходить до окончания срока я не буду.

Это было не первым нашим столкновением с комиссией госбезопасности и чрезвычайных ситуаций, равно как и с пятой республикой. После нескольких конфликтных ситуаций и президент Чонг не хотел сдаваться. Но политическая ситуация в стране была такова, что было сложно что-то предполагать.

Президент Чонг, приняв решение, прямо на моих глазах убирал свои записи, приводил документы на столе в порядок. Наверное, он думал, что они найдут другую причину для его задержания.

— Если меня задержат, значит, это тюрьма. А если посадят, то возьму с собой книги и буду в тюрьме учить английский.

В последний, третий день, мне опять позвонил министр промышленности и торговли.

— Кажется, пока президент Чонг ничего не решил. Он очень серьезно и тщательно обдумывает эту ситуацию. Господин министр, мое мнение таково. Даже если президент Чонг подаст заявление об отставке без всякой на то причины, другие будут думать, что это власти вытеснили его с должности. И будет не очень хорошо, если сложится мнение, что правительство вмешивается в вопросы частной организации. До окончания срока Чонга остался всего год, что если он просто уйдет с должности по завершении срока? Тогда это не нанесет ущерба ни имиджу правительства, ни бизнес-кругам, ни самому президенту Чонгу. Господин министр, попытайтесь сделать такое предложение в вышестоящие инстанции.

Я высказал свое мнение впервые, и оно было отрицательным, поэтому министр заволновался.

— Что же теперь будет-то? Разве вы не знаете, чье это указание?

Президент Чонг сказал, что в это время он был на встрече с заместителем премьер-министра Нам Док У. Заместитель премьер-министра говорил ему то же самое, что передать просил меня министр Со Сок Джун. И уже распространялись разные слухи. Были даже разговоры о том, кто станет следующим председателем федерации. Враги

были со всех сторон. Я настаивал на том, что президент должен твердо оставаться на своей позиции в этой сложной ситуации.

Примерно в то же время у президента Чонга появилась возможность передать свое мнение в кабинет президента. Он собственноручно написал послание, а я его передал. Я встретился с одним из представителей нового военного правительства и попросил передать это послание, сказав о неверности принятого ими решения.

— Разве такое возможно, что новое правительство с приходом к власти, без какой-либо на то причины, меняет руководителя частной организации? Ведь это сформирует в обществе отрицательное мнение, как о правительстве, так и о бизнес-сообществе. Тем более, что до окончания срока президента Чонга остался всего год.

Человек, с которым я встретился, оказался разумным. По тому, что он согласился с моими словами, я понял, что изначально это было не их планом. Президент Чон Ду Хван принял это решение по какой-то другой причине.

— Что-то тут не так.

В конце концов, президент Чонг завершил свой срок в этой должности, и за этот период отношения с властями пятой республики улучшились. Чонг был переизбран председателем корейской федерации промышленников на следующих выборах, и находился в этой должности дольше других председателей.

Абсурдное поражение в тендере

В начале правления пятой республики правительство решило изменить энергетическую политику. Был составлен проект, в котором главный акцент переносился с угля и нефти на введение и активную поставку сжиженного природного газа (СПГ). Согласно этому проекту было принято решение о строительстве крупных установок для хранения СПГ в районе Пхентхэк на берегу Желтого моря. Это было строительство хранилища, в котором уделялось особое внимание безопасности. При очень низкой температуре СПГ в газовом состоянии превращали в жидкость, потом перевозили, а далее хранили в хранилище СПГ при такой же низкой температуре. В Корее на тот момент не было компании, которая могла бы спроектировать и построить такие установки, поэтому правительство решило пригласить на участие в этом тендере зарубежные строительные компании совместно с корейскими.

Строительная компания "Хендэ" заключила контракт по техническому сотрудничеству с лучшей в мире французской компанией в этой области "Техникгаз". Безусловно, в контракте был обозначен и пункт о предотвращении отказа от сотрудничества. Корейская компания, вышедшая на конкуренцию с "Хендэ", была "Ханянг". Компания "Ханянг" участвовала в тендере с японской компанией "Марубэни". По результатам конкурса "Хендэ" заняла первое место, а "Ханянг" — второе. По поводу "Ханянг" и "Марубэни" был сделан вывод, что в этих компаниях уровень технологий не соответствует должному. Из Франции в Сеул прилетел директор компании "Техникгаз", чтобы отпраздновать вместе с нами победу в тендере.

Через несколько дней после его возвращения на родину из французской компании пришло сообщение с просьбой, чтобы руководству "Хендэ" срочно прилетело во Францию. Я постарался вылететь как можно скорее.

При встрече директор компании "Техникгаз" господин Тиро вдруг спросил, не заметил ли я изменений в настрое корейского правительства.

— Что вы имеете в виду?

— Что вы сделаете, если мы не сможем сотрудничать с "Хендэ"?

— Данная шутка совсем не смешна. А если говорить всерьез, то ваша компания должна полностью возместить весь ущерб, как указано в контракте.

С напряженным выражением лица Тиро продолжал говорить.

— А если это произойдет не по нашему желанию, а по распоряжению корейского правительства, то и в этом случае мы должны возмещать ущерб?

Только тогда я понял, что возникли большие проблемы. Директор Тиро сказал, чтобы я по возвращении уточнил настроения в корейском правительстве, и высказал свои извинения. Вернувшись в Корею, я отправился в корейскую государственную корпорацию по электричеству. В корпорации, как ни в чем не бывало, сказали, что контракт с "Хендэ" признан недействительным, и принято решение о работе с "Ханянг". У меня не было слов.

— Вы ведь сами сделали оценку, что "Хендэ" предложила самую выгодную цену проекта, а что касается технологических проблем, то они были и у других компаний. Как же так, что тендер перешел к "Ханянг"?

— При сотрудничестве "Ханянга" с французской "Технигаз" проблем с технологиями не будет.

Я просто потерял дар речи. Ведь это происходило не в какой-то отсталой африканской стране, а в стране, которая уже догоняла самые развитые страны, вдобавок, обладала лучшей в мире строительной компанией.

Я сказал, что так это не оставлю и вышел из корпорации. Тогда ко мне обратился ответственный по вопросам экономики из кабинета президента и сказал, чтобы строительная компания "Хендэ" отошла от дел. То есть, сказали то же, что и в корпорации по электричеству.

— Вы ведь сами не просто государственный чиновник, вы получили докторскую степень в США, вы ученый... Я хорошо знаю вас, как человека. И как же вы можете принять такое несправедливое решение по тендеру? Ведь это не только проблема строительной компании "Хендэ". Какое мнение сложится о корейском правительстве у иностранной компании? Тем более что у нас был неоднократный опыт сотрудничества с французскими фирмами на Ближнем Востоке. Если в родной стране к компании не относятся должным образом, то также будет и за рубежом. Лучше отмените результаты тендера. А после этого, создадите, если считаете нужным, консорциум "Ханянг" и французской компании для повторного участия в тендере. Тогда я пойму и приму это решение.

Следом прозвучали слова, которые было еще трудней понять.

— Вы что, разве не собираетесь дальше работать в Корее? Если вы просто не согласитесь с этим, то произойдет такое, о чем вы даже не предполагаете. Доложите об этом президенту Чонгу

Узнав об этом, Чонг встретился с ответственным по вопросам экономики из кабинета президента, но ничего не изменилось.

Потом приехали из французской компании с извинениями и просьбами. Компании, которая собирается работать в Корее, было трудно игнорировать указание корейского правительства о сотрудничестве с "Ханянг", поэтому они просили "Хендэ" понимать их положение.

На самом деле, с французской стороны никаких нарушений не было. Можно было, конечно, предъявить контракт, но невозможно было требовать возмещения ущерба, потому что причиной нарушения контракта было корейское правительство. Наконец, мы отступили. Это было абсурдное поражение, не соответствующее никакой логике.

Открытая война из-за атомной электростанции Енгванг

— Разыскиваем директора строительной компании "Хендэ" Ли Мён Бака.

Я услышал это объявление, когда сидел в зале ожидания в международном аэропорту Чанги Сингапура, чтобы улететь в Таиланд. Я побежал в справочное бюро и взял телефонную трубку, президент Чонг говорил второпях.

— Ли, возвращайся в Корею как можно скорее. Контракт по строительству атомной электростанции отменен.

— Как это могло произойти?

— Только что заместитель премьер-министра выступил на пресс конференции. Поверить в это просто невозможно. В общем, приезжай немедленно.

Это случилось в декабре 1987 года, когда правление пятой республики подходило к концу, и шла ожесточенная кампания по выборам 13-го президента. Тогда же Корейская электрическая корпорация объявила тендер на строительство третьего и четвертого блоков АЭС в Енгванге.

На тот момент в стране было всего 6 компаний, у которых был опыт строительства атомных и теплоэлектростанций, причем атомные строили только "Хендэ" и "Донга".

Атомная электростанция состоит из двух частей: из реактора, в котором вырабатывается энергия, и из электрооборудования, в котором из выработанной энергии создается электричество.

В случае уже построенных в Корее АЭС Гори 1 и 2, Вольсонг 1 и 2 строительная компания "Хендэ" была ответственной за реактор, а "Донга" за электрооборудование. Потом строительная компания "Хендэ" сама выполнила два этих этапа при строительстве Енгванг 1 и 2, и стал единственной компанией в Корее с ноу-хау по полному строительству АЭС.

Опыт строительства АЭС был важен сам по себе. Правительство планировало строительство третьего и четвертого блоков АЭС в Енгванге как «под ключ», и только компания "Хендэ" могла участвовать в этом тендере с опытом полного строительства атомной электростанции. Идеальным вариантом было бы поручение строительства "Хендэ" по свободному контракту.

Правда, тогда свободный контракт был всего лишь пожеланием. В законе о бюджете и расчетах была статья, согласно которой нельзя было заключать свободный контракт с определенной компанией на строительство такого масштаба. Это были меры регулирования в целях предотвращения преференций. Но, на самом деле, причина, по которой строительство не было передано "Хендэ" по свободному контракту, заключалась в политике. После вмешательства правительства в вопрос по управлению нефтяной компанией Кыктон между руководством пятой республики и президентом Чонгом возникли разногласия, поэтому "Хендэ" находилась в невыгодной ситуации.

Но правительство было вынуждено остановиться из-за происшествия в США. Тогда случилась авария по утечке радиоактивного вещества на атомной электростанции "Три-Майл", и весь мир задался вопросом о безопасности АЭС. Разрешение этой мировой проблемы сводилось к простому: компании без опыта нельзя участвовать в строительстве атомной электростанции.

В частности, компания с мировым именем "Браун Рут" прекратила строительство атомной электростанции в Техасе США по решению агентства по контролю о несоответствии уровня ее работ. В результате этого компания понесла убытки в миллиард долларов, а проект был передан компании «Бектель».

На церемонии начала строительства АЭС

Все внимание мира тогда было обращено на АЭС, но, все равно, отдавать проект "Хендэ" правительству не хотелось. Несмотря на это, наконец, Корейская энергетическая корпорация объявила о тендере в газетах, добавив информацию о новых условиях для участия в строительстве.

Просмотр поданных документов прошла только одна компания — "Хендэ". Был объявлен второй тур тендера, но результат оказался как прежним. Согласно законодательству, с компанией, прошедшей два тура тендера, по результату третьего заключался свободный контракт. В те времена почти на все строительные заказы правительства выделялась финансовая поддержка в политических целях. А этот проект АЭС привлекал всеобщее внимание, как в стране, так и за рубежом, из-за вопросов безопасности, поэтому политического влияния на него просто не могло быть. В высших кругах это, наверняка, вызывало немалое недовольство.

После утверждения контракта на строительство Енгванг 3 и 4, я вылетел в Сингапур по делам строительного проекта в Юго-Восточной Азии. Но пока меня не было в Корее, случилось неожиданное. На совещании с участием заместителя премьер-министра, руководителя ведомства безопасности и других высокопоставленных лиц пришли к выводу, что свободный контракт с компанией "Хендэ" имеет много недостатков. После чего заместителем премьер-министра была устроена пресс-конференция, и на которой объявили об отмене контракта и новом, повторном тендере на строительство АЭС. Ситуация была очень серьезной. Хотя был телефонный разговор с Чонгом в аэропорту, я не мог отменить встречу в Таиланде, да и повторное участие в тендере займет не два-три дня. Поэтому я пришел к выводу, что дело не такое срочное и отбыл в Таиланд по плану.

Я добрался до гостиницы в 2 часа утра, лег было спать, но тут же меня разбудил звонок президента Чонга. Было 6 утра.

— Все же ты должен приехать, как можно скорее.

— Сейчас борьба с правительством только начинается. Работы здесь в Таиланде только на три дня, но я все закончу за пару дней и сразу же приеду. Так что не волнуйтесь.

— Не волноваться? Что это значит?

— Вопрос атомных электростанций не подвластен политике. В правительстве, очевидно, сделали какую-то ошибку. Если поднять вопрос о законности свободного контракта, который мы заключили, то у нас есть шансы на победу. Я возьму на себя это дело до конца. Я сказал это с такой уверенностью, что Чонг уступил.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но подожду до твоего возвращения.

Я закончил дела в Таиланде за два дня, вернулся в Корею и встретился с заместителем премьер-министра Чонг Ин Енгом. Он занимал должность министра финансов в период, когда "Хендэ" понесла убытки из-за вопросов контроля нефтяной компании Кыктон.

— Как же правительство, не предупредив заранее, может отменить контракт в одностороннем порядке? Это прямое нарушение закона. Вы подняли проблему, потому что контракт свободный, но на самом деле это не так. Это был тендер с жесткой конкуренцией в три этапа. И "Хендэ" соответствовала всем требованиям, поэтому после третьего этапа был заключен по закону свободный контракт. Разве это не так?

Отмена такого контракта, заключенного в результате справедливой процедуры, явное нарушение закона со стороны правительства. Правительство должно отменить свое решение, иначе мы подадим на него в суд.

Когда я выходил из кабинета заместителя премьер-министра, я встретился с директором Корейской электрической корпорации Пак Джонг Ги.

— Если вы согласитесь с решением заместителя премьер-министра об отмене контракта, то это будет признанием не действительности заключенных вами же контрактов. Вы, господин Пак, сможете доказать свою правоту, только осуществив проект по заранее установленному плану. На основании законного, подписанного вами документа. А если вы так не сделаете, то именно вам придется нести всю ответственность за расторжение контракта.

Понятно, что директор электрической корпорации оказался в затруднительном положении. В СМИ уже сообщили об отмене контракта, и об этом доложили президенту. Для директора было невозможно идти наперекор решению, о котором уже уведомили самого президента страны.

Затем я встретился с министром энергетики и природных ресурсов Че Чанг Раком.

— Недопустимо, что строительство, соответствующее законодательству, было отменено по политическим причинам. Если контракт заключили бы под политическим влиянием, то еще можно было допустить его отмену, но данный случай просто абсурдный. Какова логика правительства?

Министр Че хорошо понимал ситуацию. Он молчал, потому что ему просто нечего было сказать. Потом директор электрической корпорации, предупреждая, что это говорится неофициально, передал мне слова министра Че. По его словам, министр Че согласился с тем, что в этом деле есть явные противоречия, но для министра было непросто обсуждать решение, принятое в высшей инстанции.

Тогда я опять встретился с министром Че.

— Я хотел бы, чтобы вы хотя бы в душе согласились с моими замечаниями. И если сложится ситуация, когда мы будем открыто обсуждать эту тему, вы могли бы просто высказать свое мнение.

Я не хотел ставить министра в сложное положение. Я просто хотел убедить его в справедливости своих замечаний, и я этого добился.

Конечно, строительная компания "Хендэ" боролась не с таким правительством, которое могло легко отменить свое высказывание на пресс-конференции для одной компании, и вернуть все на прежние места.

Тем не менее, после встречи со мной директор электрической корпорации Пак начал действовать в полном соответствии с обязательствами контракта с "Хендэ", не последовав распоряжению правительства. Мнения специалистов корпорации сошлись на том, что при малейшей неосторожности в строительстве атомной электростанции возникнет вероятность крупномасштабной аварии. Тогда власти пятой республики, чтобы поскорей покончить с «контрактом с "Хендэ"», сняли с должности директора Пака, который в управленческих кругах был единственным выпускником той же высшей технической школы Тэгу и Корейской военной академии, что и президент Чон Ду Хван. По-видимому, для правительства это было срочным делом.

На должность директора электрической корпорации назначили Хан Бонг Су. Таким образом, отношения между правительством и "Хендэ" становились все более напряженными, ситуация накалялась. Тогда компания "Хендэ" с участием адвокатов подготовила иск и сообщила об этом в правительство. Иск был адресован директору корейской электрической корпорации и министру энергетики и природных ресурсов. Я сказал директору Хан Бонг Су.

— Господин Хан, вы новый человек, поэтому рассмотрите вопрос и примите свое решение по нему. Вы с объективной точки зрения сможете оценить действия предыдущего директора.

Даже директор Хан, который вначале говорил, что решение об отмене контракта уже принято правительством, и что, хотя "Хендэ" права, то уже ничего не поделаешь, потом после подробного рассмотрения дела был вынужден признать законность контракта с нашей компанией. В результате этого правительство было загнано в тупик. В конце концов, меня вызвал министр энергетики и природных ресурсов.

— "Хендэ" должна признать авторитет правительства. Какой бы ни была ситуация, нельзя ведь опять отменить уже отмененное. Советую вам еще раз принять участие в тендере наряду с компанией "Донга", у которой есть опыт строительства АЭС.

Предложение министра Че не соответствовало правилам, но я согласился с ним. Потому что от этого действительно зависела репутация правительства. Но я поставил одно условие.

— Нельзя объявлять тендер по общей сумме. АЭС — это очень важное строительство, поэтому тендер должен быть с предоставлением расчетов по статьям.

Для тендера с расчетами по статьям был необходим технический анализ. В компании, у которой не было опыта строительства АЭС, составление таких расчетов было невозможно. При таком тендере победа была гарантирована нашей компании. Правительство приняло мое предложение. Тогда объявление тендера с этими условиями вызвало много разговоров.

Наконец, тендер по строительству АЭС Енгванг 3 и 4 выиграла строительная компания "Хендэ". Это был весьма странный случай, в котором дважды выигрывалось право на строительство одного объекта. Конечно, в официальных источниках не останется информации о том, что это было строительство, осуществлявшееся на справедливой основе, без традиционного финансирования от компании, получившей крупный заказ от государства.

Потом, в период правления шестой республики, когда оппозиционная партия была сильнее правящей, проводилась государственная проверка в электрической корпорации. Одним из основных объектов проверки был тендер и строительство АЭС Енгванг. Бывшего директора Пак Джонг Ги и меня вызвали в качестве свидетелей в Национальную ассамблею.

В ассамблее были подозрения о незаконном поручении строительства АЭС определенной компании. Целью этой проверки было раскрыть незаконное предоставление преференций в процессе «сведения счетов с пятой республикой». После клятвы свидетеля я попросил слова.

— Перед тем, как члены Национальной Ассамблеи будут задавать мне вопросы, я хотел бы сказать о некоторых особенностях, связанных с контрактом по АЭС.

Я коротко рассказал об особенностях контракта на строительство АЭС, когда в проектах Гори 1 и 2 "Хендэ" участвовала как субподрядчик компании "Вашингтон Хаус" США, а потом стала единственной в Корее компанией, способной осуществить весь процесс строительства самостоятельно. И сообщил, как выбирают строительную компанию по АЭС в развитых странах.

— В парламентах развитых стран объектом тщательной проверки становятся те компании, которые выиграли тендер по строительству АЭС, предложив самую низкую стоимость проекта. А у нас в стране наоборот. Потому что мы недооцениваем вопросы безопасности. В Корее думают, что строительство дороги и АЭС это одно и то же. Но ремонт дороги возможен, а в случае аварии на АЭС, выхода уже не будет. Только в Корее поднимают вопрос, почему тендер не осуществлен в обычном порядке, и не смотрят, что проект выполнен компанией с опытом строительства АЭС.

После моего объяснения никто из членов Национальной Ассамблеи не задал мне ни одного вопроса.

После двух тендеров и открытой борьбы с правительством корпорация "Хендэ", преодолев все трудности, успешно осуществила строительство АЭС. И это был наш успех, к которому мы пришли после поражения в тендере по строительству хранилища СПГ. Тогда я мог с лихвой убедиться, как не рационально авторитарное правительство со своими агрессивными и бесполезными чиновниками. После этого я всегда старался противостоять бюрократизму.

Уроки мы извлекаем не из успеха, а из поражения. И если посмотреть на жизнь с такой точки зрения, то хорошо, что люди помнят плохое дольше, чем хорошее.

Успех не нужно хранить в памяти. Успех будут помнить другие. Но свои поражения надо крепко-накрепко запоминать самому. Ибо, если забыть о поражении, то однажды оно может повториться.

По всему миру

Премьер-министр Махатхир начал свое выступление, и среди зрителей часто раздавался громкий смех. Я ничего не понимал, но думал, что, вливаясь в общую атмосферу, надо смеяться вместе со всеми. Один из малазийских чиновников слегка толкнул меня в бок: «Директор Ли, вы знаете, над чем смеетесь-то? Он говорит, что строительная компания "Хендэ"— это Али-Баба, то есть, вор. Что мы должны как можно быстрее всему научиться, чтобы прогнать из страны этих воров».

Мэр Багдада Вахаб и выход на иракский рынок

Во время получения заказа на строительство промышленного порта Джубайль директор и начальник подразделения "Хендэ" были арестованы в Саудовской Аравии. Это случилось в результате заговора нескольких представителей местной королевской знати с крупной компанией одной из развитых стран. Этот инцидент непосредственно демонстрировал, насколько сложно выходить развивающимся странам на международную арену, где всем заправляют страны развитые.

Без официального суда королевское правительство Саудовской Аравии, не дав сотрудникам возможности оправдаться, обложила "Хендэ" штрафом в 100 млн. долларов. А также наложила запрет: компания на 2 года не имеет права участвовать в строительных тендерах в этой стране.

Два высокопоставленных сотрудника "Хендэ" были арестованы, и компания предпринимала все, чтобы разрешить этот вопрос. На место директора в Саудовской Аравии был приглашен Джанг У Джу, работавший директором акционерной компании по зарубежному строительству при министерстве строительства. Он хорошо владел иностранными языками и проявил себя наилучшим образом, проработав в "Хендэ" более 10 лет, Джанг столкнулся с множеством проблем (сейчас он управляет корейско-американским институтом менеджмента, и до сих пор мы поддерживаем с ним хорошие отношения).

Для их разрешения мы часто и подолгу переговаривали по телефону с той стороной, а так как это было важным вопросом и для Саудовской Аравии, все наши разговоры подслушивали. Тогда мы придумали секретные пароли и говорили совсем о другом. Например, фраза «я встретился с человеком из правительственного комплекса» означала встречу с министром внутренних дел.

Из-за сложившейся ситуации президент Чонг часто отправлял меня туда в командировку. По два-три месяца я проводил за рубежом и делал все возможное, но разрешить проблему никак не удавалось. В результате мы решили уйти из Саудовской Аравии и найти другой строительный рынок.

После успеха революции Саддама Хусейна Ирак стал социалистической страной, поэтому у него не было дипломатических связей с Республикой Корея, соответственно и визы корейским бизнесменам не выдавались. Самым уважаемым человеком для Хусейна был Ким Ир Сен, и, конечно, у него не было никаких причин проявлять теплое отношение к южнокорейским предпринимателям. Тем не менее, не смотря на все эти политические препятствия, для строительной компании "Хендэ", искавшей альтернативный рынок, Ирак являлся очень привлекательной страной.

У правительства Ирака были амбициозные инвестиционные планы. С 1976 по 1980 год в рамках третьего этапа пятилетнего плана развития было вложено 45 млрд. долларов, а на четвертый этап с 1985 года планировалось выделить 75 млрд. долларов. Это был второй по величине рынок на Ближнем Востоке после Саудовской Аравии. Особо привлекательным в иракском рынке было то, что в отличие от Саудовской Аравии, где инвестиции в инфраструктуру были уже ограничены, здесь этот процесс только начинался.

В марте 1978 года "Хендэ" удалось создать первый «плацдарм» для выхода на рынок Ирака. Группа по заказу в Ираке, которой руководил заместитель директора Чон Габ Вон, выиграла международный тендер на строительство первого этапа канализационной системы в Басры, втором по значимости городе Ирака, предложив самую низкую стоимость проекта. Которая была намного ниже, чем у конкурирующих европейских компаний, поэтому победу можно было ожидать. И это был реальный шаг для выхода на рынок Ирака.

Тогда президент Чонг дал мне поручение, несмотря на мою занятость в делах компании внутри страны: «хотя в Корее много работы, тебе следует чаще выезжать за рубеж». Для того, чтобы разрешить вопрос по въезду и безопасности инженеров и

рабочих в стране, с которой не было заключено дипломатических отношений, а также, чтобы решить другие вопросы перед началом строительства, я поехал в Ирак через Кувейт наземным транспортом. Ирак был страной противоречий, куда, несмотря на то, что я был директором компании, получившей иракский заказ, я не имел официального права на въезд. Поэтому я ехал в Багдад, как герой кинофильма про шпионов.

— Каким же образом южнокорейской компании удалось заполнить этот заказ?

Первой реакцией представителя одного из иракских ведомств, было возмущение, второй — уверенность в неосуществимости проекта.

Долгое время, находясь в Багдаде, мы пытались найти хоть какую-то связь с революционным правительством Ирака. Ибо другого выхода не было. В одном из багдадских кафе под названием "Мулен Руж" мы пытались получить информацию об иракском правительстве у государственных служащих. Вдруг к нам подошла женщина азиатской внешности и сказала, что она из Японии.

Я вышел в туалет, и женщина, оглядываясь по сторонам, пошла за мной. Она убедилась, что в коридоре никого нет, и обратилась ко мне.

— Вы из Кореи?

Она была кореянка. Я думал, что наша группа из "Хендэ" — это первые корейцы, которые ступили на землю Ирака после революции, но эта женщина приехала раньше нас.

— Я слышала, что здесь можно заработать, заключила фиктивный брак с иностранцем и приехала сюда. Если узнают, что я кореянка, меня сразу же депортируют. А вы как сюда приехали?

У меня стоял ком в горле. Эта слабая женщина приехала одна в мусульманскую социалистическую страну, чтобы заработать, а строительная компания "Хендэ" была крупнейшей в Корее. Тем не менее, у нас с этой одинокой женщиной была единая цель: заработать здесь доллары. В старом кафе Багдада я еще раз утвердился в своем желании — получить для компании должное место в Ираке.

Через несколько дней мне, наконец, удалось ухватиться за соломинку, дававшую какую-то надежду. Это была подсказка местного чиновника: встретиться с мэром города Багдада Вахабом. Саддам Хусейн задумал свою революцию именно в доме Вахаба, когда мэр был еще студентом юридического факультета, настолько важной личностью он был в Ираке. Мы ничего не знали об Ираке, не было даже информации о том, кто находился во главе революционного правительства. Информация, которую нам удалось раздобыть в американском посольстве в Корее, была не больше той, что помещалась в энциклопедии.

Встретиться с мэром Вахабом было непросто. На несколько просьб о встрече я получил твердый отказ. Но я опять попросил переводчика мэрии.

— Передайте, что я хочу встретиться хотя бы раз. Передайте, что я хочу встретиться не как представитель компании из Южной Кореи, а как человек, приехавший из далекой восточной страны, который проявляет симпатию к молодым революционерам.

Несмотря на то, что это тоже была страна Ближнего Востока, но здесь не было системы привлечения местного агента по заказу строительства. То есть, это была «чистая» страна, где не действовали ни официальные, ни неофициальные взятки. Поэтому, чтобы встретиться с руководителем такой чистой и высокоморальной страны, единственным способом было обратиться с «человеческой» просьбой.

В конце концов, Вахаб дал согласие. На встречу отводилось всего 10 минут, приемная мэра была простой и скромной. Мэр был в гражданском, но его одежда чем-то походила на военную, а на боку у него висел револьвер.

— Я слышал, что всю свою жизнь вы посвятили реформам в стране. Я думаю, что для мужчины самым большим благом в жизни является беззаветное служение своей родине.

— Да.

Тут Вахаб сказал.

— Я сплю по три-четыре часа в день. Я работаю на создание новой страны, поэтому в любом случае мне не хватает времени. Сейчас я тоже выделил очень ценное для себя время, чтобы встретиться с вами.

— Я тоже до сих пор никогда не спал более трех-четырех часов в день. Может быть, у нас с вами есть много общего.

— Вы работаете в частной компании, почему же вы работаете так, что времени для сна не остается?

Вахаб проявил интерес. Уже прошло 10 разрешенных минут.

— Я родился в очень бедной стране. И сейчас мы до конца не справились с бедностью. Мы работали день и ночь, чтобы победить бедность и укрепить нашу страну. Я работаю на компанию, но в капиталистическом государстве в центре внимания именно частные предприятия, поэтому моя работа — это на благо страны. Лично я рос в очень бедной семье, поэтому борьба с бедностью была не просто моей личной задачей, но и долгом перед государством. Я хочу работать в вашей стране, основываясь на опыте страны нашей, которая побеждает бедность и развивает свою экономику. Мы получили заказ, но из-за ряда сложностей работа не продвигается. Мы отличаемся от европейских компаний. Корейцы честные и трудолюбивые. Мы относимся к работе с точки зрения товарищей, которые хотят справиться с бедностью. Я впервые на Ближнем Востоке вижу такую чистую и справедливую страну, как ваша. И я очень хочу поработать в вашей стране.

Внимательно слушая меня, Вахаб отстегнул с пояса револьвер и сказал, чтобы я сел ближе. Постепенно у него исчезали предрассудки о стране, близкой враждебной им Америке. Он проявил непритворный интерес, когда я начал рассказывать об опыте строительства и проектах компании "Хендэ". Он вызвал секретаря и сказал, что встреча затягивается, и попросил, никого к нему не впускать.

В конце концов, встреча, рассчитанная на 10 минут, продлилась 2 часа. Мы обнаружили очень много сходств во взглядах на государство, на отношение к работе, на историю Ближнего Востока и Азии, а также в личных вопросах. Казалось уже, что мы были старыми друзьями. Я сказал, что в следующем месяце опять приеду в Багдад, и спросил, можно ли будет снова с ним встретиться, на что Вахаб с радостью ответил, что будет ждать.

— Я принес одну вещь, которая украсит ваш офис, если вы оставите ее здесь, для меня это будет большая честь.

— А что это?

— Я оставил у секретаря.

Любые подарки были запрещены, поэтому модель судна Кобуксон, которую я принес с собой, я оставил у секретаря. Вахаб приказал принести подарок в кабинет.

— Это модель корабля в форме черепахи (кобук). 400 лет назад, когда Япония попыталась напасть на нашу страну, знаменитый адмирал Ли Сун Син впервые сделал такое судно со стальным панцирем. Благодаря этому судну адмиралу Ли удалось победить многочисленный японский флот. Если вы оставите себе это судно Кобуксон, символизирующее победу, оно будет помогать вам в работе.

— Хороший подарок.

Вахабу понравилось.

Таким образом, судно Кобуксон, изобретенное адмиралом Ли Сун Сином, заняло место возле молодого революционера Багдада.

Пользуясь гостеприимством революционного правительства

После встречи с Вахабом мне предстояло преодолевать сложности на деле. Это была проблема с визами для инженеров и строителей. Хотя я и познакомился с Вахабом, проблемы оставались реальностью.

У наших стран не было официальных дипломатических отношений, поэтому, чтобы попасть в Ирак, корейские рабочие должны были пройти сложную процедуру: поехать в соседний Кувейт и ждать там 10 дней, а то и месяц, пока не выдадут визы. К тому же это была виза не для группы, а отдельно для каждого работника, поэтому нельзя было даже составить четкий план по привлечению рабочих. Для отлаженного строительства необходимо было консульство, поэтому мы сделали запрос в министерство иностранных дел, где ответили, что до развития дипломатических отношений и создания консульства в Ираке еще далеко.

Я поехал в Ирак и снова попросил о встрече с мэром Вахабом. Он сообщил мне о встрече в полдень в охотничьем клубе в центре Багдада.

Местом встречи был закрытый клуб для чиновников на уровне министра и выше. Мы встретились, Вахаб спросил о делах в Корее. Во время обеда мы разговаривали о модели экономического развития Кореи, и вдруг он сказал.

— Дипломатически мы близки с Северной Кореей. Вы должны действовать здесь осторожно. Будет немало сложностей.

Он начал разговор на необходимую мне тему, поэтому я просто рассказал о своих проблемах.

— Да, в самом деле, очень много трудностей. Но самое важное, даже не это, а то, что строительство по проекту для вашей страны практически невозможно начать. Даже я, директор, должен был ждать в Кувейте три дня, чтобы приехать сюда. А в случае рабочих это займет больше месяца. Вовремя не могут приехать сюда сотни рабочих, как же строительство можно тогда начать? Нужно искать какой-то выход.

— И что же можно сделать?

— Мы просим выдать нам групповую визу. Это практикуется во всех странах для рабочих.

— Хорошо. Представьте документы, которые нужны для групповой визы.

После обеда, перед тем, как попрощаться, Вахаб крепко обнял меня и сказал.

— Я очень рад, что встретил хорошего друга. Мы все равно, что братья. Да нет, мы настоящие братья.

Вахаб хорошо знал литературу и был очень сентиментальным. Во время беседы он часто говорил о литературе Востока и Запада, и любил использовать литературные выражения. Он был идеалистом, похожим на молодого литератора, который жил в суровой политической реальности.

Вахаб всегда соблюдал данные им обещания. На следующий день, после того, как мы пообедали, он позвонил мне.

— В нашем министерстве иностранных дел сказали, что специально для работников вашей компании предоставят выгодные условия.

Благодаря помощи Вахаба нашим рабочим выдали групповую визу.

Через месяц я в третий раз приехал в Ирак и позвонил мэру Вахабу. Я нашел причину для встречи: в прошлый раз он угостил меня обедом, а сейчас наступила моя очередь. Я зарезервировал места в хорошем ресторане в Багдаде. Он сказал, что придет с двумя друзьями.

Друзья, которые пришли вместе с ним, были министрами жилищного строительства и промышленности. Эти министры, как и Вахаб, были центральными фигурами революционного правительства. Среди них особенно важным человеком был министр промышленности. Вахаб представил их.

— Эти люди для меня все равно, что старшие братья. Для работы в нашей стране тебе обязательно понадобится их помощь.

Вахаб сказал это так, будто знал, о чем я думаю. Министр жилищного строительства был главным ответственным по нашему проекту. Неизвестно, сколько понадобилось бы мне времени, если бы я сам захотел с ним встретиться. Два министра проявили ко мне доброжелательность. У нас сразу сложились дружеские отношения. Это была та человеческая близость, которую невозможно было почувствовать при общении с людьми из других стран Ближнего Востока. И я был этому приятно удивлен.

Министр промышленности проявил большой интерес к моему рассказу о корпорации "Хендэ", особенно о наших возможностях строительства электростанции. Когда два министра ушли и мы остались вдвоем с Вахабом, я начал говорить, что для дальнейшей работы нужно открыть в стране консульство. Он оказался в замешательстве, поэтому я не стал продолжать разговор дальше.

Еще через месяц, я прибыл в Багдад в четвертый раз и только распаковывал вещи в гостинице. Мои новые друзья, которые узнали о моем прибытии через свои каналы, немедленно связались со мной. Сначала на ужин пригласил министр промышленности. А через некоторое время и министр жилищного строительства. Я сказал, что уже договорился о встрече за ужином, что его очень огорчило.

Ресторан, в который меня пригласил министр промышленности, был расположен на пригорке на берегу реки Тигр. Это было прекрасное место с 400-летней историей. Когда я туда приехал, меня ждали четверо человек: министр промышленности, министр жилищного строительства, огорчившийся моим отказом, мэр Вахаб, и еще один новый друг. Вахаб узнал о том, что я приезжаю, они все захотели пригласить меня на ужин, но потом договорились собраться вместе. Он рассказал мне об этом, а потом представил нового друга.

— Это министр добывающей и легкой промышленности. Ты же сказал в прошлый раз, что у вашей компании есть богатый опыт в строительстве электростанций. Электростанции нам очень нужны. А это вопрос контролируемый его министерством, поэтому мы пришли вместе с ним.

С каждым днем я был все больше благодарен Вахабу и его друзьям. Мы допоздна пили спиртное, похожее на корейскую соджу. Название его тоже было похоже на корейское, и в языке Ближнего Востока были и другие схожие слова. Они тоже называли отца «эби», а мать «эми». Говорят ведь, что цивилизация пришла в период империи Силла вместе с арабами. И в самом деле, Ирак и Корея были двумя странами, расположенными на двух концах Шелкового пути. Мы откровенно общались, свободно беседуя о древней цивилизации и нашей исторической судьбе.

— До сих пор мы работали с компаниями или правительствами развитых стран: Японии, Англии, Германии, Франции и прочих. Но они не были нашими настоящими партнерами. Теперь мы хотим работать только с вами. Мы будем предоставлять вам

различную информацию в будущем с тем, чтобы вы выиграли в честной конкуренции с компаниями развитых стран.

На следующий день после встречи в ресторане на берегу реки Тигр, меня пригласил министр добывающей и легкой промышленности, и сказал мне это при встрече.

Благодаря такому отношению руководства Ирака, через определенное время, строительная компания "Хендэ" добилась большого успеха и получила заказ «под ключ» на строительство ТЭС Аль-Мусаиб стоимостью в 720 млн. долларов. Этот заказ был получен после жесткой конкуренции с японской компанией. Но, откровенно говоря, у компании "Хендэ" не было достаточного опыта для строительства под ключ ТЭС такого масштаба. В Ираке также прекрасно это осознавали.

Но было несколько причин, по которым они поручили нам государственный проект, давая при этом советы «привезите материалы из Японии, и постройте, получая помощь от японских специалистов в инжиниринге». Основной причиной была выгода для их государства. Сыграла важную роль и гордость Ирака, они не хотели выглядеть приниженными перед высокомерными развитыми странами. И конечно, на ход дела повлияли мои иракские братья и друзья.

Также нам удалось заключить контракт «под ключ» с министерством жилищного строительства по строительству жилого комплекса Саммара Палуджа на 820 млн. долларов. Уже было ясно, что правительство Ирака определило "Хендэ" и другие высококвалифицированные корейские компании как свои постоянные экономические партнеры-компании. Для "Хендэ" это оказалось достаточным возмещением потери рынка Саудовской Аравии.

Пикап «Пони» для Ирака

Однажды, когда я был в Ираке, мэр Вахаб посадил меня в машину и повез во дворец президента со словами, что познакомит с одним человеком.

— Человек, к которому мы едем на встречу, на самом деле является главным управляющим экономической политикой нашей страны. Официально он занимает должность заместителя главы правительства, но в действительности он второй человек в нашем государстве.

В Ираке, отдельно от кабинета министров, функционировал революционный комитет, где принимались основные решения и составлялись важные политические планы. Главой этого комитета был президент и глава правительства Саддам Хусейн, а руководством правительства как раз занимался тот самый второй человек государства, заместитель главы правительства, с которым меня обещали познакомить. Я спросил у Вахаба.

— Что нужно сказать заместителю главы правительства?

— Ты же говорил в прошлый раз о дипломатических отношениях между нашими государствами. Вот и скажи об этом.

Вахаб был мудрым и тонким человеком. Когда я в прошлый раз начал говорить об этом, он немного растерялся, поэтому я больше не упоминал, но он не забыл и устроил эту важную встречу.

Когда я вошел в кабинет заместителя главы государства, там стояла телевизионная камера. В тот день в вечерних новостях была показана наша встреча, мое рукопожатие с заместителем главы правительства. После обмена словами вежливости заместитель главы правительства начал разговор.

— Я впервые встречаюсь с представителем иностранной строительной компании. Я слышал, что вы очень хотите работать в нашей стране. Я думаю, что если вы будете стараться, то обязательно получится хороший результат.

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах. Но для успешного продвижения нашей работы я бы хотел кое о чем вас попросить.

— О чем именно?

— Сейчас приезжает очень много рабочих из нашей страны, а в дальнейшем придет еще больше, для успешного завершения строительного проекта. А из-за отсутствия дипломатических отношений между нашими странами возникают сложности не только в свободном въезде и выезде из страны, но и в самой работе.

Лицо заместителя главы правительства потемнело. Совсем недавно, чтобы поздравить с днем революции, в Ирак приезжала делегация из 30 человек во главе с заместителем главы правительства Северной Кореи Пак Сонг Чолем. Тогда Пак Сонг Чоль обратился с протестом к иракскому правительству из-за их сотрудничества с южнокорейскими компаниями, требуя немедленно выдворить эти фирмы. Именно мэр Вахаб выступил против такого требования Северной Кореи.

— Если компании из вашей страны могут выполнить работу вместо строительной компании "Хендэ", то пусть приезжают и делают. Но вы же не сможете этого сделать. Мы просто сотрудничаем с южнокорейцами, что не означает никаких изменений в отношениях между нашими государствами.

Это было единственным способом успокоить Северную Корею, и в такой не простой ситуации реакция заместителя главы правительства была естественной. Но я продолжал.

— Я не прошу вас, чтобы были установлены дипломатические отношения между нашими странами. Мы приехали в Ирак, чтобы работать, и думаем, что для успешной деятельности в вашей стране, необходимы минимальные условия, приемлемые для вашего государства. Я говорю только о том, что было бы хорошо, если были бы приняты меры по организации работы консульства.

— Этот вопрос следует еще обдумать.

Со стороны заместителя главы правительства его ответ не было ни согласием, ни отказом. Стратегическая задача компании, как в дипломатии, заключалась в том, чтобы воспользоваться малейшей имеющейся возможностью. Я посоветовался с Вахабом по этому вопросу. Подумав какое-то время, он высказал свое мнение.

— Для нашего правительства очень сложно принять решение по этой просьбе. Как строительная компания "Хендэ" может выразить свою благодарность?

— Мы производим автомобили. Мы привезем 50 автомобилей, произведенных нашей компанией.

Я сделал предложение по автомобилям, потому что подумал, что если корейские автомобили будут ездить по дорогам Багдада, это станет ярким символом нашего экономического сотрудничества.

— У нас и своих легковых машин достаточно. А в вашей компании пикапы выпускают?

— Конечно.

— Тогда отправьте такое же количество пикапов. А я постараюсь продвинуть вопрос по созданию генерального консульства.

— Спасибо, брат. Я тоже отдам все свои силы на развитие строительства в Ираке.

Пообещав это, я вернулся в Корею и доложил в аппарат президента страны.

— Я обратился с просьбой о генеральном консульстве, ведь это самое необходимое для нашей работы, на что получил положительный ответ. Может быть, это станет важным этапом для дальнейшего установления дипломатических отношений.

Я специально сделал акцент на будущем установлении дипломатических отношений, потому что правительство могло не разрешить передачу пикапов, чтобы не испортить политические отношения с США.

Спустя неделю, проведенную мной в переживаниях, из кабинета президента дали разрешение на предоставление автомобилей. С того дня на отдельной линии "Хендэ Моторз" стали день и ночь работать над выпуском специальных улучшенных моделей автомобиля Пони пикап. Затем эти машины были погружены на судно, направляющееся в Кувейт. Церемония передачи автомобилей была настолько грандиозной, что официальное заключение дипломатических отношений было уже решенным фактом.

Автомобили были переданы, и я вернулся в Сеул. Однажды ко мне пришел один из представителей центрального правительства и сказал.

— Скоро будут заключены дипломатические отношения с Ираком. Наше правительство вело постоянные переговоры через посольство в Кувейте, что уже имеет неплохие перспективы. Это было сделано в основном через официальные каналы правительства. Поэтому было бы желательно, чтобы частные компании в этот вопрос больше не вмешивались.

В те времена заключение дипломатических отношений со страной, у которой были официальные связи с Северной Кореей, являлось большим «достижением». Поэтому правительство хотело показать, что эти достижения были результатом только их работы. Соответственно чиновники старались скрыть тот факт, что этот вопрос сдвинулся с мертвой точки благодаря усилиям частных компаний.

Я понимал их «намерения».

— Хорошо, я все понял. Мы просто хотели, чтобы отношения между нашими странами установились как можно скорее, и для этого передали Ираку автомобили. Я не думаю, что в этом есть результат только наших усилий. Если установление дипломатических отношений произойдет, то это полностью заслуга правительства.

Через несколько дней высокопоставленный чиновник из министерства иностранных дел позвонил мне и повторил то же самое. Он сказал, что этой работой занимается министерство, и чтобы "Хендэ" больше не вмешивалась.

На самом деле, если подумать, то я ничего особенного не сделал. Я старался, чтобы "Хендэ" могла нормально осуществлять свою деятельность. Но для меня было все-таки удивительно, что государственные ведомства так неожиданно стали утверждать, что это именно их заслуга.

В конце концов, не важно, в результате чьих усилий это произошло, но консульские отношения были установлены. После этого в Корею были приглашены мои друзья и братья, мэр Вахаб и министр промышленности. Они посетили пещерный буддийский храм Соккурам, сделали поклон великому Будде, и вообще были в восторге от древней корейской культуры.

Затем был наплыв корейских чиновников в Ирак, а строительная промышленность Кореи осуществила свою мечту о втором специальном рынке на Ближнем Востоке.

Но недолго эта мечта просуществовала в действии. В начале следующего 1979 года в Иране началась мусульманская революция под руководством Аятоллы Хомейни, а с сентября 1980 года затяжная война между Ираном и Ираком. Из-за этого корейские компании были вынуждены в спешке покинуть иракский строительный рынок, в который они вложили столько усилий.

Уход из Багдада

Ирано-иракская война повлияла не только на работу строительной компании "Хендэ", но и лично на меня.

Есть слова: победить в бою, но проиграть войну. В приходе в Ирак я добился успеха, но из-за войны между Ираном и Ираком моя «война» закончилась поражением.

На самом деле из-за этой войны в компании до сих пор сложности. Но когда-нибудь произойдет строительный бум второго ближневосточного рынка — Ирака, что пойдет на пользу и корейской экономике. Я уверен, что они не забудут дружескую страну и в частности компанию "Хендэ".

В Корею распространились очередные слухи: иракский проект в конце концов привел к ухудшению отношений между президентом Чонг Джу Енгом и директором Ли Мён Баком, поэтому я ухожу в другую компанию, что я получил приглашение на должность министра в правительстве, — в общем, много чего говорили.

Не важно, в чем была причина этих слухов, но жесткие реалии заставляли нести ответственность, если компания понесла ущерб. Из-за начала войны не удалось получить оплату строительства, поэтому договорились получить нефтью. Возможно, президент Чонг думал, что ответственность за невозможность осуществления наших планов лежала на мне, как на человеке, продвигавшем выход на этот рынок.

Однако Чонг не спорил по каким-то моим предложениям и не проявлял никакой враждебности. Просто между нами чувствовался холод, и мы больше не беседовали так, как раньше. Такое изменение в наших отношениях было важным моментом.

Холод в отношениях оставался. Однажды мы должны были присутствовать на ужине за одним столом. Государственный служащий, которого я знал, попросил познакомить его с президентом Чонгом, и я выполнял роль посредника.

Знал ли этот чиновник об ухудшении наших отношений с Чонгом или нет, но вдруг он сказал.

— Господин президент, я очень уважаю директора Ли Мён Бака. И хотел бы попросить вас, чтобы вы к нему хорошо относились.

Может, он сказал так из благодарности, что я устроил эту встречу, а может, в знак уважения к лидеру деловых кругов Кореи, моему начальнику. Но реакция президента была неожиданной.

— Если даже повалить его наземь и наступить ему на горло, то сам счастлив не будешь. Нет никаких причин, чтобы относиться к нему особенно хорошо или плохо.

Тогда я просто улыбнулся на эти слова президента, но они сохранились в моей памяти. Если вдуматься в эти слова, то я был повален, а кто-то давил мне на горло и терпел, но при этом счастлив не был. А если подумать по-другому, то можно было это понять следующим образом: «этот человек очень жесткий и умный, и без чьего-либо хорошего отношения, он сам со всем прекрасно справится».

Но все же, эти слова привели меня к мысли, что когда-нибудь президент Чонг сможет наступить мне на горло.

Натянутые отношения с Чонгом все-таки долго не длились и разрешились в Ираке. Был декабрь 1982 года. Мы с Чонгом отправились в Ирак, где продолжалась война. Мы поднялись на старый самолет в аэропорту Кувейта. Нас не только обыскивали, но мы сами были вынуждены грузить свои вещи в грузовой отсек. Администрация аэропорта считала, что если у груза нет хозяина, то возможно, там бомба. Вдобавок, самолет был такой старый, что он при взлете то отрывался, то вновь опускался на землю. Я уверен, что не очень много президентов корпораций летали на таких самолетах.

Мы прилетели в Багдад и встретились с нашими старыми друзьями. Которые пообещали предоставить "Хендэ" лучшие условия, также мы осмотрели строительный объект, который находился прямо на линии огня. Даже в такой горячей точке Чонг ничего не боялся. Он просто шел навстречу опасности. Когда мы осматривали строительный объект, рядом с которым шла настоящая война, в нем чувствовалась отвага генерала.

Если президенту Чонгу что-то не нравилось, он говорил сотруднику, «подавай заявление об уходе».

Вечером, перед тем, как уехать из Ирака, все ответственные по строительным объектам "Хендэ" собрались в Багдаде. Хотя шла война, постарались купить какое-то спиртное. Больше сорока сотрудников "Хендэ" пили, пели и танцевали всю ночь напролет.

Я сказал, давайте вернем всем заявления об уходе, на что Чонг согласился.

У Чонга было очень хорошее настроение. До отъезда, до 3 утра, Чонг выпивал с сотрудниками. Потом он несколько раз говорил, что в тот вечер в Багдаде было так весело, как никогда. И было так интересно выпивать в мужской компании.

В 4 утра мы отправились в Кувейт на машине. Из Багдада до Басры нужно было ехать 10 часов, и это была самая опасная зона, где шла война. Рискуя жизнью, мы мчались по пустыне, где шла ожесточенная перестрелка.

После осмотра строительных объектов в военном Ираке наши отношения с Чонгом вошли в привычное русло. Такая напряженная атмосфера не могла длиться долго, еще и потому что у нас было слишком много совместной работы.

Четырнадцатичасовая война

Для работника компании переговоры — это всегда жесткая борьба, в которой применяются различные способы. Мне приходилось спорить с представителями компаний разных стран, с политиками в Корее, с другими людьми, но до сих пор я не могу забыть войну переговоров с заместителем директора крупнейшей американской компании "Вестинг Хаус" по строительству установок для выработки энергии.

Первая встреча "Вестинг Хаус" и строительной компании "Хендэ" произошла в качестве подрядчика и субподрядчика. В начале 1970-х года для нашей отсталой страны приоритет атомной энергетики являлся необходимым выбором. Но по технологиям строительства атомных электростанций Корея находилась в полной зависимости от развитых стран. Тогда одной из крупных компаний, пришедших на корейский рынок, была "Вестинг Хаус".

Для небольших по масштабу и низкому технологическому уровню корейских компаний стать субподрядчиком "Вестинг Хаус" было важнейшим вопросом, от которого зависело их будущее. Потому что, помимо престижа, это было для них хорошей возможностью перенять передовые технологии.

Строительной компании "Хендэ" удалось стать субподрядчиком "Вестинг Хаус" и участвовать вместе с компанией "Донга" в проекте первой АЭС в Корее Гори 1 и 2. Но в начале проекта корейские компании участвовали лишь в качестве рабочей силы. Однако в ходе этого проекта "Хендэ" многому научилась.

Для обсуждения технических вопросов я часто бывал в головном офисе компании в Питсбурге. По началу, когда я, директор "Хендэ", приезжал в эту компанию, от них в качестве представителя выступал начальник отдела.

В конце 1970-х годов корейский рынок атомной энергетики, на котором властвовала "Вестинг Хаус", стал ареной международной конкуренции. А иностранные компании, участвуя в тендере, старались привлечь корейские в качестве субподрядчика. Потому что результаты тендера зачастую зависели от того, с какой корейской компанией будет выполняться работа. Настолько поднялся уровень местных компаний.

Так как строительная компания "Хендэ" до сих пор работала с "Вестинг Хаус", то решила и в дальнейшем сотрудничать с ней по заказам.

Я поехал в Питсбург, чтобы разрешить этот вопрос, тогда на встрече присутствовал уже заместитель директора. Потому что теперь американцы с большим вниманием относились к "Хендэ", чтобы получить заказ на строительство АЭС в Корее.

Именно с этим заместителем директора "Вестинг Хаус" у нас были долгие и сложные переговоры в Сеуле.

Эти переговоры начались в 10 утра в моем кабинете в головном офисе "Хендэ". Содержание переговоров сводилось к тому, что две компании будут участвовать в строительстве атомной электростанции, как и раньше, но при этом должна увеличиться доля участия корейской стороны. Это были очень серьезные переговоры, потому что они были связаны с передачей технологий, объемом строительства, и, что важно, с разделением прибыли.

Участвуя в них, я часто вспоминал французскую компанию "Фраматом". Изначально компания была субподрядчиком "Вестинг Хаус", но, переняв технологии, стала самостоятельно выполнять проекты по строительству АЭС во Франции.

Мы вели переговоры около шести часов без обеда, но никак не могли прийти к соглашению. У заместителя директора "Вестинг Хаус" были все полномочия, но по важным вопросам он советовался с головным офисом, и только после этого принимал решения. Во время совещания он вызывал своего сотрудника, затем они обращались в японский филиал, чтобы связаться с головным офисом.

Мы знали, что сотрудники "Вестинг Хаус" никогда не звонили в головной офис из Сеула, а делали это через Японию. Они были уверены в том, что все звонки из Сеула подслушивают спецслужбы. Доходило до того, что заместитель директора за 2-3 дня до начала переговоров специально выезжал в Японию, чтобы поговорить с начальством по телефону.

Переговорный процесс продолжался уже восемь часов подряд, представитель американской компании пил только черный кофе. Казалось, что кофе придавало ему сил. У меня же от кофе на голодный желудок была изжога, от чего я чувствовал слабость.

После 6 вечера я попросил секретаря.

— Скажите, что кофе кончился, пусть принесут ячменный чай. Я выпил ячменного чая и почувствовал себя бодрее, а замдиректора, казалось, наоборот уставал еще больше.

Мы не ужинали, продолжали переговоры, пили только ячменный чай. Уже было около десяти вечера. Мне показалось, что американец рассчитывает на запрет передвижения по ночным улицам в Корее. Он много раз бывал здесь, поэтому знал, что корейцы всегда соблюдают это правило. Наверное, он рассчитывал на то, что я смогу еще продержаться, но до запрета передвижения все-таки закончу.

Ситуация была такова. Если переговоры не завершились бы успехом, то на следующий день нужно было бы искать других партнеров. Поэтому это был решающий момент, и для нашей компании развитие этих переговоров вызывало все больше беспокойств.

Я понял, что его тактика протянуть время. Я вышел из комнаты и дал указание ночной смене.

— Принесите матрасы в кабинет для переговоров.

Через несколько минут стали заносить матрасы, глаза замдиректора американской компании округлились.

— Зачем это?

— Если мы не сможем договориться, то придется не спать всю ночь напролет. А если наступит время запрета передвижения по улицам, то я не смогу поехать домой, поэтому мне придется ночевать здесь. А сейчас давайте спокойно все обсудим.

Казалось, что он почувствовал себя весьма неловко. Видимо, он понял, что ничего не выйдет и приступил к делу со всей серьезностью. Он стал действовать активно. Потому что понял, что задерживаться до запрета передвижения по ночным улицам, будет не выгодно ему самому.

В результате переговоры закончились так, как мы и рассчитывали. Когда мы обменялись подписями, на часах было 23:50. Это борьба продолжалась четырнадцать часов.

— Когда я приехал из головного офиса, содержание контракта таковым не было...

Сказал замдиректора "Вестинг Хаус" недовольно.

Тогда я жил в районе Апкуджон. Я помчался на машине домой, но на мосту через реку Хан уже были возведены баррикады. Полиция и военные не давали машине проехать. Я вышел из автомобиля и сказал.

— Я директор строительной компании "Хендэ" Ли Мён Бак. Я так задержался, потому что с самого утра до сих пор проводил важные переговоры государственного масштаба с иностранными партнерами. Позвольте мне добраться домой и отдохнуть. Я слишком устал, чтобы проводить ночь в полицейском участке.

— Сколько нужно времени, чтобы доехать до вашего дома?

— До района Апкуджон не займет и пяти минут.

— Поезжайте. Но если вас остановят по дороге, то отвечать будете сами. И не говорите, что вас тут пропустили.

Я пересек реку и спокойно добрался до дома.

Достояние Малайзии — премьер-министр Махатхир

В феврале 1994 года премьер-министр Малайзии Мохаммед Махатхир был с визитом в Корею. Все три дня его визита прошли спокойно, согласно официальному распорядку.

Он благополучно прилетел в аэропорт Кимхе, осмотрел "Хендэ Хэви Индастриз" и "Хендэ Моторз" в Ульсане, другие отделения корпорации, встретился с представителями компании, обсудил проекты и также спокойно улетел обратно. Такое происходило не часто, чтобы руководитель государства приезжал без всякого лишнего шума в Корею.

Однако это была настоящая дипломатия премьер-министра Малайзии, которая способствовала развитию экономики его страны. Премьер был далек от официоза и шумных мероприятий.

Я с уверенностью говорю, что этот человек представил себя как пример политика будущего. У премьер-министра Махатхира было чувство долга, крепкая вера в свою страну, умение добиваться своего, несмотря ни на что, и вдобавок, острая проницательность.

Впервые я встретился с премьер-министром в конце 1970-х годов. Нашей дружбе было более 15 лет. Человеческие отношения в международном сообществе — это в первую очередь деловые связи с выгодой для государства. Но даже в таких условиях бывает, что через простое человеческое понимание рождается искренняя дружба. Именно такими были отношения между мной и премьером Махатхиром. Как я уже рассказывал, я долго дружил с мэром Багдада Вахабом, но препятствием этому в дальнейшем стала война. Каждый раз, когда я думаю о Вахабе и других своих иракских друзьях, мне становится невыносимо грустно.

В то время компания "Хендэ" строила плотину Кеньир в Малайзии.

Для представителей строительных компаний в зарубежных поездках очень важной работой были встречи с высокопоставленными чиновниками и политиками этих стран. Заместитель премьер-министра Малайзии Махатхир был одним из таких чиновников. Заместитель премьер-министра это второй человек в государстве, однако на деле Махатхир был формальной фигурой. Он никогда не отказывался от своих взглядов, за что был смещен с должности правящей партией и был вынужден бежать из страны. Но из-за общественного мнения премьер-министр Хуссейн призвал его вернуться обратно лишь для того, чтобы успокоить народ, и назначил его на формальную должность заместителя премьер-министра. Поэтому у Махатхира не было реальной власти, следовательно, и дел особых тоже не было.

Он всегда находился один в кабинете. Когда я бывал в здании правительства, я обязательно заходил к Махатхиру. Это было в 1981 году, когда мы участвовали в тендере на строительство третьего по протяженности в мире моста Пинанга. Участниками жесткой конкурентной борьбы были Франция, Япония и Корея. И японская компания "Марубени" пыталась любыми путями договориться с коррупционным руководством страны, а мне же на тот момент встречаться было просто не с кем.

— Я ничем не могу вам помочь. Почему же вы так часто ко мне приходите?

Сказал Махатхир после нескольких моих визитов.

— Когда я вернусь в головной офис, мне надо будет доложить, с кем я встречался, но из-за препятствий, создаваемых японской компанией, я не могу встретиться с премьер-министром. А если я скажу, что встречался с его заместителем, то мое начальство
будет думать, что я встречался с руководством страны.

Так попытался пошутить я

После подписания контракта по строительству моста Пинанга

— Ну тогда приходите в любое время. Заодно расскажете мне о Корее.

Улыбнулся Махатхир. С тех пор мы стали часто встречаться. Нам было о чем поговорить. И он очень интересовался Республикой Корея.

Период японской колонизации, освобождение, разделение страны, гражданская война, военная реформа и строительство экономики, движение за новую деревню, успех тяжелой и химической промышленности, демократизация страны и отрицательный эффект частых военных переворотов. Все это, как специалист, Махатхир тщательно анализировал в новейшей истории Республики Корея, проявляя особый интерес к движению за новую деревню.

— Я думаю, что индустриализация Кореи была успешной, благодаря таким высокоморальным движениям, как движение «за новую деревню». Именно такое трудолюбие и опора на собственные силы нужны сейчас Малайзии.

Махатхир очень хотел изменить народное сознание, приспособившееся за долгий период к колониальным законам Великобритании. Он был уверен, что если не преодолеть в народе лень и привычку полагаться на других, то невозможно будет добиться развития Малайзии. Именно поэтому он с таким вниманием относился к Корее.

Мы вместе обсуждали разные вопросы, я мог свободно давать ему советы. Наши мнения совпадали в том, что прежде всего через развитие экономики надо справиться с бедностью.

Мы часто обедали вместе, никто не узнавал заместителя премьер-министра страны, когда он бывал в ресторане. Тогда ни я, ни сам Махатхир не думали, что наша дружба станет решающим фактором в проекте международного уровня по строительству моста Пинанга.

Впервые о том, что в Малайзии планируется строительство третьего по протяженности моста (14,5 км) в мире, я услышал, когда работал на строительном объекте скоростной магистрали в Таиланде во второй половине 1960-х. Тогда я не мог и представить себе, что наша компания когда-нибудь будет этот мост строить. Но потом эта мечта стала реальностью.

Это был крупномасштабный строительный проект стоимостью в 300 млн. долларов. Малайзия возлагала большие надежды на него, это действительно был проект мечты, на который, от планирования до завершения, потребовалось двадцать лет.

Правительство Малайзии строительством этого моста хотело добиться двух целей.

Первое, соединить Пинанг с основной территорией страны для начала активного развития туризма и промышленности на острове. Это была экономическая цель. Ценность этого острова была настолько велика, что при обретении независимости Сингапура китайское население потребовало для себя не нынешнюю территорию Сингапура, а именно остров Пинанг.

Вторая цель была политической. На острове Пинанг экономика была под контролем китайского населения. По сути, это был второй Сингапур, разница заключалась лишь в том, что остров не был независимым. Поэтому главной целью Малайзии было поглощение экономики Пинанга посредством построенного моста.

Начало тендера по строительству моста до Пинанга выпало на начало 1981 года. Безусловно, строительная компания "Хендэ" отдала все свои силы на этот проект. После крупных строительных в Иране и Ираке были большие потери, поэтому я стал главным руководителем этого крупного проекта.

В тендере участвовала сорок одна компания из семнадцати стран. Лучшие строительные компании мира проявили большой интерес к проекту. Мы держались на расстоянии от европейских компаний, которые отставали от нас по цене, и вели тщательную подготовку, с осторожностью относясь к японской компании "Марубени". Но вопреки всем нашим ожиданиям, по результатам первого этапа, на первом месте оказалась французская компания "Кампенон Бернар", на втором — "Хендэ", на третьем — японская "Марубени", а на четвертом — компания из Западной Германии.

По результатам конкурса на последнем этапе участвовали четыре компании, а западногерманская добровольно отказалась от дальнейшего участия, поэтому продолжилась борьба между тремя компаниями. Для нас "Марубени" с огромными финансовыми возможностями и лоббистскими связями была самым главным конкурентом, которого было сложно превзойти.

Но прежде всего нужно было обогнать компанию "Бернар", которая была на первом месте. А потом продолжить борьбу с "Марубени". По сравнению с "Бернар" у нас был намного короче срок выполнения проекта. Поэтому мы обратились к ответственным из Малайзии с предложением, что, несмотря на низкую стоимость проекта компании "Бернар" наш проект можно закончить быстрее, что принесет скорую выгоду в виде оплаты проезда по мосту.

Макет центральной части моста Пинанга

Но главная проблема заключалась в японском конкуренте. Они прилагали огромные усилия, чтобы вырваться вперед. Причем, усилия эти осуществлялись на уровне японского правительства и посольства Японии. Основываясь на мощных финансовых ресурсах, Япония предложила Малайзии долгосрочный заем с низкой процентной ставкой, а также обнаружила недостатки в строительных проектах "Хендэ" и немедленно передала эту информацию. Одним из таких примеров стала статья о некачественном строительстве в "Чунганг Ильбо" в 1980 году.

Единственным человеком, с которым я мог поделиться своими переживаниями в Малайзии, был заместитель премьер-министра Махатхир. Компания "Марубени" уже создала все условия, чтобы "Хендэ" не могла даже приблизиться к кабинету премьер-министра.

— Извините, что не могу вам помочь. Махатхиру было больше нечего сказать. Выхода не было, я вернулся в Сеул, а через полгода опять отправился в Малайзию. Особенно я ни на что не надеялся. Весной 1981 года в Малайзии поднялись народные волнения, и я слышал, что правительство Хуссейна было в нестабильном положении, но не мог и предположить, что произойдет смена премьер-министра.

Я вышел из аэропорта, машинально купил газету. И тут же мне в глаза бросилась статья о том, что должность премьер-министра займет Махатхир. Поскольку внезапно скончался премьер-министр Хуссейн.

Я тут же связался с секретарем заместителя премьер-министра, и попросил о встрече с Махатхиром. Я переживал о том, встретится ли он со мной, представителем иностранной компании, когда в стране такая чрезвычайная ситуация. Но Махатхир сразу же принял меня.

— Мне нужно срочно ехать в Сингапур, поэтому я не могу сейчас уделить вам время, мистер Ли. Но перед тем, как поехать в аэропорт, я заеду домой переодеться. Поезжайте ко мне домой и ждите меня.

Я приехал в дом Махатхира, какое-то время беседовал с его супругой, затем приехал он.

— Статья в газете о вас, это правда? Вы будете премьер-министром?

— Нужно подождать. Я съезжу в Сингапур, а после этого все прояснится.

Но в его словах чувствовалась уверенность. Я хотел спросить его о заключительном этапе тендера по строительству моста Пинанга. Нам повезло, что Хуссейн не успел принять окончательного решения по нему. А теперь решение по строительству моста должен был принимать Махатхир. Но я не смог в тот день спросить его об этом.

Как и было написано в статье, в тот день он был избран председателем партии и одновременно премьер-министром.

Махатхир провозгласил те революционные ценности, которые он так долго планировал. Девизами его политики были «смотрим на Восток» и «чистое правительство». Очевидно, что «Востоком» была Корея. Одной из главных целей государства было изучение южнокорейского опыта, чтобы потом обогнать Корею. Как корейский бизнесмен, я был этим горд. В то же время, это не могло не настораживать, ибо для такого лидера, как Махатхир, все было возможно.

Было естественно, что при новом премьер-министре критерии выбора компании по строительству моста Пинанга будут отличаться от предыдущих. А финансирования в политических целях от частных компаний нельзя было и представить. Махатхир был уверен, что кардинальные изменения в коррумпированном обществе Малайзии, во власти, среди государственных служащих и в бизнесе, должны начаться именно с правительства. Это и было содержанием его программы «чистое правительство».

Теперь я должен был убедить реформаторское правительство Махатхира в преимуществах предложения "Хендэ". Как и в прошлый раз, я говорил, что экономически выгоднее будет быстрее закончить строительный проект в сравнении с компанией "Бернар". А что касается "Марубени", напоминал о том, что наш проект имеет конкурентное преимущество в ценах.

Последняя карта Японии по предоставлению кредита, грозившая нам, была отклонена из-за реформ в Малайзии. В процессе ареста чиновников правительства Хуссейна за лоббистские связи и взяточничество самым главным объектом подозрения и последующего расследования стала именно компания "Марубени". После чего ее лишили права получать заказы.

В результате этого победителем тендера стала строительная компания "Хендэ". Правительство Махатхира, отдавая заказ "Хендэ", не только продемонстрировало истинное лицо «чистого правительства», но и показало обществу Малайзии пример трудолюбия «Востока».

А что, задница у премьер-министра больше, чем у других?

В одно время был популярен в мире восточный рационализм в бизнесе, как сейчас интернационализация или глобализация. Но зачем нужна интернационализация, и как она началась, знают немногие. Что это такое, я понял на церемонии закладки первого камня моста Пинанга.

Этот объект имел особое значение не только для Малайзии, но и для строительной компании "Хендэ". Ибо после окончания строительства моста "Хендэ" стала строительной компанией с мировым именем.

В начале 1982 года "Хендэ", начинавшая строить самый красивый мост в мире, тщательно готовила «сцену» для пышной церемонии закладки первого камня. Чтобы подготовить это ответственное мероприятие с присутствием президента, в Малайзию приехала группа корейских специалистов.

В центре высокой сцены планировали поставить два больших стула для премьер-министра с супругой, рядом — для высоких должностных лиц и гостей. Было устроено так, что если нажать на кнопку возле места премьер-министра, то начинался салют и выпускался декоративный дым. Из-за яркого солнца была установлена крыша, на сцену постелили ковер.

В первой половине дня, за день до церемонии, с осмотром места пришли начальник секретариата и сотрудник охраны премьер-министра. Начальник секретариата, посмотрев на сцену, был очень удивлен. Я подумал про себя, он восхищен подготовкой к мероприятию. Но тут он подошел ко мне и сказал.

— Место премьер-министра в тени, а как же 5 тысяч присутствующих на церемонии?

А что делать-то? Думал я по-корейски. В Корее уделяли особое внимание только месту, где сидел президент. Ведь это обычное дело, когда простые участники два часа стоят на солнце. Бывало, конечно, что кто-то в толпе в обморок падал. Я сделал вид, что ничего не понимаю, но тут начальник секретариата продолжил.

— Или установите крышу для 5 тысяч человек или уберите ее над местом премьер-министра. Нельзя же, чтобы один премьер в тени сидел.

Я был в шоке. Оказывается, есть такие чиновники, которые и о народе думают. В подготовке церемонии закладки первого камня я соблюдал формат корейского чиновничества.

Мы решили убрать навес над местом премьер-министра. Потому что за 24 часа было невозможно установить крышу для 5 тысяч человек. Даже после переговоров сотрудников "Хендэ" с малайзийскими работниками был сделан вывод, что установить навес за 24 часа протяженностью 6600 кв. м было невозможно. Но так просто я никогда не сдавался. За обедом я тщательно обдумывал этот вопрос.

— А можно будет сделать крышу примерно на 300 кв. метров?

Малайзийские работники ответили, что «без проблем».

— Тогда вызовем двадцать компаний, чтобы каждая установила навес примерно на 300 квадратов.

Мы тут же вызвали малайзийских специалистов. Были фирмы, которые согласились сделать установку на большей территории, поэтому в результате работу по монтажу крыши разделили между собой двенадцать компаний. На следующий день в 7 утра закончилась установка, а уборка к 8-ми. За час до начала церемонии, примерно часов в 9, приехал начальник секретариата и служба охраны.

— Директор Ли, как это вы сделали?

Начальник секретариата раскрыл рот от удивления, потому что вся территория была под навесом. Он был уверен, что уберут крышу над местом премьер-министра, но не мог и подумать, что за ночь сделают навес для 5 тысяч человек. До того момента, при осмотре, все было в порядке.

— А почему эти стулья такие большие?

— Это места для премьер-министра и супруги. Начальник секретариата покачал головой и посмотрел на меня.

— А что, задница у премьер-министра больше, чем у других? Я приказал поставить одинаковые стулья, и был шокирован еще раз. Малайзия была беднее, чем наша страна, но мышление политического руководства было на уровень выше нашего. И я почувствовал, что когда-нибудь Малайзия догонит нас.

Премьер-министр Махатхир начал свое выступление. Он говорил по-малазийски, и часто среди зрителей раздавался громкий смех. Я ничего не понимал, но думал, что, вливаясь в общую атмосферу, надо смеяться вместе с другими, предполагая, что говорят о чем-то интересном.

Один из малазийских чиновников увидел, что я смеюсь, и слегка толкнул меня в бок.

— Директор Ли, вы знаете, над чем смеетесь-то?

Я притих, и тут он сказал, о чем говорил премьер-министр в своей речи.

— Он говорит, что строительная компания "Хендэ" это Али-Баба, то есть вор. Что эта компания все равно, что вор, поэтому вы, малазийцы, должны как можно быстрее всему научиться, чтобы прогнать из страны этих воров.

Так я был шокирован в третий раз на этой торжественной церемонии.

Таким образом: «Нельзя, чтобы только президент сидел в тени. Нельзя, чтобы стул президента был больше, чем у других. Можно давать работу иностранной компании, но цель такого проекта должна быть определенной».

Такое политическое мышление — результат интернационализации. Так как у руководства были четкие взгляды на историю и мир, ясное понимание роли государства, поэтому и государственные чиновники успешно освоили процесс интернационализации.

Я убежден в том, что интернационализацию должно освоить в первую очередь правительство, прежде чем требовать этого от коммерческих компаний или своего народа. В начале должно измениться само руководство, тогда изменятся и госслужащие, организации в целом. А если государственный сектор станет чище, то изменится и вся страна. Именно премьер-министр Малайзии Махатхир стал для меня тем человеком, который продемонстрировал, как открытое всему миру политическое руководство может эффективно повести за собой экономику страны.

Борьба Маркоса и Имельды

После победы в Малайзии было поражение в Филиппинах. Компания "Марубени", которая не смогла участвовать в строительстве моста Пинанга, обогнала нас в строительстве линий электропередачи в Филиппинах.

Международный тендер на строительство линий электропередачи в сумме 150 млн. долларов проводился в 1985 году, за год до того, как филиппинский президент Фердинанд Маркое с женой Имельдой бежали из страны. Как в любом проекте, осуществляемом в развивающейся стране, власти вмешивались в заказ на строительство, правда, на Филиппинах этот процесс несколько отличался.

Фердинанд Маркое и его жена Имельда. Казалось бы невозможным, что они были политическими оппонентами. Но, тем не менее, на стороне президента была одна группа людей, на стороне его жены — другая. Иностранной компании было сложно понять, к какой стороне надо примкнуть для достижения желаемого результата. А если говорить о результатах тендера по строительству линии электропередачи, то здесь, близкая к президенту "Хендэ" была побеждена компанией "Марубени", которая находилась на стороне Имельды.

В период правления Маркоса строительный рынок Филиппин был практически монополизирован японскими компаниями. Бизнес Японии тесно сотрудничал с диктаторской властью страны, и были слухи, что "Марубени", которая выполнила огромное количество строительных заказов, была в близких контактах с правительством Маркоса.

По результатам первого этапа тендера "Хендэ" была на первом месте, а "Марубени" — на втором. На последнем этапе конкурентная борьба вновь разгорелась между этими компаниями, как и во время тендера на строительство моста Пинанга.

У нас были связи с влиятельными лицами правительства президента Маркоса. А "Марубени", напротив, поддерживала тесные контакты с приближенными Имельды. Обе стороны прекрасно знали положение друг друга. А государственные служащие на Филиппинах в те времена давали необходимый документ за определенную плату.

Таким образом, борьба за тендер между "Хендэ" и "Марубени" превратилась в борьбу между президентом и его женой. Также разделились в противостоянии правительство Маркоса и бизнес-круги. Иными словами, в коррумпированном филиппинском руководстве разгорелась борьба за наживу.

Для получения заказа по этому проекту мы с заместителем директора по электричеству Ю Дже Хваном были на Филиппинах раз пять-шесть, встречались с чиновниками и политиками. Тогда я стал свидетелем того, к какой стагнации может привести своих граждан неразумное правительство. А существуют ли отсталые страны с «чистыми» правительствами? И почему последние дни диктатуры всегда одинаковые в разных странах? В 1985 году на Филиппинах я задумывался над этими вопросами.

Строительство перешло к японской компании, но такому результату не было никаких объяснений. Однако была своя, очень четкая логика.

После принятия окончательного решения по проекту мы встретились с одним из приближенных лиц президента Маркоса, и он сказал.

— Маркое проиграл Имельде. Других причин нет.

В феврале следующего 1986 года, к власти пришло правительство Акино. В тот год мы получили заказ на строительство головного офиса Азиатского банка развития в Маниле. После церемонии закладки первого камня был прием, на котором на меня произвели большое впечатление президент Акино и главнокомандующий сухопутными войсками Рамос. Как и Махатхир в Малайзии, они были людьми совершенно другого уровня по сравнению с правительством Маркоса.

На приеме президент Акино выступила с короткой речью. Все чиновники и гости заранее ждали на местах, а генерал Рамос, о котором говорили как о реальной власти в государстве, скромно сидел в сторонке. Когда к трибуне подошла президент Акино, было сложно поверить в то, что это президент страны. Настолько просто все это выглядело. Ее сопровождали только два сотрудника службы охраны.

После выступления президента все подняли бокалы с коктейлем, Акино подошла и поприветствовала меня. Я спросил ее.

— Ничего, что охрана президента такая немногочисленная? Для человека, который помнил тот инцидент, что супруг президента Акино был убит в аэропорту, было естественно беспокоиться об этом. Президент ответила с широкой улыбкой на лице.

— Я победила на выборах для того, чтобы добиться демократизации Филиппин. Это мечта всего нашего народа. Если даже не станет Акино, то это совсем не будет означать окончание демократизации в стране. Сейчас вне всякой зависимости от того, кто будет президентом, демократизация уже неизбежный процесс. Разве нужны лишние расходы на охрану в такой бедной стране, чтобы защитить жизнь всего лишь одного президента?

Это были слова, попадавшие прямо в сердце, и очень подходившие руководителю нового типа.

Президент Акино отошла от меня, и ко мне подошел генерал Рамос.

— Во времена корейской гражданской войны мы пришли на помощь вашей стране. Тогда доход на душу населения в Корее составлял 60 долларов, а на Филиппинах — 700. Но сегодня мы вынуждены получать помощь от Кореи. Причина этому одна — политика. Но скоро политика войдет в свое русло, и наша страна догонит Корею.

Когда я беседовал с Рамосом, я подумал, что когда-нибудь этот человек станет президентом Филиппин. И с того момента начнется активное развитие страны. Как я и предполагал, он был избран президентом после Акино, и способствовал активному строительству национальной экономики. Таким образом, появился второй Махатхир.

Обещание, выполненное мной спустя 20 лет

Прошло почти 30 лет, с тех пор как я работал бухгалтером на строительном объекте в Таиланде.

На этом объекте прорабом работал Че. Он был ценным сотрудником, руководил тайскими рабочими и выполнял работу за десять сотрудников, имевших высшее образование.

Он был убит на объекте тайцами, которые выступили против его указаний. У него было шесть пулевых ранений в грудь. Но он умер не сразу, а продержался еще месяц в больнице Патани. Сотрудники по очереди сдавали кровь, а я днем работал на объекте, и ночью ездил в больницу. Но он слабел с каждым днем.

— Ты, бухгалтер Ли, очень способный, ты обязательно станешь большим человеком в компании. И если кто-то из членов моей семьи обратится к тебе за помощью, не делай вид, что не знаешь их, помоги им один раз.

— Я не знаю, что будет со мной в будущем, но помогу всем, чем смогу. Обещаю.

Эти слова стали его завещанием. Через два дня он простился с жизнью в чужой стране.

После этого прошло 20 лет, я стал директором компании, и однажды мне позвонила какая-то женщина и сказала.

— Я жена Че, который работал у вас прорабом на строительной объекте в Таиланде. Если вы помните о нем, то я приду, а если нет, то нет.

Секретарь передал мне это сообщение, и я сказал, чтобы она пришла.

Пришла супруга Че. Она вытащила помятый листок с поблекшими от времени чернилами.

— Возможно, что я не смогу вернуться к вам живым. Здесь я познакомился с бухгалтером Ли, он очень способный и порядочный человек. Когда я умру, и тебе станет сложно воспитывать сына, обратись к нему за помощью только один раз. Как бы сложно ни было, постарайся вырастить сына сама, но если станет совсем тяжело, сходи после окончания сыном старшей школы к Ли. Может быть, он чем-то сможет тебе помочь.

Я вспомнил Че, который обливался потом, бегая по стройке в Таиланде. У меня перед глазами всплыла сцена, когда раненный в больнице в Патани Че обращался ко мне с последней просьбой, глядя мне прямо в глаза.

Как и завещал муж, эта женщина воспитала сына, который уже закончил старшую индустриальную школу. Но он не мог никуда устроиться на работу. Тут она вспомнила о письме мужа и пришла ко мне. Таким образом, письмо, отправленное из Таиланда, пришло ко мне через 20 лет.

— Чем я могу помочь?

— Я была бы очень вам благодарна, если бы вы помогли с трудоустройством сына. Чтобы он устроился на работу и поехал за границу.

— Не беспокойтесь. Я вам помогу.

Без всяких объяснений я догадывался, какие сложности пришлось пережить жене Че. Она прожила очень бедно, но не изменила себе. В ней чувствовалась гордость. Я вдруг вспомнил свою мать.

— А что-нибудь еще нужно?

— Нет. Муж сказал попросить только об одном, поэтому я не могу больше ни о чем просить.

Как и просила супруга Че, сын поступил на работу в строительную компанию "Хендэ", и вскоре выехал за рубеж на строительный объект. Жена Че после этого ни разу не появлялась.

Люди, которых я не могу забыть

Строительный объект все равно, что территория войны. В процессе создания чего-то реального из пустоты всегда существует опасность. Поэтому при таком многотрудном процессе часто погибают люди. Во время строительства скоростной магистрали Сеул — Пусан за 2 с половиной года было семьдесят семь жертв. А в 1980-е годы каждый год погибало почти 40 человек на объектах в стране и за рубежом.

Обычно, когда я езжу по магистрали Сеул — Пусан, или вижу огромную электростанцию либо порт на Ближнем Востоке, я всегда вспоминаю всех тех, кто погиб на строительных объектах. Именно память об ушедших поддерживала меня, общество, да и всю страну в самые трудные минуты. Смерть — это не дело погибших, а дело всех тех, кто остался жить после них.

Смерть коллег — это всегда трагедия. Мое сердце обливалось кровью, когда 29 ноября 1987 года в воздухе над Мьянмой сгорело около 60 сотрудников строительной компании "Хендэ". Эта трагедия произошла в небе во время полета самолета "Корейан Эйр", который был взорван северокорейским агентом Ким Хен Хи. В основном, это были люди, закончившие сложную работу на строительном объекте в Ираке.

Среди них было двое, которых я никогда не смогу забыть.

Один из них, начальник отделения по энергетическому оборудованию за рубежом, исполнительный директор строительной компании "Хендэ" Ким Док Бонг. Он был моим ровесником, и очень старательным работником. Он много работал по монтажу оборудования АЭС в стране, и был ветераном в этой области. Мы часто ездили вместе в командировку в Ирак по проекту строительства ТЭС Эль-Мусаиб, поэтому близко с ним сошлись.

Он жил одной работой, поэтому долго ходил в холостяках. Я шутливо его подгонял, и, наконец, он женился. В возрасте, когда дети должны были уже в институте учиться, его сын только начал ходить в начальную школу.

В конце 1987 года мы с исполнительным директором Ким Док Бонгом завершали работу по строительству электростанции Эль-Мусаиб и одновременно вели переговоры

с правительством Ирака по другому проекту. В разгар войны электростанции нужны как никогда, но проблема заключалась в финансах. Тогда Ким сказал, что ему нужно поехать в командировку.

— Сейчас и в Корее так много дел, нельзя ли отложить поездку на неделю?

— Нельзя упускать момент.

На следующий день он уехал. Через несколько дней пришло сообщение, что Ким возвращается, на что я ему ответил: «если ты выехал, то поезжай сразу в Лондон и узнай о строительных материалах». Он отправил телекс «сначала я вернусь в Корею, а потом поеду в Лондон». А потом сел на самолет, который взорвался в воздухе над Мьянмой.

Когда я узнал об этом, то пошел в дом Кима. Его маленький сын думал, что «папа надолго уехал в командировку, и неизвестно, когда вернется». А супруга сказала, что не верит в смерть мужа и не пойдет на общие похороны. Но потом она решилась. Среди погибших сотрудников у Кима была самая высокая должность. И что подумают семьи других погибших, если ее не будет на похоронах? Поэтому она преодолела себя и пришла.

В тот день на похоронах, сдерживая слезы, я положил у портрета погибшего приказ об его повышении до должности заместителя директора. Зачитывая его на похоронах, я чувствовал такую тяжесть на сердце, словно погибли члены моей семьи.

Вторым был Хванг. Когда я работал на заводе в районе Кванак, он был инженером по крупному оборудованию и проработал к тому моменту в "Хендэ" намного дольше, чем я. Он работал в Ираке и однажды написал мне оттуда письмо.

«Я проработал в "Хендэ" 30 лет и никогда не был официальным сотрудником, оставался простым рабочим. Моя мечта — это увидеть при жизни, как мой сын станет официально нанятым сотрудником строительной компании "Хендэ". Мой сын оканчивает университет в этом году, но его плохой отец всю свою жизнь отдал работе и никогда серьезно не занимался мальчиком. Поэтому, мне кажется, что он не сможет пройти конкурс в "Хендэ". Но ради меня, который отдал всю жизнь компании, не могли бы вы помочь моему сыну? Я знаю, что это некорректная просьба, не соответствующая правилам компании. Прошу извинения за такую просьбу. Но, все-таки искренне прошу вас помочь».

У меня защемило сердце. В письме, пришедшем из пустыни, чувствовалась душевная теплота отца. И конечно, немаловажным являлось то, что он всю свою жизнь отдал компании. Я вызвал его сына и сказал, чтобы он сдавал экзамены для поступления в компанию. Но результаты оказались не очень хорошими. Я посмотрел на другие анкетные пункты. Он соответствовал требованиям для поступления на работу, и я дал указание об его приеме на работу.

От Хванга пришло письмо с благодарностью.

«Сбылась мечта всей моей жизни. К тому же, после того, как сын начал работать, он женился. Хочу ненадолго приехать в Корею на свадьбу сына. Когда я приеду, обязательно к вам зайду...»

Сбылась мечта, счастливый Хванг летел на свадьбу сына, но это был тот же самолет, который сгорел над Мьянмой.

Каждый раз, когда я думаю об этих погибших, я не могу найти ответа на вопрос, какова же настоящая ответственность директора, президента или другого управленца. Бывало, я думал, лучше бы я умер вместо них. Так много жертв, а мы живы.... Когда компании и общество будут помнить об этих смертях, тогда возникнет мир, в котором стоит жить. Ведь никакая компания или общество не смогут ценить жизнь, если они не уделяют должного внимания смерти.

Думай как директор, работай как начальник отдела!

Бывают начальники, управлений, которые сперва казались сообразительными сотрудниками, но потом оказываются не способными в новой должности. Потому что они, забыв об основах, старались преуспеть только в развитии сложной техники управления. Сначала надо изучить простые основы. И только тогда, на этой базе, можно будет свободно и мастерски проявлять свою гибкость.

Говорю это как ваш товарищ, проживший дольше вас

Когда я работал в управлении по тяжелому оборудованию, в наш офис часто приходил директор Им. Это был представитель компании, которая поставляла детали для специальной дробильной установки, измельчающей камни для скелетного материала. Он был в годах, и строительная компания "Хендэ" уже много лет сотрудничала с этой фирмой.

Производство скелетного материала должно продолжаться вне зависимости от времени суток, и проблемы случались часто, то днем, то ночью. Если в таких случаях позвонить директору Иму домой в час ночи, он никогда не выражал недовольства, поскольку работал и по ночам, чтобы предоставить нам детали в срок.

Он был очень скромным человеком. Управлял достаточно большим заводом, но был вежлив даже с охранниками, а с подчиненными общался на равных. Конечно, это было разумно для его бизнеса, но не каждый директор работает так.

У директора Им был свой особенный стиль работы. Когда он въезжал на территорию управления, то всегда протягивал пачку сигарет в будку охранникам, а когда заходил к нам в офис, то приносил что-нибудь в подарок. Поэтому все к нему относились тепло, начиная с охраны.

Охрана для въезжающих машин на территорию нашего завода была очень строгой. Были случаи вывоза с завода дорогих деталей, поэтому осуществлялся четкий контроль. Но машину директора Има всегда пропускали без всяких задержек.

Однажды, в связи с осенним праздником Чусок, директор Им привез рубашки для сотрудников. Я дал указание отделу управления собрать его подарки. А потом отправил их обратно директору Им. Как только Им получил рубашки обратно, он позвонил мне и сказал.

— Господин Ли, я хотел бы обязательно встретиться с вами, но не в рабочее время. И не по поводу своих подарков, я просто хотел бы кое-что сказать вам о жизни.

В тот вечер мы встретились в европейском ресторане, в подвальном помещении большого магазина в центре города.

— Я хочу поговорить с вами не как поставщик деталей, а просто как старший товарищ, который прожил дольше вас.

Директор предупредил, что здесь и сейчас он скажет мне что-то о жизни, как старший товарищ младшему, а потом опять станет простым поставщиком деталей для нашей компании.

Во время консультации со специалистами

— До сих пор я работал на строительную компанию "Хендэ" и днем и ночью. Именно благодаря "Хендэ" у меня теперь свой завод и имущество. Я просто хотел выразить благодарность вашим людям за помощь в моем бизнесе, насколько это возможно.

Каждый раз, когда я проезжаю мимо будки охранников, я протягиваю им пачку сигарет. Но не для того, чтобы задобрить их, а чтобы продемонстрировать особое отношение к ним. Но после вашего прихода в охране все делается по установленным правилам, а сегодня вы вернули мне рубашки. Это доставило мне неудобства.

У меня закрались подозрения, что он до сих пор без особых проблем делал поставки, а тут я встал у него на пути, и под предлогом «разговора о жизни» он пытается сделать мне предупреждение. Но на самом деле у него не было никаких специальных целей, и чувствовалось его искреннее отношение ко мне.

— От вас слишком веет холодом. Я думаю, что вас быстро повысят в должности. Но сможете ли вы таким образом стать по-настоящему влиятельным лицом в компании? Да, важно работать честно, но без человеческого отношения большим человеком не станешь. Если у человека нет гибкости, то он все равно, что машина.

Внимательно прислушавшись к его словам, я вспомнил слова брата, который давал мне советы, когда я ответил отказом на просьбу супруги директора. Брат тоже тогда говорил мне о гибкости. Я ответил ему, что когда буду занимать высокое положение, вот тогда и проявлю гибкость. Это были нужные и важные для меня советы. И действительно, когда я так быстро поднимался по карьерной лестнице, — став начальником управления, затем заместителем директора, коммерческим директором, то возникали проблемы, которые невозможно было решить, основываясь только на правилах. Тогда я каждый раз вспоминал эти советы, стараясь на основе правил гармонично сочетать тактику и человеческую гибкость в разрешении той или иной проблемы.

Когда в волейбол играют команды старших школ Кореи и Японии, то корейские школьники всегда побеждают. Но на соревнованиях для взрослых корейская команда обычно проигрывает. Причина ясна. Потому что техника корейских школьников и взрослых волейболистов одного уровня. В Японии же, напротив, спортсменов в старшей школе обучают только основам техники игры. И естественно, что японские школьники с базовыми знаниями проигрывают нашим, владеющим техникой на уровне взрослых.

Но проблема возникает потом. Японская юношеская команда, которая хорошо усвоила базовую технику игры, совершенствуют свой уровень, осваивая, к примеру, разнообразные приемы атаки. А наши спортсмены, изучая технику высокого уровня, уделяют недостаточно внимания ее основам. В результате этого в игре без знания основ появляются недостатки. Поэтому наша взрослая команда проигрывает японской.

Также и сотрудники, которые приходят на работу в компанию. Нельзя поступать так, как корейские волейболисты. Нужно в первую очередь, как японские спортсмены, начинать с основных правил, чтобы была крепкая база. А если новый сотрудник сразу применяет технику, это неверно. Когда сотрудник, начальник отдела, идущий вверх по служебной лестнице проявляет гибкость, он кажется очень смышленным. Но вскоре могут проявиться минусы, как у волейболистов старшей школы, рано усвоивших сложную технику.

Бывают начальники управлений, которые сперва казались сообразительными сотрудниками, но потом оказываются не способными в новой должности. Потому что они, забыв об основах, старались преуспеть только в развитии сложной техники управления.

Таким образом, сначала надо изучить простые основы. И только тогда, на этой базе, можно будет свободно и мастерски проявлять свою гибкость.

Человек, который должен первым получать зарплату

В начале 1970-х годов началось строительство судовой верфи "Хендэ" в Ульсане. Это был масштабный проект, поэтому были и финансовые сложности. Даже используя частные займы, денег все равно постоянно не хватало. И порой доходило до кризисных ситуаций, когда не было возможности выплачивать зарплату по 4-5 месяцев.

На совещании руководителей я сделал экстренное предложение.

— Сейчас кризисная ситуация. Единственный выход – это заморозить зарплату. То есть, выдавать заработную плату только работникам на объектах и директору Чонгу как раньше, а для нас, занимающих высокие должности, задерживать выплату до 3-6 месяцев. Ситуация очень сложная. Давайте все вместе постараемся преодолеть этот кризис.

Никто не был против того, чтобы вовремя выплачивать зарплату работникам на объектах. Но были недовольства: «почему это у директора такое особое положение». Среди занимающих высокие посты в компании были люди, которые говорили: «он так предлагает, чтобы перед директором в хорошем свете показаться». А после запротестовали жены руководителей. Почему это какой-то коммерческий директор, а не сам генеральный, распоряжается зарплатой в компании. Я объяснил причину.

— Сейчас директор Чонг работает на объекте в Ульсане сутками. Он хочет закончить трехлетнюю работу за полтора года. Именно поэтому у нас такие финансовые сложности. Но что подумает директор, если ему не будет своевременно перечислена заработная плата? «Из-за проблемы финансирования» — решит он, и

будет переживать по этому поводу. А если даже узнает о проблеме, то это не поможет ее разрешить. Именно в такой момент мы должны поддержать директора. И только, если строительство закончится в ближайшее время, ситуация в компании улучшится.

После моего объяснения все подозрения отпали. И в такой ситуации строительство судоверфи продолжалось.

3 августа 1972 года правительство приняло меры по поддержке промышленности и заморозило частные займы. Благодаря таким мерам, на основе второго этапа пятилетнего плана развития экономики, все компании тяжелой промышленности смогли преодолеть трудности с нехваткой капитала. Замораживание частных займов позволило и нашей компании выйти из финансовых сложностей и закончить строительство судоверфи вовремя. Построенная судоверфь это сегодняшняя "Хендэ Хэви Индастриз".

Владелец компании — твой конкурент

Не исполнилось 30 — заместитель директора, не было и 40 -директор, до 50 — президент компании... Я в растерянности, когда мне задают вопрос, в чем же секрет такого стремительного профессионального роста. Ведь я никогда не задумывался над этим. Моя должность и положение были необходимы, чтобы успешно работать, другой причины не было. И мой профессиональный рост был на сто процентов решением владельца компании.

Я стал директором компании через 12 лет после того, как поступил на работу. Но эти 12 лет были не такими, как у обычных людей. Я работал в эти годы без выходных по 18 часов в сутки, так что я работал вдвое больше, чем все остальные. И если считать с учетом этого, то я стал директором через 24 года, а это не так быстро.

Когда кто-то получает указание от владельца или руководства компании проконтролировать проект, принято сначала говорить об отрицательных показателях — в рабочей силе, капитале, технологиях, информации, о других слабых сторонах. Это делается для того, чтобы в случае неудачи у куратора были основания. Это подготовка почвы, и если все пройдет удачно, то будет сообщено, какая была проделана работа, а в случае неудачи, можно сказать: «видите, а я что вам говорил с самого начала?».

Но я всегда ставил цели намного выше, чем начальство, и старался всеми силами достичь их. Я всегда обгонял на пару шагов предложения президента Чонга, когда он предлагал проект с направлением, способами, целями и масштабом разрешения той или иной проблемы. Если он говорил: «сделай так, чтобы справиться с дефицитом в этом проекте», то я ставил перед собой цель добиться прибыли и осуществлял ее. Доход в таком случае -это неожиданная выгода для владельца компании. А мне доставалось моральное удовлетворение от достигнутого. Я работал ради этого чувства.

Ставить изначально низкие цели, чтобы потом хвастаться их достижением, — это означает, что ты не хозяин компании. Потому что хозяин никогда не заикливается на цифрах, а уделяет внимание только получению большей прибыли. Он не обращает внимания на других людей, а ведет жесткую борьбу в работе.

Иными словами, я хочу сказать: поставь в качестве конкурента не сослуживца, а владельца компании. Думай, как будто ты владелец, находи такую работу и побеждай. Ставь цели выше, чем владелец компании. Президент Чонг обращался ко мне каждый раз, когда был кризисный момент, потому что был уверен в том, что «Ли Мён Бак, как и я, и даже больше, думает о компании как о своей».

Должность и власть

— Корейские компании устроены очень странно. Если куда-то приезжает высокое должностное лицо, то за ним следуют водитель, повар и даже машинистка.

Так высказался один из представителей иностранной компании, когда строительная промышленность Кореи активно выходила на зарубежные рынки в 1970-е годы. Для высокого должностного лица иностранной компании было привычным делом самому ездить за рулем или печатать на машинке. Поэтому вполне естественно, что конкурентоспособность наших компаний, у которых было так много нерациональных расходов на тех же водителей и машинисток, была ниже. Тогда я понял, как мы не правы.

И после вступления в должность директора я приказал руководителям водить автомобили самостоятельно. Будучи директором, я приезжал в офис и возвращался домой сам, а когда по делам надо было ездить в течение рабочего дня, то для этого был водитель компании. В ответ на мои приказы было много протестов и выступлений. Потому что в то время ни в одной крупной компании не заставляли руководителей водить автотранспорт собственноручно. Но авторитаризм совершенно не свойственен мне.

Поэтому на то, чтобы мои дальновидные предложения стали привычными, потребовалось целых 10 лет. Только в середине 1980-х прекратили предоставлять услуги водителя государственным служащим в ранге начальника управления.

Также я изменил процедуру получения подписи. Потому что медленная передача документов вверх по служебной лестнице препятствовала быстрой работе и, значит, конкурентоспособности компании. Я выбрал такой способ, когда ответственный по какому-то делу и принимающий окончательное решение могли напрямую общаться. Раньше это была сложная процедура, когда дело должно было сначала пройти через начальника отдела, заместителя начальника управления, начальника управления, заместителя директора, первого заместителя директора, директора и наконец дойти до президента компании, но часто бывало, что в этом процессе менялись изначальные планы. Это было все равно, что поставить десять человек в ряд, сказать слово первому, чтобы он передал его стоящему рядом, и так далее, и в конце цепочки это слово оказывалось совсем другим.

Тот, кто непосредственно подает идею и планирует проект, знает о нем больше других. Важно именно это первоначальное содержание. Наиболее эффективным и результативным является обсуждение вопроса с ответственным лицом. И это выгодно в плане времени. Если принято изменять содержание проекта в середине цепочки, то изначальный план всегда искажается. И если в компании сотрудники будут думать: «что тут писать, все равно начальство все изменит?» или «решение еще долго не будет принято, пока до начальства не дойдет», то такая структура просто нездорова.

Часто бывает, что занимающий самую высокую должность не любит встречаться с простыми сотрудниками. Потому что такие встречи могут привести к неожиданной реакции подчиненных и соответственно их дискомфорту. Но я наоборот часто встречался с сотрудниками. Для меня как руководителя, не было ничего лучше, чем быстро и качественно исполненная, в результате наших контактов, работа.

Наш директор и ночью не спит?

Когда мне звонили из-за рубежа, я всегда отвечал на звонки, даже если это было за полночь, в час-два ночи. Наверное, в мире не существовало такого управляющего

компанией, который всегда брал дома трубку, даже если из зарубежного отделения звонили на рассвете.

Были причины, почему я всегда отвечал на звонки из-за границы. Чтобы позвонить в головной офис в рабочее время, из зарубежного отделения нужно было звонить среди ночи или ждать до рассвета. Настолько задерживалась и работа за рубежом. А если в головном офисе не принимали звонков, потому что закончился рабочий день, то это задерживало работу на два дня. В современном мире за несколько минут решается будущее крупного проекта, а тогда сколько же ценного времени терялось!

Когда я брал трубку, я всегда старался быть предельно внимательным. В зарубежном отделении ведь тоже знали, который сейчас час в Корее, но если бы я разговаривал по телефону недовольным сонным голосом, вдобавок зевая, то разве позвонили бы мне в следующий раз. Тогда бы сказали: «сам просит звонить в любое время, а разговаривает с таким настроением. Зачем он тогда говорил нам, чтобы звонили в любое время?».

После многочисленных звонков в неожиданное время я стал «мастером» в разговорах с сотрудниками из-за рубежа деловым тоном. Я отвечал спокойным и четким голосом как и днем в офисе, обязательно делал записи.

Тогда после приезда сотрудников из зарубежного отделения распространились слухи, что наш директор никогда не спит: я мог в любое время ночи отвечать на звонок четким голосом, а после переговоров сразу же крепко засыпал.

Я быстро научился этому благодаря утренней молитве матери, ведь я никогда не спал больше пяти часов в сутки. Подъем у меня всегда в одно и то же время — в 5 часов утра. Я не говорю о времени моего подъема в Корее. Где бы я ни был, у меня открываются глаза ровно в 5 утра по местному времени.

Это вполне возможно, если натренироваться. Я никогда не сплю в самолете. Потому что, если будешь спать, то сложно будет привыкнуть к смене часового пояса. Обыкновенно я читаю книги. Сразу по прилете я иду на теннисный корт. А если на строительных объектах, как на Ближнем Востоке, где не было теннисного корта, я сразу шел на объект. Если поиграешь в теннис и хорошо потеешь, то потом быстро засыпаешь, а утром просыпаешься в положенное время, то есть в пять часов по местному времени.

Люди, с которыми я общался за рубежом, увидев, что я всегда просыпаюсь ровно в пять утра, с удивлением говорили: «вы только посмотрите на этого человека». А друзья-корейцы с легкой обидой замечали: «сказал, что выпьем вместе, а сам, хитрец, совсем не пил».

Но я выезжал за границу не для развлечений, а чтобы помочь сотрудникам, которые там работали. Как же я мог позволить себе спать допоздна?

Люди думают, что у меня особый талант вставать ранним утром. Но это не так. Нет никакого секрета кроме постоянной практики и тренировки.

Подстрой свой характер под работу

Я всегда говорю новым сотрудникам, только окончившим университет, и поступившим в "Хендэ", одни и те же слова.

— Даже если вы были участниками студенческого движения, то сейчас вы уже не в том положении, когда можете кого-то критиковать. Вы уже сами стали поколением, объектом критики младших товарищей. Пусть у вас разница всего лишь год, все равно

вы старшее поколение. С теми взглядами, которые были у вас в университете, не только невозможно одержать победу в этом мире, но и сложно просто приспособиться. Однако, если вы будете относиться ко всему с оптимизмом, то сможете проявить безграничные способности.

Когда выполняешь какую-то работу, то огромное значение имеет, с каким посылом ты относишься к делу. Человек, который думает, что это невозможно, найдет множество причин, почему это дело не получится. А человек, который думает, что это возможно, пусть схватится за один процент возможности, но все-таки попытается осуществить поставленную задачу.

А если даже нет и 1% вероятности, и проигрыш в деле на все 100%, то все равно такая попытка становится настоящим опытом. А у того, кто отказался от попыток заранее, не останется ничего. Я считаю, что это как разница между 50% и нулем. То есть, огромная разница. В этом и заключается причина, почему надо быть оптимистичным, активным, и всегда идти навстречу вызовам.

Новым сотрудникам я говорю так.

— Изменяйте свой характер. Не говорите, что эта работа подходит мне или нет по характеру, а подстраивайте свой характер под работу.

Может быть, кто-то скажет, что мое мнение равносильно тому, чтобы подстраивать тело под форму кровати, и что это авторитарный, ненаучный метод. Однако именно этот метод отвечает реальности. На самом деле, нет человека, которому бы так не подходила строительная сфера, как мне. Пока я рос, боролся с нищетой, я был тихим, стеснительным мальчиком. Но своими усилиями я изменил свой характер. Участвуя в выборах студенческой ассоциации, работая на стройке, я изменил свой характер на открытый и решительный. Потому что характер человека можно изменить.

Этот мир не дает тебе работу, которая подходила бы твоему характеру. Тем более, это ощущается в компании. А еще сложнее найти работу, подходящую молодым людям, которые только начали взрослую жизнь.

Если искать работу, подходящую по характеру, то в результате можно остаться ни с чем. Эффективнее изменить свой характер, чтобы он подходил твоей работе, чем прилагать мучительные усилия для сокращения дистанции между работой желаемой и той, которую ты должен делать. И это непреложная реальность.

Потому что не бывает в мире таких объявлений: «у нас есть работа, которая подойдет вам по характеру. Добро пожаловать!».

Мучения из-за начальника

После того, как молодой сотрудник, освоившись, работает не так медленно, как поначалу, у него появляются конфликты с непосредственным начальником. Правда, можно встретить начальника, с которым очень легко работать, тогда этот сотрудник самый счастливый человек. Но встретить начальника, с которым у тебя нет проблем, еще сложнее, чем найти работу, подходящую твоему характеру.

У работников компаний накапливается стресс не из-за самой работы, а из-за отношений с людьми. Если сотрудник встречается с неподходящим для него начальником отдела, то он не получит профессиональную оценку по достоинству. Вообще, для мужчины нет большей проблемы на службе, чем встреча с плохим начальником.

Но если сотрудник не может победить своего руководителя, то он не сможет преуспеть в конце концов. Ведь это совершенно не реально — работать только с

понимающим, чутким начальником. Это скорее такое детское желание. Потому что в мире намного больше неподходящих начальников, чем подходящих. Написать заявление об уходе со словами: «не могу больше терпеть этой грязи и бесстыдства» из-за непонимания с начальством, не дает никаких гарантий, что в другой компании не будет такого же «грязного, бесстыжего начальника».

Если работа не подходит, слова «подстроить характер» применимы в любой ситуации. Если встретишь неподходящего начальника, то нужно подстроить под него свой характер. Невозможно всю жизнь работать с одним и тем же начальником. Всегда можно встретить другого, еще хуже нынешнего. Если человек может изменить свой характер, то он сможет работать с любым начальством.

Если начальник не очень способный, надо относиться к нему, как к самому способному. Не будет никакого толка, если ждать, пока он изменится, или пытаться его переубедить. Надо понимать, что другого человека изменить невозможно. Только при таком понимании ты сможешь двигаться. Так, ты должен стать хозяином ситуации и спокойно делать свое дело.

Если есть возможности изменить свой характер, то можно справиться с любыми сложностями, работой и людьми. А человек, который сбежит однажды, будет так и бегать всю жизнь.

Власт्वуй над работой и временем

Я никогда не жалею о сделанной работе.

Если я бы родился заново, смог бы я вложить в эту работу больше усилий? Большинство людей говорит, что если бы они могли родиться заново, то приложили бы больше усилий и добились бы лучшего результата в своей жизни. Но я так не думаю. Если бы я делал это снова, то вряд ли смог бы сделать лучше. Поэтому я не жалею о сделанной работе.

А почему же я работаю с таким усердием? Я думаю, причина в земле, на которой мы родились, то есть в Корее.

Родиться на этой земле означает родиться с судьбой, с которой надо жить, прилагая все свои силы для этого. Это такая же разница, как между детьми, которые родились в богатой и бедной семье. Если человек родился в высокоразвитой стране, то даже если он не будет работать, отдавая всех сил, он сможет поесть, поспать, пройти лечение в больнице, но страна, в которой мы живем, не такая. Корею называют страной с прекрасными пейзажами, но на самом деле, здесь нет природных ресурсов, и территория очень маленькая. К тому же эта страна разделена. Именно в этом заключается причина, почему нужно мало спать и много работать.

Нет ничего хуже, чем винить бедных родителей. Я никогда в жизни не винил своих бедных родителей или эту бедную страну. Просто я думаю, что родился на этой земле, чтобы работать с усердием. Невозможно догнать тех, кто впереди, если спать и работать столько же, сколько и другие. Только работая намного больше, чем те, кто впереди, можно добиться такого же уровня жизни.

Но если под предлогом работы не делать никаких других дел, то это уже болезнь трудоголизма. Нет никакого смысла так работать, если из-за чрезмерной занятости не общаться с родителями, не уделять время семье, не встречаться с друзьями и так далее.

Властвовать над работой — это все равно, что властвовать над временем. Если один человек выполнил работу за пять часов, а другой за десять, то несмотря на то, что второй овладел работой, он не смог овладеть временем, что означает его поражение в результате. Я встречался с людьми, которые, повторяя за мной, выходили на работу на

рассвете, а домой возвращались поздно ночью. Если жить так, то недолго и заболеть. Бывает, что способного молодого сотрудника повышали в должности, а после этого он не справлялся с работой. Такие люди не смогли победить время.

— Вы так заняты, что, наверное, нет времени заниматься спортом. Как вы за здоровьем следите?

Это один из вопросов, которые мне часто задают, но я не понимаю этого вопроса. Я все успеваю именно потому, что очень занят. Я хозяин своей работы и своего времени, поэтому пару раз в неделю играю в теннис, как бы занят я ни был. Выделяю время, чтобы послушать классическую музыку, всегда, даже когда нахожусь в командировке, нахожу время поговорить с детьми. Тот, кто занят, всегда все успевает.

Поэтому и стресс не накапливается. Стресс возникает тогда, когда выполняешь работу автоматически, когда тебя заставляют это делать. А я именно работой победил стресс.

И в субботу в строгом костюме

Когда я выхожу на работу в субботу, могу видеть, что почти все сотрудники одеты в свободную одежду. Это потому, что они все едут отдыхать после рабочей недели. Даже руководство ходит в полуофициальной форме одежды.

Я думаю, что это неправильно. Потому что, если прийти на работу в свободной одежде, всю первую половину дня мысли будут заняты отдыхом после обеда, и работа не будет идти, как положено. Поэтому даже в субботу я заставлял сотрудников строго соблюдать официальный вид.

— Именно в субботу одевайтесь еще строже.

Если есть планы куда-то пойти после работы в субботу, то можно взять с собой вещи и переодеться. А если это невозможно, то лучше не работать в этот день.

Есть хороший пример из области автомобилестроения США и Японии. В Америке наибольшее количество брака приходится на пятницу. Потому что настроение работников приподнято в ожидании выходных. Однако в Японии качество товара, выпускаемого с понедельника по субботу, одинаковое. Потому что там строгое разделение работы и отдыха.

Я был однажды в инжиниринговой компании в Германии. Там в офисе не было стульев. Все работали, стоя перед сборочным аппаратом. В первой и второй половине дня давалось по полчаса на отдых, все остальное время надо было работать стоя. Для таких работников время отдыха ценнее золота. Это то же самое, как, проливая пот, взобраться на вершину горы и присесть отдохнуть, ветер там намного прохладнее и приятнее, чем в любом другом месте.

Тот, кто не работал с трудом, не может ценить время отдыха, свои выходные и отпуск.

Так же, как необходимо четко знать границы общественного и личного, нужно разделять работу и отдых. Когда работаешь, надо, не думая о постороннем, сосредотачиваться только на деле. И лишь в этом случае можно будет насладиться прекрасным временем отдыха.

Борьба с хроническим гепатитом

В детстве из-за недостаточного питания мне часто приходилось слышать, что я ребенок с длинными руками, но я ни разу сильно не болел после того, как начал работать. Может быть, у меня просто не было времени болеть: я искал работу и был в постоянной борьбе с жизненными обстоятельствами.

Только один раз я серьезно заболел.

Это было в конце ноября 1977 года после того, как меня назначили на должность директора. У меня не проходила сильная усталость. Такого со мной никогда прежде не было, поэтому я пошел в больницу Сунчонхянг. По результатам обследования у меня обнаружили гепатит, и сказали срочно лечь в больницу. Мне необходимо было полное спокойствие и хорошее питание, другого способа лечения не было.

Все произошло внезапно, поэтому я был вынужден послушаться врача. Я лег в больницу, но потом подумал, что времени лежать в больнице совсем нет.

Тогда строительная компания "Хендэ", после неудачи в Саудовской Аравии, должна была открывать для себя новые рынки. От этого зависела ее судьба.

Я согласился лечь в больницу, но вставал как всегда в 5 утра и ехал в офис. В головном офисе строительной компании "Хендэ" каждое утро в 7 часов проводилось совещание по Ближнему Востоку. Чтобы присутствовать на совещании в 7, нужно было самое позднее прийти на работу в 6, посмотреть телексы и обдумать ситуацию. Так начинался день, затем совещания, принятие решений, указания по работе, встреча за ужином с иностранными представителями, переговоры, все время до ночи было занято. Я заканчивал рабочий день в 12 ночи, затем возвращался в больницу.

Так я «пробыл» в больнице неделю, потом меня выписали. И каждый вечер в 12 часов ко мне домой приезжала медсестра и ставила мне капельницу.

Но от этого моя усталость не проходила. Никто дома и на работе не знал, что у меня гепатит. И состояние здоровья со временем все более ухудшалось.

24 февраля следующего года я пошел в больницу при Сеульском государственном университете. Меня осмотрел лучший врач по заболеваниям печени Ким Джонг Ренг. По результатам обследования показатель GPT и GOT был больше 900, то есть у меня был хронический гепатит в тяжелой форме. Нормой был показатель ниже 30. Поэтому мне сказали, что это та стадия, когда невозможно справиться с чувством усталости одними человеческими усилиями.

Доктор Ким сказал.

— Состояние ваше очень тяжелое. Вам надо уволиться или уйти в длительный отпуск, то есть, прежде всего, хорошо отдохнуть.

— Но это невозможно.

— Директор Ли, если вы не будете лечиться, то можете умереть в любой момент, а с лечением как минимум 10 лет еще проживете. Подлечитесь, а потом работайте сколько угодно, но если здоровье потеряете, то уже ничего не сделаешь. Примите решение, что для вас важнее, работать или выжить. Сегодня же ложитесь в больницу, а завтра подадите в компанию заявление об отпуске.

Я покачал головой.

— Я видел многих людей, которые брали отпуск из-за хронического гепатита, отдыхали, а потом все равно умирали из-за рака или цирроза печени. Лучше я умру, работая, чем оставлю работу и буду умирать от болезни. Но в любом случае, не сообщайте об этом моей семье.

— Тогда я не буду вас лечить. Я отказываюсь от такого пациента.

— Что ж, ничего не поделаешь.

Я вышел из больницы как с приговором о смертной казни. И два месяца не ходил в больницу, потому что не было времени.

Через два месяца я опять пришел к доктору Киму. Доктор осмотрел меня, упрямого пациента, который говорил, что если даже умрет, то на работе, но в больницу не ляжет.

— Ухудшения нет. Но и улучшений тоже. Вы хоть немного отдохнули?

Об отдыхе не могло быть и речи, я даже не мог уделить внимания здоровью. Но я ответил.

— Я буду осторожен, буду делать все, как вы скажете. Только не могу оставить работу.

— Что же с вами делать? Ладно, давайте попробуем лечиться. Вы сказали, что не можете оставить работу. Хорошо. Только спиртного ни капли в рот не берите.

— Я вам обещаю.

Я подумал, что надо попробовать «побороть спиртное». В самом деле, работая в компании, было сложно не выпивать. Потому что были переговоры, встречи, обсуждения, и я не мог один отказываться от выпивки на таких мероприятиях. Говорят, что ныне в компаниях не выпивают так часто, а в наше время все любили выпить. Избежать этого было практически невозможно.

Я сдерживал обещание, и если выпивал хотя бы глоток пива, то потом ополаскивал рот холодной водой. Но в то же время старался никому не показывать, что я не пью. Членам семьи тогда уже сообщили о моей болезни, потому что была вероятность заражения.

Но не пить еще не означает излечиться от гепатита. Со временем у меня стал хуже работать желудок, а живот был твердый. И постоянная усталость очень сильно меня мучила. До обеда я еще мог как-то терпеть, но после обеда мои глаза закрывались, как будто веки наливались свинцом. Когда я проводил совещание, то через каждые 10 минут я вставал и шел в туалет.

Там я умывался холодной водой, возвращался и продолжал совещание.

Настолько глупо я себя вел. Я принимаю любую критику в свой адрес за то, что я совсем не берег свою жизнь. Но все же я думаю, что каковы бы ни были причины заболевания, его излечение зависит не от медицины, а только от духа человека.

Однажды я слышал слова одного несчастного, который чудом выжил после аварии. Он оказался прямо под перевернутой машиной. Он молился до последнего, пока оставался в сознании.

«Господи, я не могу умереть сейчас! У меня есть дело, которое я обязательно должен сделать».

Просто выжить, или выжить потому, что у тебя есть какое-то важное дело, это абсолютно разные вещи. Когда я боролся с гепатитом, я всегда вспоминал слова этого человека. Я тоже был тем человеком, которому просто необходимо было выжить, потому что его ожидало много важных дел.

Я продолжал работать, но при этом не забывал проходить обследование. Я принимал лекарства вовремя, как наказал мне врач. Я пил очень много лекарств после еды, поэтому люди интересовались, что это такое.

— Это витамины. Я устаю в последнее время....

Наверное, некоторые люди думали, как же этот молодой директор заботится о своем здоровье.

Когда я проходил медосмотр, то часто спорил с доктором Кимом и другими врачами.

— Если жить как растение в парнике, или немного отдохнуть, а потом опять жить как раньше, то болезнь возобновится. А если жить нормальной жизнью и лечиться, как я, то повторного заболевания не произойдет. Разве не так?

Врачи смеялись.

— Если бы такое лечение было возможно, то зачем бы тогда пациенты ложились в больницу? Вы говорите о нормальной жизни, но разве она у вас нормальная?

Но потом что-то произошло, и моя болезнь стала отступать. Врачи удивленно качали головами и говорили, что у меня «особый организм».

Показатель воспаления печени тоже уменьшался со временем. В 1985 году было резкое ухудшение, но после этого я пошел на поправку. И вот через 10 лет, в 1988 году моя печень пришла в норму. Но отсутствие воспаления и излечение гепатита это разные вещи. Гепатит это воспаление печени, которое может перейти в рак или цирроз, а при ухудшении здоровья в любой момент может опять привести к воспалению. Доктор Ким сказал.

— До сих пор не изобрели лекарства для излечения вируса гепатита. Если будет повторное заболевание, то это может быть очень опасно. Скоро изобретут такое лекарство, поэтому вам надо дожить до этого времени.

В 1990 году я снова пошел в больницу. Врач, который посмотрел результаты анализов, сказал.

— Странно. Вирус гепатита типа В исчез. Такого не может быть... Сделаем повторный анализ.

На следующий день результаты анализа оказались такими же. Начал появляться иммуноглобулин. Врач был просто поражен.

— Случай естественного выздоровления бывает раз из десяти тысяч. Удивительно, но ваш случай именно такой.

Если кто-нибудь спрашивает меня про секрет здоровья, то я всегда рассказываю историю о гепатите. С медицинской точки зрения это можно объяснить весьма просто: мой особенный организм справился с тяжелой болезнью. Но я думаю совсем по-другому. Может, это случилось именно потому, что я был весь в работе? То есть, я выжил, потому что мне надо было работать. И работа, в конце концов, меня спасла.

Господин Ли, у вас семья есть?

«Если дети всегда знают, где и что в данный момент делают родители, то им в семье не нужно какое-то особое воспитание. Даже если я не могу провести воскресенье с детьми, то они не выражают недовольства. Потому что они точно знают, что я работаю.»

Королева мая на кладбище

— Господин Ли, ты не шутишь? Невозможно поверить в то, что ты так бедно жил. Я думал, что ты из очень богатой семьи...

Прочитав мое интервью с рассказом о детстве, президент Чонг не поверил в мою историю. Раньше, ни в рабочей обстановке, ни тем более в личном общении, я никогда

никому не рассказывал о себе. Равно как и президенту Чонгу, с которым мы были вместе — и в удачные и в сложные времена.

Я не рассказывал о себе, не потому что мне было, что скрывать. А потому что мы все были погружены в работу и соответственно вели разговоры только об этом. Что же касается моего тихого нрава, сложившегося в детстве, то я полностью изменил его в университете. Поэтому никто не мог догадаться о том, каким я был во времена нищеты.

Но нищета продолжалась еще долго и после того, как я поступил на работу в "Хендэ".

Я не мог позволить себе купить даже однокомнатную квартирку, поэтому о женитьбе не помышлял. «Если не имеешь чего-то, никогда не принимай это от других» — учила меня мать. Поэтому, когда я учился в университете, я не общался близко с однокурсниками. Так было и тогда, когда я поступил на работу. Друзей-мужчин было всего несколько человек, что же тогда говорить о противоположном поле?

Я быстро поднимался по служебной лестнице, и уже в 28 лет стал заместителем директора, и только тогда мне начали поступать предложения познакомиться с девушкой. Одна знаменитая сваха занесла меня в свой список и каждый раз давала мне новую информацию о потенциальных невестах. Среди них были девушки из богатых семей, дочери высоких политиков и чиновников, были и популярные красавицы.

Но я сам не ощущал, что добился чего-то значительного, поэтому меня обременяли девушки из богатых семей с прекрасными данными.

Однажды мне позвонила молодая женщина, которой было за 20 лет. Она стала расспрашивать, на самом ли деле я Ли Мён Бак. Я подтвердил. Она была в растерянности. А потом со слезами сказала, что ее обманул человек, назвавшийся себя Ли Мён Баком. Она очень просила меня о встрече, чтобы подтвердить этот факт. Я тоже был удивлен, что кто-то под моим именем обманывал девушек. Я пошел в кафе, чтобы встретиться с ней. Она оказалась красивой девушкой.

— Понимаете, я познакомилась с человеком, который назвался Ли Мён Баком из строительной компании "Хендэ". Он сказал, что ему срочно нужны деньги, и мои родители дали займы... После этого он исчез. Теперь я не знаю, что и думать. Вы и вправду заместитель директора Ли Мён Бак?

— Мне очень жаль, но это именно так.

— А, может быть, вы знаете того человека?

Конечно, знать его я никак не мог. Потому что никто не приходил ко мне, и не просил разрешения действовать под моим именем.

— Я тоже хотел бы увидеть этого мошенника. Он на меня хоть похож?

Она внимательно рассмотрела мое лицо, и, не ответив, заплакала. Мне было ее очень жаль.

Однажды мне представился удачный случай. Учитель английского языка, у которого я был любимым учеником в старшей коммерческой школе Донгджи в Поханге, познакомил меня с сестренкой своего друга. Она не была из богатой семьи, отец ее был честным государственным служащим, о котором я прежде слышал. Весной 1970 года, когда мы познакомились, она окончила Женский Университет Ихва. Потом я узнал, что во время учебы она была популярна по своей красоте, и что ее выбрали королевой мая на студенческом фестивале. Но для меня она была в первую очередь не красавицей, а девушкой с доброй душой.

Из-за напряженной работы у меня совсем не было времени на свидания. Я ни разу не приходил вовремя на встречу. Бывало, я звонил в кофейню, где мы должны были

встретиться, и передавал, чтобы она ужинала одна, потому что я не успевал вовремя. Часто случалось и такое, что из-за работы я не мог покинуть офис, потому отправлял водителя, чтобы он отвез ее домой.

Когда я в душе решил, что «это именно она», я попросил ее пойти вместе со мной на кладбище к матери на Тхегевоне. Когда я вышел с работы, начало темнеть, а когда мы добрались до кладбища, было совсем темно. Тогда я подумал. Я почти не приходил на свидания из-за строительства магистрали Сеул — Пусан и каких-то других дел, не назначал ей дату помолвки, а как же она решилась пойти со мной ночью на кладбище? Но она вела себя как будто так и должно было быть.

Я склонил голову перед могилой матери.

— Мама, вам не холодно? Вот я, Мен Бак, пришел к вам. Простите, что я так редко к вам прихожу. У папы и родных все хорошо. Мы уже и дом купили. Еще я ездил в Таиланд на работу, а теперь работаю в управлении тяжелой техники. Мама, это ваша будущая младшая невестка. Как вам она? Если бы я не попал тогда в тюрьму, сейчас мы бы жили все вместе, и она бы заботилась о вас...

Я тихо плакал, стоя на коленях перед могилой матери, и молился. Было темно, поэтому моя девушка не видела, что я плакал. Так я простоял очень долго.

Дорога, по которой мы возвращались домой, была ровной и тихой, словно я шел по ней прямо из объятий матери. Тогда я подумал, что надо, прилагая все силы, жить так, как учила меня мама. И был благодарен этой девушке за то, что она пошла со мной.

После того, как жена познакомилась со свекровью на кладбище, она всегда относилась к ней с уважением. А после нашей свадьбы жена стала такой же верующей христианкой, как и мать.

Ли Мён Бак живет со второй женой

— Что случилось-то? Как же ты с таким некрасивым сошлась? Так говорили подруги жене после помолвки. Такие слова вполне можно было предположить, потому что девушка, победившая на студенческом конкурсе красавиц, выходила за меня замуж.

Но и положение у меня было не очень хорошим. Жена говорит, что перед женитьбой я скрыл от нее две вещи. Семейство и образование. Первое: она не знала, что я из такой бедной семьи. А второе: она и не думала, что я поступил в университет, окончив вечернюю школу. На мою свадьбу отец не дал даже «10 вон». На те деньги, которые нам по дарили на свадьбе, мы не могли арендовать квартиру под залог, а платили по-месячно. Мы сняли квартиру площадью в 45 кв. м в районе Мапо. От фирмы, по случаю женитьбы, подарили ковер. В квартиру, где жилая площадь была около 30 кв. м. Я почти ничего не купил. В семье молодоженов единственным доходом была моя зарплата.

Мэр Сеула Ли Мён Бак со супругой

Через каждые 6 месяцев хозяева квартир повышали плату за аренду, поэтому за 3 года мы переезжали 8 раз. Когда мы переехали во второй раз, мы распаковали вещи, а потом начали вытаскивать самое нужное. Когда мы переехали в седьмой раз, мы вытащили из узлов, можно сказать, «только ложки-чашки». Бывало, я забывал, что мы переехали, и после работы возвращался в старую квартиру.

Моим собственным домом стала квартира в 73 кв. м, построенная жилищной корпорацией, возле квартирных домов для государственных служащих у реки Хан. Я приобрел ее, когда с очередным повышением получил должность коммерческого директора. Тогда не было наценки на жилье, нужно было зарегистрироваться как покупателю квартиры, и в случае выигрыша лотереи можно было ее выкупить. Квартира стоила 2 млн. 200 тысяч вон, из которых 1 млн. составлял 15-летний кредит.

Так, жена пережила со мной не легкие времена, когда мы то и дело переезжали из одной квартиры в другую, но еще больше ей пришлось переживать из-за ложных слухов, будто она моя вторая жена.

Во второй половине 1970-х, в деловых кругах на Кангнаме ходили слухи, что «директор "Хендэ" Ли Мён Бак живет со второй женой». Эти слухи дошли до компании, наконец, и до меня. В первый раз я просто рассмеялся. Но слухи не утихали. Потом стало уже не до смеха. Я позвонил в отдел управления и попросил узнать, откуда идут такие разговоры.

История была такова. В то время мы жили в квартире, которую нам дали от "Хендэ" в районе Апкуджонг. Я уходил из дома на рассвете, приходил ночью, часто бывал в командировках, и соседи меня никогда не видели, а только молодую жену. Они думали, что раз я директор строительной компании и то мне лет 50, тогда жене должно было быть около 40, но ей было всего 29, и это для них было странно. Когда жена выходила на рынок с дочерью, люди говорили, что это супруга директора строительной компании "Хендэ". Другие же с ними спорили, как это супруга директора может быть такой молодой? Отсюда и пошли эти слухи.

Как директор, которому было чуть больше 30, его 29-летняя жена, по мнению людей, была слишком молодой.

Женщина из телесериала

Было время, когда по телевидению показывали сериал «Жизнь амбиций», главным героем которого был я. В этом телесериале герой и после женитьбы встречался с женщиной, с которой был знаком со студенческих времен. Зрители думали, что вся история сериала основана на реальных событиях.

«Ничего, что твой муж встречается с другой женщиной?», часто звонили и спрашивали жену. Я пытался связаться с автором сериала. Жена смеялась, говоря, что сериал это всего лишь вымысел.

Однажды в субботу я задержался на работе, пришел домой поздно, и застал жену явно не в настроении.

— Откуда ты сейчас пришел?

У меня не было слов. Как это откуда?

Потом мы с женой долго смеялись. Как раз в тот вечер в очередной серии была сцена, где я встречался с подругой студенческих лет в гостинице, а потом вернулся домой. Я пришел домой через некоторое время после окончания серии, поэтому жена была в замешательстве.

Теперь нужно рассказать о той подруге из сериала.

Прототипом ее была девушка, с которой я познакомился в церкви в те времена, когда меня не взяли в армию. У меня не было денег даже на дешевое рисовое вино, поэтому встречаться с ней было крайне неудобно. Она всегда покупала лапшу с соусом и билеты в кино. Потом я узнал, что она была дочерью государственного служащего, занимавшего высокий пост.

Она приходила по воскресеньям к нам домой на Итэвоне, чтобы пригласить меня в кино. Она могла позволить себе проезд на такси, но чтобы не задеть меня, всегда ездила на автобусе, а ели мы с ней только дешевую лапшу с соевым соусом.

В университете в первый раз устроили вечеринку для парней и их девушек, и видимо, она думала, что я обязательно ее туда приглашу. Но я никогда не ходил на

студенческие вечеринки, поэтому не пригласил и ее. Из-за этого она сильно расстроилась.

Прошло время, и однажды она попросила угостить ее ужином в день ее рождения. Так, она хотела со мной помириться. И конечно, она хотела дать мне возможность угостить ее, потому что обыкновенно она платила за еду. Причем, она просила что-нибудь особенно вкусное. На Ыльджиро 1, где сейчас расположен Корейский обменный банк, был дорогой японский ресторан. Наверное, она бывала там с родителями. Мы поднялись на второй этаж, где было много еды, название которой я даже не знал.

Она заказала нам блюдо Сукияки, о котором я никогда и не слышал, и в маленькой чашечке принесли сырое яйцо. Я выпил его залпом. Официант принес еще одно. Я опять выпил его, тогда официант посмотрел на меня странным взглядом.

Девушка, заметив недоразумение, показала мне, что нужно было делать. Следовало размешать яйцо и макать в этот соус еду. Я был в растерянности из-за своей оплошности, а также переживал, сколько будет нужно за все это заплатить. Поэтому я ел, находясь в напряжении, без всякого аппетита.

Я вышел, чтобы рассчитаться, а она ждала меня на улице. Стоимость ужина явно превышала мои финансовые возможности. Тогда я, как делал это часто в кафе недалеко от университета, решил заложить часы. Которые были старыми, и вдобавок, от старости ржавыми. Официант за кассовым аппаратом рассмеялся и выбросил мои часы. От стыда я хотел бежать, куда глаза глядят.

Мне нечего было делать, я вышел и сказал ей правду, пообещав вернуть ей деньги. Она тут же заплатила.

Я не мог выдержать этого позора. Поэтому не мог с ней больше встречаться. И передал ей через друга деньги за тот обед.

А когда я попал в тюрьму после событий 3 июня, то она каждый день пыталась прийти ко мне на свидание, но отец ругал ее и не пускал. Потому что было недопустимо, что дочь высокого должностного лица встречается с «зачинщиком мятежа против государства». В конце концов, родители устроили ей помолвку с другим молодым человеком.

В день моего освобождения из тюрьмы, среди встречавших меня общественных деятелей и студентов я пытался найти ее, но этой девушки нигде не было.

Однажды мы случайно встретились с ней в булочной. Увидев меня, она заплакала.

— Я не могла идти против воли родителей, поэтому сейчас помолвлена с другим. Но если ты скажешь, я уйду из дома.

Но я был к этому не готов. После той встречи мы ни разу не виделись. Но в телесериале мы встречаемся и по сей день.

Комплекс из-за некрасивой внешности

Когда мы проводили магистраль через тропический лес в Таиланде, в нашей команде были две женщины, которые надолго остались в моем сердце. Одна из них жена коммерческого директора Ким Енг Джу, младшая сестра директора Чонг Джу Енга, а вторая — китаянка Чен Ринг, которая жила в деревне неподалеку от строительного объекта.

Госпожа Ким следила за работой поварих на кухне, и по началу была обо мне не очень высокого мнения.

Как бухгалтер я часто встречался с женщинами, работавшими на кухне, — выдавал им деньги на продукты и собирал квитанции.

Однажды эти женщины спросили меня.

— Бухгалтер Ли, а ты женат?

— Нет, я пока холостой.

Тут выражение лица госпожи Ким, которая стояла неподалеку, стало мрачным. Я не знал, в чем причина, но с того момента она была очень холодна со мной. Однажды она подозвала меня и сказала: «Мистер Ли, приходите вечером к нам домой. Мне есть о чем с вами поговорить». Я не знал в чем дело, вечером пошел к ней, и там выслушал от госпожи Ким откровенное предупреждение.

— Мистер Ли, я слышала, что вы очень хорошо работаете. Спасибо, что и на кухне часто помогаете. Все хорошо. А я хочу сделать вам одно предупреждение. Я видела, что у вас есть ребенок, зачем же вы обманываете, что холостой?

Это была женщина с таким же прямым, открытым характером, как и ее брат, поэтому она не могла терпеть женатого обманщика, выдававшего себя за холостяка. И высказала мне все это.

— О чем это вы говорите? Я не женат, откуда у меня может быть ребенок?

— В прошлый раз, когда в Корее были проводы, у вас был ребенок.

— Ах, так вы об этом...

Во время работы за рубежом

Наконец я понял причину враждебного отношения супруги Кима ко мне. В то время выезд за рубеж был важным событием не только для самого отъезжающего, но и для всей его семьи. Поэтому перед отъездом устраивали проводы в офисе компании. Из моих родных пришла только жена брата с ребенком, чтобы пожелать мне хорошей дороги и успешной работы за рубежом.

Супруга Кима услышав, кто это был на самом деле, рассмеялась. И потом стала относиться ко мне, как к родному брату. Она знала, что я люблю рисовый хлеб, каждый раз, когда был повод, она делала его, и оставляла для меня отдельную порцию. Прошло время. И когда она жила в Ульсане, я иногда заезжал к ним, и она всегда принимала меня, как родного.

Еще одна женщина — это Чен Ринг, дочь хозяина китайского кафе, находившегося недалеко от нашего строительного объекта. Мы часто ели в этом кафе. Во дворе их дома был колодец с чистой водой.

Несколько раз мы порывались попить воды из этого колодца, но хозяин, как все мужчины Востока, не пускал посторонних в свой двор. Но я его очень просил, поэтому он сказал членам своей семьи: «Мистер Ли порядочный человек, пусть набирает у нас воду». Так у меня появилась особая привилегия входить к ним во двор.

Однажды я вошел во двор набрать воду, и вдруг почувствовал чей-то взгляд. Я огляделся и увидел красивую девушку лет двадцати, мы встретились взглядами, затем она исчезла в глубине дома.

Словно околдованный, я заморожено смотрел в ту сторону, куда ушла девушка. Густые брови, белая кожа, прекрасно сложенное тело, проглядывавшее из-под традиционного китайского платья, — все это стояло перед моими глазами, как будто я был во сне.

Когда я пошел за водой во второй раз, я думал уже не о воде, а о той девушке, и смотрел по сторонам, и тут она опять появилась. Во время этой встречи мы уже могли обменяться взглядами с улыбкой. Но и на этот раз она быстро ушла в дом.

Я ходил за водой несколько раз, и девушка всегда выходила, садилась у колодца. Я все чаще ходил за водой, и она, словно ждала меня, всегда появлялась у колодца. Однажды наши отношения перешли в новую стадию, и мы встретились в кафе у дороги. Когда я рассмотрел ее в кафе внимательно, она показалась мне еще красивей. Тогда парню за двадцать эта девушка-иностранка казалась ангелом, даже если это было не так. Но она действительно была красавицей, поэтому я не мог не обратить на нее внимания.

— Какая ты красивая!

У нас было не так много слов, которые мы могли сказать друг другу. Мне было нелегко говорить на английском, который тогда я знал не очень хорошо. А Чен Ринг знала английский еще хуже, чем я. Мы не могли говорить друг с другом, но в душе беседовали о многом. Мы встречались всего несколько раз, но казалось, что знаем друг друга очень давно.

Каждый раз, когда я встречался с ней, меня мучили мысли о моей некрасивой внешности. С детства я слышал: «из всех детей Мен Бак самый некрасивый», я и сам так думал, а перед этой девушкой комплекс «некрасивой внешности» только обострился.

— Ты такая красивая, а я нет. У меня такие маленькие глаза, и их никак не сравнишь с твоими. Я хотел бы даже поехать в Бангкок, чтобы там мне сделали операцию. Мои глаза стали бы чуть больше, и тогда я смог бы встречаться с тобой.

Чен Ринг покачала головой.

— У тебя во внешности самое привлекательное это ясные глаза. Кто сказал, что ты некрасивый?

Чен Ринг была первой в моей жизни, кто сказала, что я, и особенно мои глаза, за которые меня всю жизнь дразнили, были привлекательными.

На строительном объекте, где шла настоящая война, сердце мое билось в романтических мечтах и томлении.

Но этот сон не долго продолжался. Хозяин китайского кафе узнал, что мы часто встречаемся в кафе у дороги, и запретил дочери выходить на улицу, а мне — входить в их двор.

Вероятно, я был первым увлечением Чен Ринг, которая жила в семье строгих традиций, и я очень мучился оттого, что не мог с ней больше видеться. На последнем этапе нашего проекта шла отчаянная борьба за то, чтобы как-то сократить убытки компании, и со временем поблекли мои мечты, связанные с этой прекрасной иностранкой.

Секрет хорошего папы

— У вас, господин Ли, семья есть?

Иногда люди задают мне этот вопрос. Я не знаю, как на него ответить. Если сказать, что есть, то меня будут критиковать за то, что глава семьи не уделяет ей должного внимания, если сказать, что нет, то это будет просто ложью. Поэтому я каждый раз говорю, что этот вопрос не касается рабочих дел, и ухожу от ответа.

Семьей полностью «управляет» моя жена. У меня четверо детей: три дочери и сын, но я не присутствовал при рождении ни одного из них. Я жил, весь погруженный в работу, поэтому у меня почти не было времени, чтобы провести его с семьей.

Особенно со второй половины 1980-х годов, когда я стал директором строительной компании "Хендэ". Бывало, что больше 6 месяцев в год я проводил за рубежом. И не было времени даже съездить в путешествие с семьей. Хотя нет, один раз я ездил с женой, а второй — со всей семьей. Когда вышел приказ о моем назначении на должность директора, мне нужно было время, чтобы подумать. Поэтому, воспользовавшись паузой, мы поехали с женой в родные места. А когда нужно было принять решение об уходе из "Хендэ", мы поехали на несколько дней на остров Чеджу. Но эти неожиданные отпуска все равно были связаны с моей работой, поэтому настоящего путешествия всей семьей, можно сказать, не было ни разу.

Тем не менее, мои дети всегда говорят: «папа, ты такой у нас внимательный». Их классный руководитель сказал, что не может понять этих слов. И в самом деле, я ничего не сделал для своих детей. Я ни разу не привозил им подарков, когда ездил в командировку за рубеж. Иногда я приносил им пассажирские одноразовые принадлежности, которые давали в самолете. Дети поначалу думали, что это подарки, которые папа специально купил для них, но когда они выросли, то поняли, что отец никогда ничего им не привозил.

Как же тогда такой отец смог получить оценку детей, что я был к ним внимателен? В чем тут секрет?

Когда я уезжал в командировку, жена тайком давала мне расписание детей, которая составляла сама. День, когда они шли на пикник, день, когда был экзамен, и не только это, кто с какими друзьями общался в последнее время, и подробно о семьях этих детей (как же расстроятся они, когда узнают эту «секретную информацию», прочитав мою книгу!).

— Это папа. Я в Сингапуре, здесь идет сильный дождь. А у вас как?

Я начинал с разговора о погоде, а потом говорил об экзаменах.

— А экзамен как сегодня прошел? Корейский язык, математика и физика, три предмета было, да?

— Папа, откуда ты знаешь?

Я смеялся и говорил, подглядывая в блокнот, какие экзамены будут на следующий день.

— А завтра английский и история, правильно?

Поэтому дети думали, какой папа внимательный, что знает их расписание наизусть.

Однажды я говорил с третьей дочерью по телефону.

— Завтра на пикник? Все приготовила? Наверное, уже и роллы из морской капусты завернули. А кто их делал?

— Роллы наша домработница делает.

— Да?.. Дай-ка маме трубку.

Когда я разговаривал с женой, я не говорил ей: «роллы для детей ты и сама могла бы сделать». Я говорил о погоде и других мелочах, а потом прощался. И представлял, что будет после моего звонка.

— Что папа говорил?

— Пожелал хорошо погулять на пикнике. Спросил, кто роллы готовит, я ответила, что домработница.

Тогда жена бросала все дела и сама готовила роллы. Эту сцену с женой я не придумал, я узнал об этом, когда вернулся домой. Есть причина, почему я не говорил жене самой готовить роллы. Пусть мы и супруги, но я не могу давать ей указания.

Я не имел права делать замечание жене, которая воспитывала детей, помогала в церкви. Что мог сказать такой человек, как я, который не выполнял обязанностей мужа и отца? Я мог сказать дочери: «пусть мама тебе приготовит роллы», но я этого не делал. Потому что жена итак прекрасно понимала, почему я спрашиваю это у дочери. В результате одним телефонным звонком я добивался того, чего мне хотелось.

Я никогда прямо не говорил сыну: «не играй с этим парнем». Если часто использовать слова, «нельзя, не делай, не надо», тогда дети не будут слушать родителей. Тогда они отдаляются, а со временем вообще исчезают откровенные беседы в семье.

Я называл сыну имена друзей, с которыми было бы хорошо дружить. Спрашивал, как дела у них, как дела их родителей. Хороший друг не определяется богатой или влиятельной семьей. В первую очередь я смотрю на то, какие отношения у них в семье. И как можно чаще говорю о родителях этих друзей.

Также я никогда не говорил о друзьях сына, которые мне не нравились. Естественно, что ребенок общался теми детьми, о которых чаще спрашивали его родители. Так я косвенно старался повлиять на детей, чтобы они могли отличать хороших друзей от плохих.

И только так можно добиться того, чтобы дети думали: «Наш папа знает о нас все. Куда мы пошли, с кем общаемся. Если общаться с плохими ребятами, то папа и об этом узнает. Поэтому лучше с такими друзьями не общаться».

Нельзя обращать внимание только на образование детей. Отцу важно иметь свой метод, свое ноу-хау, чтобы дети знали об его постоянном к ним внимании.

Завтра я не поеду на их машине

Моя вторая дочь одно время ездила в школу на машине с дочерью прокурора, потому что мы жили в одном районе. Но однажды по дороге в школу, этот водитель нарушил дорожные правила, из-за чего автомобиль остановила дорожная полиция.

— Мой папа — прокурор.

Девочка сказала, кто ее отец, полицейский уточнил имя прокурора и отпустил просто так.

— Я завтра не поеду на их машине.

Так сказала вторая дочь, вернувшись в тот день домой. Ну и что, что дочь прокурора, правила то были нарушены. Если ты нарушил, то за это надо платить. Она возбужденно говорила мне об этом, что обе стороны не правы — и тот, кто попросил отпустить, потому что это машина прокурора, и тот, кто выполнил эту просьбу.

— Наверное, водитель случайно нарушил правила. Ты не суди об этом слишком строго.

Так я говорил дочери, но был рад за нее в душе.

Иногда звонили домой с просьбами, которые было сложно выполнить. Бывало, что я забывал, что дети слышат, и разговаривал громко, за что меня дети потом отчитывали.

— Ладно, не переживай. Я попробую что-нибудь сделать. А если не получится, то есть люди и повыше...

Я заканчивал разговор, и тут же меня окружали четверо детей.

— Папа, как ты можешь так говорить? Это неправильно. Попросить о помощи сильного, ведь это несправедливо. Поэтому в нашей стране все так происходит...

В тот день я всеми силами пытался оправдаться, и был объектом критики для своих детей. Наши дети не могут терпеть подлости и постыдных поступков. Они требуют строгого соблюдения правил.

Иногда я не могу понять поведения родителей при воспитании детей. Потому что они не способны взглянуть на все с их, детской, стороны. Есть много людей, которые думают, что материальные блага: еда, одежда, деньги на расходы — это самое важное в воспитании детей. Как будто они хотят дать детям все, чего им самим не хватало в детстве. Это неправильно.

Я не могу проводить много времени с детьми, но всегда стараюсь сделать так, чтобы они чувствовали, что мы живем одной жизнью. Так же, как я всегда знаю расписание детей, так и они всегда знают о моей жизни. Всегда знают, где я нахожусь. Когда дочь поступила в университет и ходила в кружок, она попросила меня написать статью в студенческую газету. Я сидел в офисе и писал. Позвонила дочь, она переживала из-за сроков сдачи статьи.

— Я сейчас пишу.

— Папа, как закончишь писать, приходи домой быстрее. Если дети всегда знают, где и что в данный момент делают родители, то им в семье не нужно какое-то особое воспитание. Какие отцы говорят детям, что они пошли танцевать в клуб или выпивать в караоке с девушками. Чтобы быть открытыми с детьми, надо заниматься хорошими делами. Если родители делают то, за что им не стыдно, тогда и дети будут учиться на их примере.

Даже если я не могу провести воскресенье с детьми, то они не выражают недовольства. Потому что они точно знают, что я работаю.

Жизнь родителей и есть воспитание детей. Не нужно переживать, как же их воспитывать. Надо думать, как должны жить родители, и нести ответственность за свои мысли и поступки перед детьми.

Способ зарабатывать и тратить деньги

После того, как я вошел в политические круги, я выдержал несколько ударов.

Первое, о чем я уже писал, это отношения с президентом Чонгом, с которым я был вынужден расстаться. А другое — это людское осуждение, что у меня, профессионального управленца, так много имущества. Я повторяю, что для меня это было ударом, и на то есть причина.

Был такой период в нашем обществе, когда иметь много имущества считалось зазорным, и к такому человеку относились, как к преступнику. Это было очень опасное явление. Если такие взгляды будут преобладать в обществе, то сложно будет добиться цели, которую ставит перед собой государство, — повышения уровня жизни своих граждан.

Когда в обществе обращали пристальное внимание на имущество государственных служащих, я участвовал в телевизионном часовом ток-шоу. Тогда я высказался, что наше общество должно быть не чистым и бедным, а чистым и богатым, что вызвало немало споров.

Проблема не в том, много ли у человека денег или мало, а в том, как эти деньги им заработаны. И справедливо именно то общество, которое обращает внимание на происхождение заработанных денег. Безусловно, большой общественной проблемой являются компании и личности, которые зарабатывали не честным путем. Поэтому в обществе сформировалось негативное отношение ко всем богатым, но это надо исправлять.

В корейском языке есть пословица «зарабатывать, как собака, тратить, как король», но сейчас наступили времена, когда надо «и зарабатывать и тратить, как король». То есть надо честно, законно зарабатывать, чтобы тратить с уверенностью.

И в самом деле, у меня имущества больше, чем у простых сотрудников компаний. Но я тем самым являю пример, что и честным путем можно заработать деньги, работая в компании.

За прошедшие 30 лет я работал в компании, отдавая ей все силы, не используя даже отпуск. Если бы я работал директором в американской компании 15 лет, то какое у меня было бы состояние? И стало бы это проблемой в американском обществе?

Все мое имущество — это дом и два участка земли.

Дом, в районе Нонхен, где я сейчас живу, достаточно большой. Этот дом мне построила компания "Хендэ", когда меня назначили на должность директора в 1979 году, чтобы я мог принимать там иностранных гостей.

В районе Сочо есть здание, которое я использую как офис, и еще участок земли. Когда в 1976 году я был первым заместителем директора, мне дали премию за крупный заказ на Ближнем Востоке. Тогда у меня не было времени распорядиться этими деньгами, поэтому я отдал банковский счет заместителю директора по финансовой части Чонг Тхэк Гю, чтобы он распорядился премией. Потом я просто забыл о ней, но заместитель директора Чонг сказал, уходя на пенсию, что на эти деньги купил участок земли в районе Сочо.

Другой же участок земли в районе Янгдже, примерно 820 кв. м., мне насильно вручила администрация города Сеула в 1972 году. В то время администрация города продавала облигации по строительству первой линии метро высоким должностным лицам компаний с условием, что вернет основную сумму через 2 года. Тогда я должен был купить облигации на сумму 2 млн. 500 тыс. вон, но прошло 2 года, мне не вернули деньги, и вместо них дали заброшенный участок земли в районе Янгдже. Этот район находился на краю города. Я обратился с протестом к городской администрации, но это не дало никаких результатов.

Это все, что у меня было. И я не пытался специально разбогатеть. У меня не было ни минуты свободного времени, чтобы тратить его на такие дела. Я получал зарплату, как и полагается управляющему на высокой должности в компании, и всегда этим гордился. Я никогда в жизни не интересовался «спекуляцией недвижимостью». А если бы интересовался, то попытался бы купить землю в Маньчжурии или Сибири.

Для тех, кому за 50, цель жизни — просто хорошо жить. И это поколение, которое проливало кровь, прилагая нечеловеческие усилия для восстановления страны, на руинах войны, добилось своей цели.

Мы делали все, чтобы накопить денег, но у нас не было времени задуматься, как заработанное потратить. И мы не могли научить этому младшее поколение. Поэтому некоторые молодые люди так бездумно тратят деньги, заработанные родителями, что порождает новые проблемы в обществе.

Мы с женой не собираемся оставлять наследство своим детям. Мы передадим им только то духовное богатство, которое получили от родителей и наработали сами. Мы никогда не винили своих родителей, но, возможно, дети будут винить нас. Однако, когда они повзрослеют, у них будут свои дети, и они подумают, что надо их чему-то научить, и тогда, я верю, они нас поймут.

В конце 1994 года я создал фонд по изучению будущего Корейского полуострова и Восточной Азии.

Этим фондом планируется выделять средства на исследования и обучение ученых, проведение семинаров, издание научных материалов и книг. Планируется начать проект по широкомасштабному исследованию вопросов будущего Восточной Азии в областях науки, технологии, окружающей среды, тендера, этнологии, экономики, обороны, культуры и других.

Проектами социального обеспечения может заниматься государство и крупные компании. Помогать инвалидам и пожилым может любой. Но долговременный проект по глубокому изучению Восточной Азии невозможен без создания фонда. Создание такого фонда был первым шагом в моей концепции «чистого и богатого государства».

Таким образом, с созданием фонда я хотел бы всем показать, как, по моему убеждению, следует тратить заработанные деньги.

Будущее на севере

Как только нагнется экономическое сотрудничество двух Корей, откроется наземный путь. Это послужит началу конкретных действий со стороны экономического блока Северо-Восточной Азии. Чтобы выдержать конкуренцию Японии и Китая, которые составляют четыре главных экономических центра вместе с НАФТА и ЕС, у Южной и Северной Кореи есть только один выход — объединение.

В поисках нового света

В марте 1988 года я стал президентом строительной компании "Хендэ". Это повышение произошло, спустя 11 лет после того, как я стал директором компании, и спустя 23 года после моего поступления на работу. Тогда мне было 46 лет.

Все СМИ пребывали в таком ажиотаже, как будто только и ждали этого события. Меня называли «кумиром всех служащих».

Я был в центре всеобщего внимания.

Мое назначение на должность президента компании совпало по времени с большими переменами в руководстве корпорации "Хендэ" в феврале 1987 года. Тогда президент компании "Хендэ Моторз" Чонг Се Енг стал президентом корпорации "Хендэ", а президент Чонг Джу Енг стал почетным президентом. Но в реальности он продолжал руководить корпорацией.

В начале 1980-х годов "Хендэ" разделилась на две части. В мае 1982 года Ли Чун Рим стал президентом компании "Хендэ Хэви Индастриз", а Ким Енг Джу — президентом "Хендэ Энджин". Так, профессиональные управленцы возглавили одни подразделения корпорации "Хендэ", другими должны были управлять дети президента Чонга. Менеджеры в отделениях готовили для них почву.

Именно в такой период, когда в руководстве встретились профессионалы и наследники Чонга, я стал президентом компании. В "Хендэ" ко мне относились с большим уважением. Но, тем не менее, я чувствовал, что приближается время покинуть корпорацию. Потому что дети Чонга, возглавившие компанию, уже не принадлежали моему поколению. Как я и говорил погибшему Чонг Монг Пилю, я управленец того же поколения, что и президент Чонг. Я не мог до конца своих дней пользоваться предоставленными мне условиями в "Хендэ". Ибо я никогда не сижу и не жду, когда в мою жизнь войдет будущее. Так живут многие. Но я всегда старался победить время, поэтому я снова бросился навстречу будущему, чтобы обрести его и сделать своим.

После того, как я стал президентом, я задумался, что же можно в последний раз сделать для компании. Это был период, когда были необходимы очередные перемены. Если смотреть в прошлое, то строительная компания "Хендэ" через каждые 10 лет определяла для себя новое направление. В 1960-е компания впервые получила заказ на строительство за рубежом, в середине 1970-х вышла на рынок Ближнего Востока и стала компанией с мировым именем. Локомотивом стремительного развития экономики Кореи в 1970-е годы было прогрессивное правительство, а также такие успешные компании, как "Хендэ".

Если компания не будет продвигаться вперед, она начнет терять свои позиции. Останавливаться нельзя ни на минуту. Компания через внутренние реформы должна создавать свое будущее. В середине 1980-х имидж компании заключался в открытом всему миру духе освоения, поэтому для строительной деятельности "Хендэ" нужна была «новая земля». И это новое место освоения должно было стать следующим этапом прорыва.

После участия в Национальной Ассамблее по вопросу о ликвидации пятой республики президент Чонг Джу Енг был разочарован политической властью, считая, что его предали. Трудные отношения корпорации с правительством шестой республики прямо отразились на деятельности корпорации. В результате этого обстановка была сложной, необходимо было найти выход для обновления, требовалось новое видение и понимание образа компании.

Однажды я внимательно рассматривал карту мира.

Где же тот новый свет для "Хендэ" и лично для меня?

Я начал думать о Севере. Под Севером я подразумевал коммунистический мир: Советский Союз, граничащий с Корейским полуостровом на севере, Китай, Восточную Европу, Северную Корею и другие страны. Мы стали жертвами режима после Второй мировой войны, случилась трагедия, когда братья направляли друг на друга оружие, и Север для нас стал врагом. Или источником вечной угрозы и страха, от которого надо было держаться подальше. Поэтому вся наша деятельность была ограничена, ровно наполовину. Из-за идеологии мы жили как инвалидами.

С политической точки зрения дипломатия в отношении Севера была в первую очередь направлена на Пхеньян. Москва и Пекин были всего лишь обходными путями, чтобы попасть в Северную Корею.

Но если смотреть с экономической точки зрения, то это был очень узкий подход. Потому что бывший Советский Союз и Китай были не просто транзитными странами, чтобы попасть в Пхеньян. Обе эти страны сильно влияли на политику, экономику, культуру Корейского полуострова, и влияние это будет продолжаться в будущем.

Объезжая весь мир по делам компании, я никак не мог справиться с чувством стыда в глубине души. С одной стороны, я гордился тем, что мы осуществляем проекты по всему свету, с другой, мне было стыдно, что мы и ногой не можем ступить в ту половину мира, которая называлась коммунистической.

И Китай, и Приморский край и Сибирь бывшего Советского Союза очень близки к нам географически. И это более чем странно, что США, отделенные от нас Тихим океаном, являются нам другом, а с двумя соседними странами мы уже около полувека враги. И как же можно было идти навстречу 21 веку с таким страшным врагом под боком?

Выход на Север стал «завершающим проектом» для меня как управленца компании.

Есть надежда

Моя последняя миссия в "Хендэ". Я постепенно обретал уверенность, что шансы на проект, который сможет оживить государство и компанию, связаны с бескрайней тундрой Сибири. Но конкретного выхода пока не было. Было обозначена только цель, место назначения, и пока никакого туда пути. И не было на тот момент никаких дипломатических связей с Советским Союзом. Таким образом, не было никакой возможности проложить путь на Север не только государственной организации, но и частной компании.

Но чем меньше шансов на осуществление, тем полнее чувство удовлетворения в случае успеха. На мой взгляд, в перспективе у нас были большие шансы, так же думали и другие люди. Нужно было бросить вызов невозможному. Новая авантюра, новый вызов, — я подумал, что строительная компания "Хендэ" должна сделать и это. Как и все, что она делала до сих пор.

В поисках выхода на Москву участвовал представитель японской компании "Ниссе Иван". Ответственный этой компании был партнером "Хендэ" по строительству электростанции Эль-Мусаиб в Ираке. Он доверял мне, потому что знал, как качественно я справляюсь с работой.

— Очень плохо, что на Ближнем Востоке нет строительных проектов. Нам нужно новое большое пространство для работы. Вот бы поработать в такой большой стране, как Советский Союз...

Я как бы невзначай попытался узнать его мнение на этот счет.

— Вас интересует Советский Союз?

— Пока ничего конкретного. Мы работали на территории, где температура плюс 40 градусов, но не работали в погодных условиях при минус 40.

Ответственный компании "Ниссе Иван" сразу же ответил.

— У нашего головного офиса есть филиал в Москве. Ведь именно наша компания активнее других японских работает с Советским Союзом.

— Я бы хотел хоть раз побывать там. Нет ли возможности устроить поездку?

— Это будет нелегко. Если только приглашение от коммунистической партии вам отправят... Мы давно работаем с Союзом, давайте попробуем это сделать.

Ответственный японской компании взялся за организацию моей поездки в Советский Союз не только из-за наших личных отношений. Он поступил так, потому что думал, что и для японской компании будет выгоден выход на советский рынок вместе с "Хендэ". Ведь бизнес это не односторонние интересы. Деловое рукопожатие происходит в момент, когда это выгодно обеим сторонам.

Несмотря на активное посредничество "Ниссе Иван", найти выход в Москву было нелегко. Не было официальных отношений между нашими правительствами, поэтому

из Советского Союза меня не могли пригласить. Нет сложнее ситуации, чем та, когда есть объект назначения, но нет туда пути.

— Но есть надежда.

Так сказал мне ответственный "Ниссе Иван" во время телефонного разговора осенью 1988 года.

Один чиновник из торгово-промышленной палаты СССР сказал, что решение будет принято, после того, как он посетит Корею, возвращаясь из Японии, и встретится со мной.

Во время встречи с представителем советской торгово-промышленной палаты, у меня появились хорошие предчувствия. Он положительно оценил перспективы сотрудничества Советского Союза и Кореи, а также проявил интерес к компании "Хендэ". Он вернулся в СССР и на пресс-конференции заявил, что встреча в Корею прошла успешно. Вскоре он отправил мне сообщение: «Очевидно, будет возможность пригласить вас в Советский Союз. Напишите список лиц, планирующих приехать».

До тех пор президент Чонг ничего не знал о моих тайных планах по выходу на Север.

— Господин президент, как бы вы отнеслись к поездке в Советский Союз?

Я впервые сказал об этом президенту Чонгу за несколько дней до получения приглашения. Первая реакция Чонга была сдержанной.

— Да что там делать, в этой холодной стране? Ли, ты сам и поезжай.

Президент Чонг не испытывал особого интереса к Советскому Союзу. Но это был первый визит корейских бизнесменов в страну, и Чонг должен был поехать, тем более как почетный председатель корейской федерации промышленников.

Через некоторое время, после нашего разговора о поездке в Советский Союз, мы вместе с президентом поехали в командировку в Нью-Йорк. За шестнадцать часов перелета я подробно рассказал ему о планах выхода в Советский Союз. Чтобы Чонг скорее согласился со мной, нужно было все объяснить ему с позиций бизнеса.

— Советский Союз имеет для нас большее значение, чем США. СССР — это страна с самыми богатыми природными ресурсами, которых у нас практически нет. Это и есть основная причина, почему мы должны выйти на советский рынок. И мы сможем привезти эти природные богатства по наземным путям. И не надо заранее говорить, что Северная Корея не откроет нам дороги. Потому что им тоже нужны нефть и газ, и они будут вынуждены открыть нам путь. В 21 веке нам потребуется еще больше энергоресурсов. Если транспортировка будет осуществляться не по морю, а по суше, это значительно облегчит весь процесс.

Президент Чонг стал проявлять интерес. В самолете, на котором мы возвращались из Нью-Йорка, я говорил обо всех экономических составляющих проекта, о его результате, наконец, об историческом значении такого выхода на Север.

— Господин президент, пришло время, когда вы должны задуматься о возрасте. Если вы будете участвовать в проекте выхода на Север, который имеет огромное значение для государства, то это станет успешным завершением вашей деятельности в качестве бизнесмена.

— Да? Ну, давай попробуем. Вообще я снег люблю, вот и снегом полюбуемся.

По возвращении в Сеул я начал переговоры по поводу визита в Советский Союз. Соответствующие ведомства нашей страны с удивлением реагировали на мои запросы. Но никто мне не препятствовал. Потому что никто на это особо не надеялся. Но в министерстве безопасности сразу же ответили на мои предложения.

Мы прошли там подготовку, пообещали «не выходить за рамки экономики», и только после этого нам дали разрешение на выезд.

Все члены делегации взяли с собой в поездку самую теплую одежду и обувь. Мы волновались из-за холодной погоды, но больше опасались идеологии, с которой нам предстояло столкнуться в стране, центре мирового коммунизма, которую мы посещали впервые.

Всего, со мной и Чонгом, нас было пятеро. Двое для предварительных переговоров выехали в Москву 5 января 1989 года, а остальные трое, среди которых Чонг и я, прибыли 7 января самолетом через Пекин.

Мы были чрезвычайно возбуждены в ожидании, в надеждах и беспокойстве, мы обменивались шутками, когда поднялись на борт самолета "Ил" государственной советской авиакомпания "Аэрофлот". 62 градуса северной широты, самолет летел над тундрой Сибири, конца которой не было видно. Это была будущая Мекка 21 века для "Хендэ" и для всего Корейского полуострова. Так я решил для себя, когда смотрел из окна авиалайнера на бескрайнюю Сибирь.

Ледники Северного полюса, растопленные водкой

10 января 1989 года в Москве мы встретились с представителями торгово-промышленной палаты Советского Союза и сразу приступили к переговорам.

С нашей стороны было сделано первое предложение. Надо создать систему, согласно которой корейские компании смогут осуществлять экономическое сотрудничество с Советским Союзом, а в качестве первого проекта, "Хендэ" выразила желание участвовать в освоении Сибири.

С советской стороны спросили, какие сферы хотели бы инвестировать корейские компании.

Мы предложили создать комитет по экономическому сотрудничеству Республики Корея и СССР. Это было значительным предложением для первой встречи. Потому что в Корее придавали особое значение уже тому, что корейские бизнесмены посетили Советский Союз. Настолько высокой была стена, разделявшая наши страны. С советской стороны, очевидно, были заинтересованы только в экономическом сотрудничестве на уровне частных компаний, поэтому не рассчитывали на создание такого официального органа, как комитет экономического сотрудничества.

Поэтому советские представители оказались в растерянности. Они высказали свое мнение, что для такого создания нужно все хорошо обдумать, потому, что пока еще рано заявлять об экономическом сотрудничестве с корейскими компаниями. Имелось в виду, что они не могли не учитывать дружественные отношения с Северной Кореей.

Но мы думали совсем по-другому. Для нас главной целью было не просто экономическое сотрудничество корпорации "Хендэ" и других корейских компаний с Советским Союзом. Я считал, что через экономическое сотрудничество надо подготовить базу для дальнейшего установления дипломатических отношений. Самый главный наш проект заключался в том, чтобы сделать для будущих поколений Советский Союз не врагом, а другом.

В конце концов, советские представители ответили твердым отказом на наше предложение. Возникла ситуация, когда первое совещание «забуксовало». На переговорах я был представителем корейской стороны, и в процессе докладывал о ходе

дел президенту Чонгу Но он был расстроен из-за того, что с самого начала переговоров мы столкнулись с непреодолимыми препятствиями.

— Придется возвращаться ни с чем, по всей видимости. Сообщите им, что если все будет так продолжаться, мы уедем. Или ты продолжишь переговоры, пытаясь найти выход. В Корее много компаний надеется на хороший результат...

Тогда мы сказали советской стороне, что собираемся уезжать, на что они ответили, что «пожалуйста, можете ехать». Таким образом, первые переговоры закончились полным провалом. Если бросить все в такой момент, то не только приход корейских компаний в Советский Союз, но и нормализация отношений между двумя странами, были бы отложены на неопределенное время. Возникла кризисная ситуация.

На самом деле, президент Чонг хотел, чтобы переговоры продолжились любыми путями. Но проблема была в Советском Союзе. Я учитывал, что эти переговоры не были свободными, и советскими представителями управляли коммунистическая партия и КГБ. В переговорах со странами Запада было достаточно убедить участников переговоров. Но здесь советская сторона без разрешения «сверху» не могла решить ни одного вопроса. Тогда мы подумали, что без решения самого Михаила Горбачева ничего не получится. Переговоры были приостановлены, и я до поздней ночи пил водку с заместителем председателя президиума торгово-промышленной палаты СССР В. Галановым. Говорят, чтобы общаться с советским человеком, нужно хорошо пить водку, и это правда. Если иностранец хорошо пил водку, то советские люди относились к нему, как к старому другу. Это так же как у нас, мы испытываем дружеские чувства к иностранцам, которые приезжают в Корею и хорошо пьют корейскую водку-соджу или корейское рисовое вино. В тот день мы выпили много водки и просто, по-человечески, общались.

Было уже очень поздно, и тут я опять начал говорить о наших переговорах.

— Если вам сложно это решить самому, то может устроить встречу нашего президента с председателем президиума торгово-промышленной палаты? Вы говорите, что его сейчас нет в Москве, но так ли это на самом деле?

Я догадывался, почему они не послали на первые переговоры своего председателя. Получилось бы не очень хорошо, если бы переговоры с участием председателя палаты с представителями страны, с которой нет дипломатических отношений, сорвались.

Кажется, таков был стиль их переговоров. Я откровенно сообщил об этом Галанову, а потом сказал о значении этих переговоров.

— Президент Чонг, который приехал со мной, является главным представителем бизнес-кругов Кореи. Он находился на должности председателя федерации корейских промышленников 10 лет, а сейчас почетный председатель. А я уже тринадцатый год на должности заместителя председателя корейской торгово-промышленной палаты. Поэтому если мы придем, в конце концов, к пониманию, то это окажет огромное влияние на дальнейшее успешное сотрудничество корейских компаний с Советским Союзом. И даже если пока не заключены официальные отношения между нашими государствами, экономическое сотрудничество может осуществляться через такие частные каналы, как торгово-промышленная палата.

Далее я рассказал об успешном выходе корейских компаний на мировые рынки Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, и добавил, акцентируя, что мы можем способствовать развитию экономики Советского Союза.

— Мы приехали просто как предприниматели, у нас нет никаких политических интересов. И мы ни в коем случае не хотим как-то влиять на ваши отношения с Северной Кореей. И передайте, пожалуйста, обо всем, о чем мы с вами беседовали, руководству вашего правительства. Тогда они поймут наши искренние побуждения.

— Хорошо. Тогда встретимся еще раз завтра на переговорах. Даже если после первого визита не было бы никаких результатов, никто не мог бы нас за это критиковать. Потому как было много причин этому: идеология, политический режим, рентабельность инвестиций. Но я, как всегда, не сдавался.

Переговоры возобновились утром следующего дня. А во второй половине пришло сообщение из торгово-промышленной палаты СССР.

— Хорошие новости. Мы готовы на заключение контракта. Встретимся для их подписания.

Это был огромный успех в переговорах, особенно после того, как всем казалось, что придется уезжать ни с чем.

11 января 1989 года впервые в истории стран был подписан документ между Республикой Корея и Советским Союзом.

Для бизнесмена нет радостнее момента, когда подписывается контракт. Трудно выразить то глубокое удовлетворение, когда подписан документ и ручки отложены в стороны.

Конечно, не было никаких договоренностей о конкретных проектах, но всех переполняла радость оттого, что, наконец, был открыт путь для экономического сотрудничества с Советским Союзом, который около полувека являлся нашим врагом. И президент Чонг был очень доволен.

В тот вечер нашей стороной был устроен ужин.

Таким образом, наш первый визит дал начало всем последующим визитам в Советский Союз до 1991 года. Только официальных посещений управляющих корпорации "Хендэ" было семь. Мы побывали в самых разных местах Советского Союза, куда была возможность ездить, — в Ленинграде, Находке, Якутии, Восточном. И не было других иностранцев, которые так свободно ездили по всей стране в тот период.

Каждое утро мы готовились к переговорам с представителями центрального правительства или отдельных республик, потом посещали разные предприятия и организации. Деловые визиты заканчивались около полуночи, тогда мы собирались вместе, чтобы поближе, в неформальной обстановке, познакомиться. Бывали дни, когда мы летели на вертолете более десяти часов, когда даже местных чиновников укачивало, и они наотрез отказывались от поездок.

Мы ездили по всей Сибири, но президент Чонг и я хорошо выдерживали такой походный режим. И мы не пропускали ни одного предприятия или организации, с которыми возможно было сотрудничество, и контролировали все, вплоть до мелких вопросов. И казалось, мы снова помолодели.

Советские чиновники увидели, как мы работаем, и очень этому удивились. Потому что, как сказал один из них, сюда приезжали разные люди из Европы, из промышленно развитых стран, но ни разу не было бизнесменов с таким стремлением работать и с таким серьезным отношением к делу, как у нас, приехавших из маленькой страны Дальнего Востока.

И результат был хорошим. Мы заключили договоры по крупному строительству очистительного завода алюминия в Ленинграде, по созданию совместного предприятия лесного хозяйства в Приморском крае и совместного предприятия нефтехимической продукции, по строительству целлюлозного завода в порту Ольга, по добыче угля в Ельге и строительству железной дороги, по добыче газа в Якутии и по многим другим.

За короткий срок, с 1989 по 1991 год, все проекты "Хендэ" в Советском Союзе были приняты в ходе посещения объектов. Большинство из них находилось на начальной

стадии осуществления, остальные были запланированы на будущее. Каждый из этих проектов был важен для подъема экономики Кореи в 21 веке.

Одним из проектов, которому я уделял особое внимание, была добыча газа в Республике Якутия.

Природный газ Сибири — в Корею

Когда я впервые отправлялся в Советский Союз в 1989 году, в аэропорт Кимпо приехало много журналистов. Тогда один из них из телерадиокомпании Эм-Би-Си сопровождал меня в машине до аэропорта.

— По каким делам вы едете в Советский Союз?

— Это незнакомая страна, есть ли у вас какие-то конкретные цели?

— А, может, у вас есть какая-то мечта?

Я взял с него обещание, что мои слова не появятся в прессе, и рассказал о своей «мечте».

— 21 век будет веком чистой энергии. А среди подземных источников энергии чистым является только природный газ. Поэтому потребление его будет огромным. Природный газ добывается и в дружественных для нас странах, но есть много сложностей из-за его транспортировки по морю. Для такой перевозки его надо сжижать, для чего нужен отдельный завод. Необходимо специальное судно для перевозки, нужны установки для хранения сжиженного газа, оборудование, чтобы опять привести его в газообразное состояние, процесс этот очень сложный. А газ из доступного нам мира уже полностью потребляет Япония. Единственное место, куда не добралась Япония, это Советский Союз. В научных материалах показано, что на территории Советского Союза недалеко от Корейского полуострова есть залежи природного газа. Моя мечта — транспортировать этот газ в нашу страну наземным способом.

Я сказал, что это только мечта, поскольку много проблем, которые сложно решить экономически. Поэтому если сейчас заявить об этом в прессе, то люди будут просто смеяться, и я снова попросил журналиста не передавать моих слов.

Но когда я вернулся из Советского Союза, мне стало известно, что все, о чем я говорил перед своим отлетом, было напечатано в газете. Журналист записал нашу беседу на спрятанный им диктофон, пока ехал со мной в машине. И на следующий день на первой полосе газеты была помещена статья с крупным заголовком «транспортировка природного газа Сибири через Северную Корею в Южную».

Я был обманут журналистом, но у моей мечты, тем не менее, повысились шансы на осуществление.

В начале 1990 года, когда мы были с визитом в Москве, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза впервые пригласил нас на брифинг по вопросам состояния и перспектив двусторонних отношений. Тогда ответственный по международным связям ЦК КПСС сказал нам следующее.

— Мы долгое время наблюдали за Республикой Корея. Корея — для нас одна из новых стран, которая может служить примером успешного экономического развития. И к которой Советский Союз, и в частности, президент Горбачев, давно проявляют интерес. Когда мы участвовали в Сеульских Олимпийских Играх 1988 года, в управлении по международным связям ЦК КПСС думали, что поскольку Республика Корея очень близка США, то для советских спортсменов будет немало препятствий. Поэтому мы поехали туда в сопровождении артистов и деятелей искусства с мировыми именами. Это было сделано, чтобы через культуру и искусство наладить отношения с

Кореей, которая имеет близкие отношения с США, а с Советским Союзом враждебные. Но когда мы приехали, то увидели, что враждебность южнокорейцев к СССР не настолько сильна, как мы себе представляли. Мы даже подумали, не слишком ли мало внимания уделили США этим Олимпийским играм. Благодаря такой ситуации СССР успешно «дебютировал» в Республике Корея. Мы собрали и изучили все материалы о крупнейших компаниях Кореи: "Хендэ", "Самсунг", "Дэу". И провели анализ, сотрудничество с какой компанией может дать хороший результат. И подумали, что активно работающая в строительстве и тяжелой индустрии компания "Хендэ" может стать хорошим партнером для Советского Союза в совместном осуществлении крупных проектов освоения Сибири.

На этом мероприятии присутствовал заместитель председателя правительства автономной республики Якутия господин Джатиев. Ответственный по международным связям ЦК КПСС смотрел то на Джатиева, то на нас, и говорил.

— Я думаю, что для развития Республики Якутия было бы очень важно сотрудничество с такой компанией, как "Хендэ". Господин Джатиев приехал специально, чтобы встретиться с представителями "Хендэ". Познакомьтесь, пожалуйста.

Сказали о том, что перелет из Якутии в Москву занимает 7 часов. Приехавший издали представитель Якутии, просмотрев материалы брифинга, начал рассказывать о своей республике и ее природных ресурсах. Послушав его, мы были удивлены тому, что Якутия, в самом деле, была кладовой природных богатств.

В Якутии существует такая легенда.

— При сотворении мира Бог, облетая планету Земля, разбрасывал природные богатства то здесь, то там, а во время полета над Якутией ему стало так холодно, что он разжал ладони, и все богатства упали на якутскую землю.

Вот почему в Якутии такие залежи алмазов, угля, золота, железной руды, газа и нефти.

— Республика Якутия, богатая такими природными ресурсами, надеется на участие компании "Хендэ" во всех своих проектах развития.

— Мы обязательно посетим вашу республику.

Мы дали обещание, и уже через 6 месяцев были в Якутии.

Якутия расположена на северо-востоке России. Это так близко, что если полететь из Кореи прямо на север, то можно добраться до нее за четыре часа. Так, ее географическое положение очень выгодно для экономических контактов. И пусть земля замерзшая, но территория очень большая, а население составляет только миллион человек.

Когда мы прибыли в столицу Якутии, то в доме правительственных приемов еще стоял запах свежей краски, очевидно, там делали спешный ремонт к нашему приезду. Мы встретились с председателем и заместителем председателя правительства, а потом отправились осматривать рабочие места.

Первое место посещения находилось в двух часах полета от столицы, за городом Вилуйском. Это было еще неразведанное газовое месторождение Кысыл-сыр, второе по масштабам залежей в Советском Союзе. Огонь при сжигании вытекавшего газа согревал замерзшее небо в белые ночи. Для человека из страны, где не было ни капли нефти, это было прекрасное зрелище, которому можно было только позавидовать.

Далее мы полетели на вертолете в район города Мирный, где проводилась добыча открытых залежей алмазов. Это было второе в мире, по объемам добычи, после южноафриканского, алмазное месторождение. Неподалеку были расположены заводы по обработке алмазов.

На второй день мы полетели в 9 утра на вертолете в город Алдан, осмотрели месторождение золота, а потом направились в город Нерюнгри посмотреть на открытую угольную руду. Это был самый большой рудник угля в мире, от вида которого можно было потерять дар речи.

Это было по-настоящему впечатляющее зрелище для человека, который приехал из страны, где практически нет природных ресурсов. Целая гора угля! Нужно было просто копать эту гору, и тут нельзя было не вспомнить наших шахтеров, которые работали в провинции Кангвон на глубине сотни метров. В соответствии с масштабом месторождения, агрегаты по транспортировке были вместимостью 80, 120 тонн. Уголь отсюда уже начала импортировать Япония миллионами тонн в год.

Потом правительство Республики Якутия хотело продемонстрировать нам неразведанное угольное месторождение в Эльге, недалеко от города Нерюнгри, которое тоже оценивали как перспективное. В амбициозных планах Якутии была совместная разработка этого месторождения для будущего экспорта угля в Республику Корея.

Планировалось присоединить Эльгу к Транссибирской магистрали и транспортировать груз до Владивостока, далее до порта Посъет, к северу от реки Туман, затем до Республики Корея, — по морю или суше. Для этого было необходимо осуществить разработку месторождения и строительство участка железной дороги, соединяющей Эльгу с Транссибирской магистралью. Мы начали серьезно обсуждать эти проекты. Наибольший интерес вызывал вопрос, возможна ли будет наземная транспортировка до Республики Корея, из Владивостока через реку Туман и через Северную Корею.

Каждый день, перелетая на вертолете, мы осматривали разные объекты возможного сотрудничества вместе с якутскими чиновниками. С утра до 12 ночи.

Наиболее привлекательным для нас был якутский газ. По информации, в Якутии находились залежи 6 млрд. тонн газа. Этот объем Корея могла использовать в течение более 50 лет в 21 веке с учетом роста спроса на газ. Вообще, с населением всего около 1.5 млн. человек, и наличием таких огромных запасов газа, Якутии требовалось определиться с экспортом.

Но возникал вопрос, куда же экспортировать? Якутия расположена очень далеко от Европы, поэтому продавать газ в эти страны невыгодно. Поэтому самым подходящим рынком сбыта является территория Дальнего Востока. Чтобы доставить газ в Республику Корея, надо транспортировать его всего на 3 тысячи 800 км. Именно этот газ составил бы ресурсы Кореи в 21 веке. Мы обнаружили такие богатые месторождения прямо поблизости от Кореи, и я был благодарен Богу за это.

Но до использования этих ресурсов для развития корейской экономики нужно было преодолеть немало сложностей. Если даже мы договорились бы о совместной разработке месторождений с Якутией, то для ее полной реализации необходимо было получить разрешение от центрального правительства.

И даже если будут улажены процедурные вопросы, возникала другая проблема, как же работать в таких суровых природных условиях, с которыми мы ни разу прежде не сталкивались. Это была земля, где зимой температура опускается до минус 40 и ночь намного дольше дня, а летом при температуре плюс 30-40 почти не бывает ночи. Не был разрешен и вопрос транспортировки. Поэтому из-за ряда больших сложностей представители разных стран и компаний были вынуждены отказаться от своих планов.

Но то, что для Европы было невыгодным и сложным, для нас было привлекательным. Никто не мог начать работу в Якутии из-за суровых условий, поэтому именно мы должны были сделать это.

И газ, полученный в результате этого проекта, нужно доставлять до Республики Корея по трубопроводу через материк, то есть через Северную Корею, а потом через трубопровод по дну океана до Японии.

Если газ, необходимый Корее в 21 веке, транспортировать наземным путем, то можно добиться такого же эффекта, будто газ производится в самой стране. То есть, если посмотреть на вопрос шире, это все равно, что приобретение обширной территории на Севере.

Европа уже начала разработку газовых месторождений к востоку от Уральских гор и получала газ по трубопроводу протяженностью 6 тыс. 500 км. А чтобы доставить газ из Якутии нужно всего 3 тыс. 800 км трубопровода. Это наполовину короче европейского пути. А до Японии достаточно построить трубопровод по дну океана протяженностью всего в 200 км.

Помимо поставки газа строительство трубопровода имеет другое важное значение: создание экономического центра в Северо-Восточной Азии.

Для экономики Приморского края, в частности, китайских провинций Цзилинь, Хэйлуцзян, территории Северной Кореи, получение газа было крайне важным. А сам газопровод, от Якутии до Республики Корея, создал бы в будущем инфраструктуру для торговли другими природными ресурсами и просто товарами производства.

Этот проект необходимо было выполнить, чтобы такая небольшая страна, как Корея, смогла подняться в мировом масштабе. И мы обязаны осуществить это. Мир огромен. И если мы не будем делать этот мир своим, то не будет никакой пользы от разговоров о глобализации или интернационализации за круглым столом.

Мы закончили объезд объектов, и на пароме на реке Лена составили соглашение. Лена, которая течет вдоль Якутии и имеет протяженность 4 тыс. км, является одной из трех самых крупных рек Советского Союза. Она течет по холодной земле Сибири и впадает в Северно-Ледовитый океан, в некоторых местах ширина ее достигает 12 км, и если смотреть с середины реки, то не видно даже берега.

Люди здесь знают, что такое элегантность и красота. Паром, на котором мы плыли, был приобретен в Нидерландах и выглядел шикарно, а еда, которую нам подавали, была обильной и вкусной.

Но как бы ни было красиво вокруг, какой бы вкусной ни была еда, бизнес есть бизнес. Во время переговоров две стороны из-за финансового вопроса были на грани кризиса. И даже, беря перерыв, собирались отдельно, проводили экстренное совещание, затем возвращались. И были напряженные минуты, когда за столом переговоров стороны сидели, не говоря друг другу ни слова.

Тем не менее, в последний момент, когда переговоры, казалось, совсем зашли в тупик, сторонам удалось-таки договориться. Если к соглашению приходят через большие сложности, то от этого радостно вдвойне. Мы жестко противостояли друг другу, чтобы удержать свои позиции, и, в конце концов, пришли к договоренности. Мы прониклись друг другом по-человечески, и чувствовали братскую теплоту.

Даже в жесткой и холодной обстановке международных переговоров бывают встречи с людьми, к которым испытываешь огромную симпатию, и именно такие светлые моменты дают тебе надежду на будущее.

В результате было составлено соглашение по разработке газового и угольного месторождения, прокладке железнодорожного участка и добыче других природных ресурсов в Республике Якутия. Мы тут же полетели в Москву, чтобы договориться с центральным правительством. В Москве на церемонии, документ подписали заместитель председателя правительства Джатиев, президент Чонг Джу Енг и я.

Эти проекты замедлились после вхождения "Хендэ" в политику, затем они были приостановлены из-за политической ситуации в бывшем Советском Союзе и ухудшения отношений между Севером и Югом Кореи. Но эти проекты необходимо осуществить, поэтому в скором времени они продолжатся. И кто-то опять будет отдавать все свои силы этому важному делу ради будущего.

Лабиринт Горбачева

В ноябре 1991 года я посетил Советский Союз в седьмой раз. Когда я приехал в Москву, со мной связался помощник М. Горбачева по экономическим вопросам Н. Петраков, с которым мы были знакомы до этого, и предупредил о срочной встрече. Но он попросил, чтобы я пришел один. У меня было предчувствие, что это очень важное дело.

Я пришел в кабинет Петракова, который был расположен напротив Кремля, и он сразу же сказал.

— Вы не хотели бы встретиться с президентом Горбачевым?

— Конечно, хотели бы. Мы всегда мечтали встретиться с президентом. Мы бы рассказали о работе, которую планируем выполнить здесь, и с интересом услышали бы мнение президента.

Я догадался, если он говорил мне об этом, то с Горбачевым уже была какая-то договоренность. Но в любом случае это было очень неожиданно.

— Отправьте список визитеров к президенту, и сохраняйте информацию в секрете.

Президент Чонг, услышав эту новость, был возбужден. Он был очень рад и сказал.

— Давайте подготовим заранее, что говорить на встрече с Горбачевым. А здесь сейчас съемочная группа Кей-Би-Эс. По говори, могут ли и они пройти с нами и осветить это в прессе.

На следующий день утром мне сообщили, что Петраков приглашает меня одного на встречу.

— Завтра в 5 часов в Кремле состоится встреча с президентом. С корейской стороны: Чонг Джу Енг, Ли Мён Бак, и переводчик, дайте заранее знать, кто это будет.

И с этого момента неожиданно начались проблемы.

До пяти часов время было свободно, но от руководителя московского филиала "Хендэ" поступила просьба встретиться с руководством Российской республики, с которой у нас предполагалось активное сотрудничество. Мы заранее попросили о встрече и договорились на 2 часа дня за день перед визитом к Горбачеву. Президент Чонг, я, руководитель московского филиала пришли в кабинет президента Российской Республики.

Встреча прошла, как и полагается, мы подписали соглашение о предоставлении корпорацией "Хендэ" товаров потребления и получении оплаты с российской стороны сырьем. Телекомпании двух стран транслировали эту встречу.

Однако в тот день в переговорах, среди прочего сырья, фигурировала и нефть. Основные природные ресурсы, такие как нефть, газ, золото, были под контролем центрального правительства, а мы ничего не знали об этом. На следующий день об этом было сообщено по российскому телевидению и в газетах.

Сразу же позвонил Петраков, он говорил со мной сухо и сдержанно. Я почувствовал неладное. И тут же помчался в кабинет Петракова, он был очень рассержен. Он долго не говорил мне ни слова.

— Вы сделали большую ошибку. Вы нарушили правила нашего государства. Отменен не только визит вежливости к президенту, но и в будущем вашей деятельности мы не будем оказывать никакой поддержки.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Но и мне было, что сказать.

— Как же это возможно? Мы даже не знали о существовании такого правила. Если и есть чья-то ответственность, то она лежит только на Российской Республике, ведь они обо всем знали и подписали этот документ. Мы можем и не встречаться с президентом. Но не можем согласиться с решением об отмене поддержки нашей деятельности в будущем.

— Это решение уже принято. Уходите.

Президент Чонг, которому сообщили об отмене встречи с Горбачевым, был очень расстроен. Он закрылся в своем гостиничном номере и не выходил.

Произошедшее означало запрет выхода на Север, для которого нами прикладывались такие усилия в последнее время.

В то время конфликт между президентом СССР М. Горбачевым и президентом РСФСР Б. Ельциным был настолько серьезен, что назад пути не было. Мы не смогли вовремя понять этого факта, поэтому не приняли соответствующих решений. Получилось, что мы ненароком вмешались в борьбу между Горбачевым и Ельциным.

Я пытался как-то себя успокоить.

«Есть ли какой-либо способ убедить Петракова?»

Я напряженно смотрел во тьму на краю скалы.

Так. В России очень сложно выразить свои человеческие чувства на английском языке. Нужен переводчик. Я обратился к Ю Хак Гу Он был родом из города Джинджу. Во время японской оккупации он как офицер японской армии участвовал в войне и был взят в плен советской армией. После войны он не вернулся на родину а остался в Советском Союзе. Потом он стал ученым, работал в отделении востоковедения в государственном исследовательском институте в Москве. Когда мы собирались к Горбачеву то записали переводчика Ю в списке посетителей (потом, когда проходила встреча президента Кореи Но Тхэ У и президента СССР Горбачева, он поработал переводчиком на саммите.).

Я попросил о встрече с Петраковым в присутствии переводчика Ю Хак Гу. Но он холодно ответил отказом на несколько моих запросов о встрече.

Он позволил прийти к нему только тогда, когда я сказал, что «я возвращаюсь домой. Мне есть, что сказать вам напоследок». Было 5 часов вечера. Через переводчика Ю я выразил все свои чувства.

— Хотя в результате мы и нарушили политику центрального правительства, это не было сделано "Хендэ" специально. Вы как одно из ответственных лиц, возглавивших перестройку, показали путь в будущее не только для Советского Союза, но и для нас. До сих пор мы говорили о плодотворном сотрудничестве, в котором наши инвестиции благотворно повлияли бы на экономическое развитие Советского Союза. Но если сейчас, из-за одной ошибки, сделанной нами в силу незнания внутренних правил в СССР, уничтожить достигнутый результат, которого мы добились на сегодняшний день, то это будет просто неразумно для наших стран в будущем.

Петраков сначала демонстративно не хотел слышать моих слов, а потом, поняв их смысл через переводчика Ю Хак Гу, казалось, стал слушать меня внимательно.

— Это просто мое человеческое обращение к вам. Из-за того, что мы не смогли встретиться с Горбачевым, мы понесли ущерб. Но это не только ущерб для "Хендэ". Это

и большая потеря для Советского Союза. Я не могу понять причину того, почему обе стороны должны нести такие потери.

С президентом Горбачевым в Кремле

Петраков подумал какое-то мгновение, а потом сказал подождать в его кабинете. Может, еще есть хоть капля надежды? Я очень переживал. Пока я ждал, позвонил президент Чонг. Он тоже не мог спокойно ждать.

Я прождал довольно долго, наконец, пришел Петраков.

— Я понимаю вас. Мы хотим сделать вам одно предложение. Проведите пресс-конференцию с журналистами информационного агентства ТАСС.

В подготовленном выступлении было сказано, что "Хендэ" не знала о правилах центрального правительства, поэтому заключила неправильный контракт, и расторгает его в одностороннем порядке. Потом нам сказали, что решение будет принято после того, как наше заявление опубликуют в прессе. Сами того не желая, мы стали заложниками борьбы центрального правительства с правительством Российской Республикой.

Но мы не имели представления, как в будущем изменится положение центрального правительства и РСФСР. Это была очень сложная ситуация, в которой было невозможно выбрать одну сторону.

Я решил, что надо провести пресс-конференцию. Журналистов отправил к нам Петраков. О содержании пресс-конференции пресса должна была сообщить до встречи с Горбачевым на следующий день, 12 ноября в 5 часов, поэтому времени ждать у нас не было.

На следующий день рано утром пришли журналисты ТАСС. Они уже знали о содержании пресс-конференции. Я рассказал журналистам о произошедшем. Но в нескольких местах в пресс-релизе, который дал мне Петраков, я сделал «поправки». Потому что одновременно нам нужно было учитывать и центральную власть и Российскую Республику. Мы смягчили свои выражения, например, таким образом: «мы не аннулируем этот договор, а просто отмечаем, что этот договор не может вступить в силу, так как он составлен неверно».

Наше заявление в первой половине дня вышло в прессе. Ко мне позвонил Петраков и предложил встретиться. Я вынужден был как-то перед ним оправдаться по поводу изменений в своем выступлении перед журналистами.

— Вы вчера говорили об аннулировании документа, но мы подумали и решили, что отмене подлежит только законно составленный договор. А в нашем случае, само заключение договора нарушило правила, поэтому он автоматически не может вступить в силу. Не легитимность договора до внесения поправок имеет более важное значение, чем собственно его отмена.

Петраков покачал головой и куда-то вышел. Он вернулся со светлым лицом.

— Хорошо. Встреча с президентом пройдет, как и планировалось в 5 часов.

Получив разрешение у Петракова, я тут же позвонил президенту Чонгу и сообщил об этом. И попросил Петракова еще об одном — разрешить присутствие на встрече съемочной группы Кей-Би-Эс. Сначала он высказывался против по поводу вопросов охраны, но в конце концов, он принял мою просьбу.

Наша группа пришла в Кремль в назначенное время и сидела в зале ожидания. Ровно в 5 часов вышел сотрудник секретариата и извинился.

Он сказал, что беседа с президентом задерживается, потому что не закончилась встреча с предыдущими гостями. Попросил подождать 10 минут.

Через 10 минут этот человек опять вышел и попросил подождать еще 15 минут. Я удивился такому поведению Горбачева. Когда представители иностранной компании встречаются с руководителем одного государства, просто ждать 30 минут или час, не зная причины, — это дело обычное. А президент Горбачев объяснял причину задержки.

Затем мы встретились с Горбачевым. Мы все встали для общей фотографии, потом президент предложил нам сесть и сразу извинился.

— Мне нужно было вручить верительные грамоты пяти послам, но я никак, в силу занятости, не мог этого сделать, поэтому собрал их вместе. Чтобы как-то извиниться за задержку, я предложил им выпить чаю и поговорить. А послы, вы сами понимаете, любят поговорить. Поэтому еще раз извините за опоздание.

Горбачев был хорошо осведомлен об исторических отношениях Кореи и России, был весьма откровенен. Он рассказал об экономических проблемах в Советском Союзе и сказал, что сотрудничество с корейскими компаниями просто необходимо.

— Один из наших знаменитых ученых, основавших российскую академию наук еще 200 лет назад, сказал, что «Россия прирастает с Востока». А чтобы развить восток России, надо сотрудничать со странами этого региона. Мы надеемся, что именно Республика Корея исполнит эту роль.

И далее он сказал то, чего невозможно было ожидать от президента главного коммунистического государства в мире.

— Когда Корейский полуостров был разделен на два государства, в Северной Корее была более развитая промышленность, и выше доход населения. А Южная Корея опиралась только на сельское хозяйство. Но сейчас, наоборот, Северная Корея беднее, чем Южная. Вы знаете причину этого?

Мы не знали, что он хотел этим сказать, поэтому молчали. Тогда Горбачев сказал.

— Потому что Северная Корея выбрала коммунизм, а Южная — капитализм.

Это было очень откровенное высказывание для президента Советского Союза на встрече с бизнесменами из страны, с которой даже не было дипломатических отношений. Я подумал, что это человек, который может объективно оценивать реальность. И даже в нелегкие времена смены идеологий он без больших потрясений переворачивал страницу истории.

А далее он сказал то, что впечатлило нас еще больше.

— Именно Советский Союз заставил Северную Корею выбрать социализм. Поэтому СССР несет большую ответственность за все ее проблемы. Южная и Северная Кореи до разделения были одним народом с единым языком и культурой. Не знаю, когда воссоединение случится, но давайте после установления дипломатических отношений между нашими странами будем делиться, чем можем, с Северной Кореей. И конечно, будем неуклонно развивать экономическое сотрудничество.

С этими словами все согласились, так был кратко изложен смысл экономического сотрудничества Республики Корея и Советского Союза. Горбачев откровенно высказал свое мнение о будущем двусторонних отношений и подчеркнул, что необходимо создавать новые связи. Также он пообещал активно поддерживать деятельность корейских компаний в СССР.

Визит вежливости к Горбачеву прошел успешно. В особенности президент Чонг почувствовал уверенность в своих силах. И со словами «заодно надо и с Бушем встретиться», полетел в США, затем посетил Китай, а потом побывал в Пхеньяне. После встречи с Горбачевым он стал считать себя влиятельным в политике человеком. И в самом деле, он вышел на Север намного раньше, чем какой-либо другой политик. Поэтому его переполняла гордость.

Приморский край — месторождение эпохи нового Когуре

Приморье в относительно недалеком историческом периоде династии Чосон было убежищем для нашего народа, а если идти еще дальше, то его территория, как и Маньчжурия, находилась под властью королевства Когуре. Значит, сейчас на этой земле живут наши соотечественники поколения наших отцов и дедов.

Когда я думаю о Севере, то прежде всего я представляю себе Приморский край. Сто лет тому назад, если бы наши предки предвидели ход исторических событий и могли бы противостоять империализму, то сейчас наши «границы» проходили бы по территории Маньчжурии и Приморья. И Корея была бы главным игроком в экономическом центре Северо-Восточной Азии.

В Сибири с президентом Чонг Джу Енг

Когда я начал готовить выход на Север, я четко осознал, что раскол общего в прошлом корейского государства деформирует не только наше прошлое, но и будущее. Если думать о будущем корейского народа, то нужно как можно скорее убрать демаркационную линию. У меня нет времени перечислять многочисленные причины раскола, политические, исторические, ментальные, связанные с особенностями нашей нации и т. д. Я вижу сотрудничество двух Корей и последующее их воссоединение с экономической точки зрения.

Мир объединяется в одно экономическое пространство, существующее по единым рыночным законам. Мир движется согласно экономическим принципам. Уже не существует места на земле, где не учитывалась бы экономическая логика. Я думаю, что причина того, что Восточная Европа и бывший Советский Союз отвернулись от коммунистической идеологии, заключается просто в «хлебе». Ибо хлеб производится и распространяется по законам экономики.

Моя теория экономического объединения начинается в Приморском крае, основывается на экономическом сотрудничестве Северной и Южной Кореи, и фокусируется в экономическом центре Северо-Восточной Азии. Такая теория экономического объединения составляет будущее нации и образ Корейского полуострова в 21 веке.

В продвижении экономического сотрудничества с Советским Союзом я больше всего уделял внимание лесам Приморья.

Когда в октябре 1989 года я посетил Советский Союз в третий раз, директор Ассоциации лесной промышленности Приморского края Грабовский и исполнительный директор акционерного общества комплексной лесной промышленности "Хендэ" Чу Ганг Су подписали договор о создании совместного

предприятия. Согласно подписанному соглашению, это предприятие могло взять в аренду территорию и заниматься там всеми видами лесных работ: выполнять вырубку леса, транспортировать и экспортировать лес морским путем, заготавливать лесоматериалы и даже производить и экспортировать мебель и другие товары.

На следующий год после заключения договора, в 1990 году началась работа по этому проекту, и было экспортировано в Корею и другие страны большое количество леса. Корейско-советское совместное предприятие лесного хозяйства в Приморье стало единственным успешным проектом среди множества других, в тот сложный период, когда у власти был президент Горбачев.

90% необходимого Республике Корея леса импортируется из-за рубежа, поэтому мы начали активно работать в Приморье, потому что именно оттуда была возможна наземная перевозка леса. Как и в случае с природным газом, мы снова столкнулись с необходимостью не только морского, но и наземного пути для успешного развития экономического центра Северо-Восточной Азии.

Открыть Северную Корею означает открыть 21 век

Когда мы начали осуществлять совместные проекты в лесной промышленности в Приморье, северокорейские лесорубы стали покидать свои рабочие места. Эти рабочие бежали за пределы режимной страны, а мы вошли на территорию этого режима. Такая «встреча» в третьей стране, в Приморском крае, символизировала то, как быстро изменяются Южная и Северная Корея. Это был верный знак того, что скоро две Кореи встретятся, согласно законам экономической целесообразности.

Сейчас Приморский край — это российская территория. Наши соотечественники, считавшие эту землю своей «родиной», были депортированы в 1937 году Сталиным в Центральную Азию и живут там до сих пор, но многие вернулись в Приморье. Получается, что Приморье — это не корейская территория, но сегодня у нее новый, особый смысл, потому что здесь продолжают жить наши соотечественники.

Такая «национальная территория» стала мостом для экономического выхода Республики Корея на материк. Отсюда через Восточное море можно выйти на пять океанов, а также есть прямая железнодорожная связь с Европой. Если отправить товар из порта Пусан, то он пройдет по Малаккскому проливу, через Суэцкий канал, а потом по суше до места назначения. Этот путь невозможно сравнить по расходу времени и денег с прямым сообщением, по железнодорожному пути, с Европой. Наземная транспортировка намного выгоднее.

Если предположить, что в ближайшее время Юг и Север Кореи объединятся, то значение этой территории, как и трех провинций Китая, увеличится во много раз.

Вместе с проектами Приморья, мы уделяли особое внимание выходу на российский незамерзающий порт Посьет за рекой Туман. Потому что порт Посьет будет важным пунктом в будущем.

В трех китайских провинциях, на северо-востоке Цилинь, Хэйлунцзян, Ляонин живет около 1 млн. 500 тыс. этнических корейцев. Скоро придет время, когда наши соотечественники будут осуществлять активную международную деятельность, а с этой территории нет выхода на Тихий океан. Самый близкий выход это порты Владивостока и Посьета.

И все это находится в 40 км от китайской границы.

Посьет является центральным пунктом в экономической деятельности между двумя Кореями, Китаем и Россией.

Сейчас Северная Корея продвигает проект по освоению реки Туман для соединения трех участков: российского Владивостока, китайского Чанчуня и северокорейского Наджина. И в этом проекте опять же центром является порт Посьет.

Если проект будет успешным, то тогда не только наши соотечественники, проживающие на прилегающей территории, будут в центре активных экономических связей, но, наконец, произойдет объединение нации на Корейском полуострове, что послужит образованию нового экономического центра в Северо-Восточной Азии. Таким образом, выход на Север тесно связан с будущим корейской нации.

Я с оптимизмом смотрю в будущее корейской экономики. Наша экономика неуклонно развивалась, добиваясь успехов и преодолевая кризисы. В начале 1960-х годов, после участия во вьетнамской войне, началось экономическое развитие, затем в 1970-е выход на Ближний Восток, рост продолжился и в 1980-е, когда был строительный бум в Юго-Восточной Азии и самой Корее. Рост корейской экономики напрямую связан с ростом строительного рынка.

Переходным моментом в 1990-е годы стало экономическое сотрудничество двух Корей. Сюда можно добавить и северные страны Россию и Китай.

Сотрудничество корейского Юга и Севера не ограничивается только развитием экономики каждой страны. И это важно в плане эффективного противостояния существующему разделению на экономические блоки в современном мире. Как только начнется экономическое сотрудничество двух Корей, откроется наземный путь, что послужит началу конкретных действий со стороны экономического блока Северо-Восточной Азии.

Важным моментом могло стать и то, что в 1990 году президент Чонг Джу Енг посетил Северную Корею и договорился о проекте разработки гор Кыгансан. Тогда мы должны были реализовать хотя бы одну из идей президента Чонга. Но экономическая целесообразность опять же была отброшена в угоду политике. А если бы еще тогда началось экономическое сотрудничество, то насколько это приблизило бы воссоединение страны. Об этом остается только жалеть.

Чтобы выдержать конкуренцию Японии и Китая, которые составляют четыре главных экономических центра вместе со странами Североатлантической зоны свободной торговли (НАФТА) и Европейского Союза (ЕС), у Южной и Северной Кореи есть только один выход — объединение.

Некоторые говорят об огромных расходах при воссоединении и высказывают предположения, что и Юг и Север придут в экономический упадок, но это не так. Экономическое сотрудничество двух Корей — это не односторонняя, гуманитарная помощь только с нашей стороны. Это экономическое сотрудничество. Это совместное развитие Юга и Севера.

У павильона Панмунджом на границе с Северной Кореей

Наиболее эффективным будет приход в Северную Корею малых и средних предприятий, которые испытывают нехватку рабочей силы из-за высокой оплаты труда. Пусть сейчас оборудование и технологии наших предприятий отстают по уровню от развитых стран, но они смогут работать в Северной Корее. А Северная Корея через наши компании будет постепенно развивать свою экономику и познавать на деле законы капитализма.

Затем наступит черед крупных компаний, которые создадут мост для выхода на материк. Тогда откроются пути в Индию, на Ближний Восток, в Европу. Откроется новый «шелковый путь», который будет иметь начало в Пусане.

По статистике иностранных специалистов в 2002 году покупательная способность Китая составит 640 млрд. долларов, а Японии — 520 млрд. долларов в год. Поэтому если учесть импорт-экспорт, то объем грузоперевозок через Корейский полуостров достигнет 2 трлн. долларов в год. Таким образом, от наших действий зависит огромный рынок, большая часть которого может стать нашим.

Но если расслабиться хоть на мгновение, мы можем быть втянуты в магнитные поля двух экономических держав.

Именно поэтому назрела острая необходимость экономического сотрудничества Юга и Севера с последующим объединением корейской нации, то есть интернационализации в полном соответствии с новым мировым экономическим порядком.

В заключение Отправляясь в новый мир

В последнее время я каждое воскресенье помогаю в церкви, показывая дорогу на стоянку прихожанам. Моя работа: прийти раньше, чем другие, на рассвете, ждать, когда приедут прихожане на машинах, и показывать им место для парковки.

Я начал эту работу 2 года назад, и мне она очень нравится. Утром всегда дует свежий ветер, мне приятно приветствовать прихожан церкви, я благодарен церкви и Богу за то, что у меня есть возможность начинать воскресный день с волонтерской деятельности. Это очень незначительная работа, но она мне кажется хорошим знаком, как мне идти дальше по жизни.

Я больше половины своей жизни отдал экономической сфере.

Если подумать сейчас, то этот был период стремительного роста и развития. Все мои товарищи бежали и бежали без остановки. Я, быть может, как никто другой, отдавал все свои силы работе и добивался результатов выше поставленных целей. Столь же стремительно росла и компания, взошедшая на вершину успеха, а экономика нашей страны вошла в первую десятку в мире по уровню развития.

Но так же, как есть свет, есть и тьма, или отрицательная сторона успешного развития.

Было много жертв среди рабочих, строителей, экономических работников. Я думаю, что эти люди в первую очередь заслуживают доброй памяти и уважения, потому что последующее процветание экономики было результатом именно их усилий и слез.

Возникают конфликты между группами населения из-за экономического неравенства, распределения доходов и других противоречий, из-за разрушения традиционной культуры и гибели окружающей среды. Тем более это проявляется у нас, потому что мы долгое время жили в системе авторитарного управления.

Сейчас наступил момент, когда следует умно развивать страну и общество, неуклонно создавая лучшие условия для человеческой жизни.

Многие люди воспринимают меня как символ успеха. Если до сих пор я был бизнесменом, который делал все, чтобы справиться с бедностью и подготовить основы для экономического процветания, то сейчас на мне лежит ответственность за равномерное распределение результатов этого процветания для создания справедливого общества.

— Мен Бак, если будут давать еду, ты не бери, а просто иди и помоги.

Когда я выхожу на рассвете с фонариком в руках, я всегда вспоминаю эти слова матери. Мама учила меня быть твердым, честным и трудолюбивым, учила всегда доводить до конца любое дело, которым испытывала меня судьба. Она учила, что невозможно помогать другим, не жертвуя собой. Если мама была бы жива, она бы сказала.

— А сейчас посмотри по сторонам, и найди изъяны в процессе развития. Политика — это также и помощь другим.

В двадцать лет я был студентом — участником забастовок.

После событий 3 июня 1964 года я, проводя время в тюрьме, начал думать, что же я могу сделать для своей изможденной страны. На улицах было полно безработных, даже окончив университет, было сложно устроиться на работу. Я был убежден, что в такой бедной стране, где нечего есть, нечего одевать и негде спать, нужно прежде всего построить крепкую экономику. Я считал, что экономика не есть теория или административное управление, я думал, что с этим можно справиться только своим непосредственным участием, поэтому я стал работать в бизнесе.

Но я опять отправляюсь в мир прошлого, возвращаюсь в те годы, когда мне было двадцать, и я болел политикой.

Но что мне дали прошедшие 27 лет? Я уверен, что научился многому, чего не смог бы узнать, если бы остался в мире политики.

Я научился воплощать в жизнь проекты, работать с людьми, зарабатывать деньги. Я научился тому, как анализировать информацию, как разрабатывать стратегию, как управлять коммерческой структурой. Стал понимать, как тесно связаны между собой экономика провинций, государства и мировая экономика.

Но с наибольшей уверенностью я могу сказать, что в своей учебе я обрел дух предпринимательства.

Предприниматель это не торговец. Настоящий предприниматель — все равно, что изобретатель, создающий что-то из ничего. Настоящий предприниматель — это человек, разрешающий любые проблемы и превращающий невозможное в реальное. Настоящий предприниматель это реформатор, создающий из неэффективного продуктивное. Настоящий предприниматель любит работу больше, чем деньги, и придает первостепенное значение достижению поставленных целей в работе.

Наконец перестраивается экономический миропорядок. И вместе с этим приходит эра, когда политика становится экономикой, а экономика — политикой. Поэтому начало политической деятельности для бывшего предпринимателя связано с привнесением в нее духа предпринимательства. То есть, нужно использовать ноу-хау инновационного управления, приобретенное в компании, уже в политике.

Нужно создать правительство, которое будет предлагать новые государственные проекты, чтобы добиться дополнительного дохода. Нужно не просто слепо выступать за или против каких-либо вопросов, нужно добиваться, чтобы страна заняла первые позиции в мире конкуренции, нужно разработать стратегию по увеличению объема товарооборота и чистого дохода нашего государства. Вместо слабой, делающей ненужные расходы, депрессивной структуры правительства нужно создать эффективную и продуктивную, ориентированную на клиента, структуру и соответственно таких же креативных служащих. Только так можно добиться того, чтобы народ, являющийся клиентом государства, был доволен своей жизнью.

Сегодня политика не должна быть той политикой в старом смысле, которая беспокоилась о количестве голосов на выборах, а должна стать управлением государства с длительным инвестированием и расчетами на прибыль сроком на 10, 20 лет. Необходимо управление не ради самого себя, а ради всех, с полным самопожертвованием и эффективной помощью.

Так делают ведущие политики в развитых странах. В США в процессе реформирования правительства источник реформ заключался именно в духе предпринимательства. Преуспевающие руководители органов местного самоуправления в Японии также обладают управленческим духом. Даже бывают случаи, когда представители правительственной и оппозиционной партии приглашаются для совместного управления в компании.

Если в середине 20-го века, армия была самой развитой структурой, то с конца 20-го именно коммерческие компании находятся в первых рядах.

Однако, это действительно факт, что компания и правительство, компания и государство — абсолютно разные вещи. Потому что компания стремится к увеличению своих доходов, а государство и правительство главной целью ставят общий доход, или благо всей страны. Если понять эту разницу и начать управлять, то вклад предпринимательского духа в период глобализации, в эру неограниченной конкуренции, будет просто огромным.

Управление компанией, управление государством, — разве суть не одна и то же? Я убежден, что это так. Поэтому я и вернулся в начало своего пути, в тот период, когда мне было чуть больше двадцати. Я упорно работал, чтобы увидеть результаты роста компании, а теперь я буду еще больше стараться ради нашего общего развития.

Когда я начал писать это заключение, у меня было много, о чем сказать. Но впереди еще много дел, поэтому здесь я поставлю точку.

Нас ждет 21 век, век больших перемен.

Молодежь!

Чудес не бывает. Но сейчас мы должны идти навстречу новым вызовам судьбы, чтобы, в конце концов, новые чудеса создавать.

Январь 1995 года *Ли Мён Бак*